

Н.А.НАЗАРБАЕВ

ЭПИЦЕНТР
МИРА

Н. А. НАЗАРБАЕВ

**ЭПИЦЕНТР
МИРА**

Н. А. НАЗАРБАЕВ

ЭПИЦЕНТР МИРА

АЛМАТЫ
АТАМУРА
2003

ББК 66.3(2К)
Н 17

525327

ЭК

Назарбаев Н.А.

Н 17 ЭПИЦЕНТР МИРА. – Алматы: Атамұра, 2003. –
256 с., илл.

ISBN 9965-05-754-0

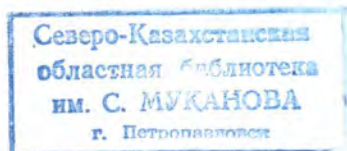
Н 0803010200-143
418(05)-2003

Без объявл.

ББК 66.3(2К)

ISBN 9965-05-754-0

© Назарбаев Н. А., 2001
© Издательство «Елорда», 2001
© Издательство «Атамұра», 2003

XX век. Это время, когда Вселенную вообразили частицей, а частицы оказались целой Вселенной. Это время, когда человек впервые потревожил вечный покой атома и он «огрызнулся», показав себя сильнее научного воображения.

Пробужденная сила доказала, что она не просто предмет для удовлетворения человеческого любопытства и частичка мира, а нечто большее. Что она – над миром и вне его, что не человек определяет ее судьбу, а, напротив, в ее бесконечной энергии – судьба человечества.

Люди научились управлять энергией ядра, но не научились управлять собой. Они потеряли доверие к человеку, но обрели доверие к ядерной силе.

Однако «военный» атом давно уже живет собственной жизнью. Его трудно обрести и еще труднее уничтожить. Его нельзя нацелить, потому, что мишень – это ты сам. Ему нельзя заглянуть в глаза, потому, что там – абсолютное зло. Ему нельзя довериться, потому, что его взаимность – не дружба, а рабство. Чем обернется такое доверие человека? И когда человечество вернет доверие к самому себе?

Эта книга не о пределах познания и не о рецептах для переоценки «ядерных» ценностей. Это книга-размышление о прогрессирующей опасности диктата силы над разумом и о трудных поисках человечеством формулы «ядерной» безопасности...

Н. Назарбаев, Астана, 2001

Пролог

МЕЧИ И ОРАЛА

Каждый человек живет наиболее яркими воспоминаниями своего детства – опытом первых лет жизни, накладывающим глубокий отпечаток на формирование и все последующие проявления его личности. Мир романтических открытий той «забытой» поры, всегда ошеломительных по первослучайности ощущений, образует некий социальный иммунитет, задающий человеку пространства, границы и возможности собственного «Я». Этот мир детства посылает сигналы, знамения и ориентиры, гением-хранителем возникает в трудный час, чтобы на пороге незнаемого и неведомого уберечь тебя от неправильных мыслей и действий – от распада межчеловеческих связей – распада времен.

Похоже, что и каждый социум – будь то экипаж космического корабля, коллектив сотрудников фирмы, нация или все сообщество жителей Земли – сохраняет свое единство, целостность и назначение, именно благодаря внутренней способности поддерживать и воспроизводить коллективную память о добре и зле когда-то пережитого, открывшегося знания и когда-то сделанного выбора.

И если это правда, что каждое новое поколение не только «повторяет» в сжатой форме историческую эволюцию человека, но и становится чуть совершеннее поколения отцов, то этим своим улучшением оно обязано выработанному в ходе той же эволюции дару критически осмысливать, адаптировать и реорганизовывать опыт прошлых решений применительно к дилеммам новых ситуаций и вызовов.

Одно из событий моего детства настолько вошло в мою жизнь и судьбу, что теперь уже трудно

разобраться: я храню в себе эту историю или эта история хранит меня?

...Еще задолго до моего рождения имелась в нашем доме армейская винтовка, захваченная одним из сородичей моего отца Абиша в стычке с отрядом карателей. То была лихая година 1916 года, когда во время первой мировой войны вспыхнуло вооруженное восстание против отправки казахов на тыловые работы полыхавшей на далеком западе российской империи войны. Но силы были неравны: против крестьян-ополченцев выступили хорошо обученные части регулярной армии.

Так что винтовка хранилась в нашей семье не столько как боевой трофей и знак родовой доблести, сколько как память о погибших.

Но однажды бабушка Мырзабала сказала: *«Это ружье сеяло смерть и страдания среди наших старших. Повергло в горе нас. Хотите ли вы, чтобы оно навлекло беды на головы наших младших? Не держи в доме зла – вот верх мудрости и благородства. А память наша да пребудет с нами».*

Сказано – сделано. Совершив древний обряд прощания с оружием, отец сдал винтовку властям, предварительно отстегнув и оставив себе выдавший виды шестигранный штык-иглу.

Сельские дети рано начинают трудиться. Однажды заметив, что из походов за зеленью для цыплят я возвращаюсь с исколотыми, изрезанными о листья травы ладонями (ибо не все росшее на поляне было клевером), бабушка распорядилась, чтобы штык перековали в серп: *«Мы победили, войны теперь не будет, а инструмент в хозяйстве пригодится».*

И действительно, оружия в стране, как своего, так и чужого, тогда было много. Мало было обыкновенных ножниц, мастерков, отверток, циркулей...

Наступил день, когда сверкающим полумесяцем в

дом принесли новенький серпик, который и стал для меня, крестьянского сына, первым в моей жизни инструментом.

По этому случаю бабушка пожертвовала свое старинное веретено: сняв с него красномедную монету-грузило, собственноручно обтесав и приделав его к серпу рукоятью, она протянула его мне со словами *«Будь хозяином. Содержи в чистоте и исправности и не оставляй где попало»*. Так – на холодное острие отцовского металла и теплую округлость материнского дерева – удлинилась в тот год моя рука.

Между детскими игрищами ребята находили в окрестностях села остатки оружия и воинских принадлежностей – от полуистлевших бронзовых наконечников средневековья до чуть тронутых ржавчиной револьверных рам и стреляных гильз. Играли в «войнушку», гордясь каждый своим раритетом. В такие минуты я вспоминал о винтовке, мысленно упрекая взрослых: *«Зачем отдали?»*. И по штыку: *«Зачем перековали?»*.

А рука сильнее сжимала серп, с которым я, считавший себя мужчиной, увязывался за взрослыми в поле, где, несмотря на их усмешки, добросовестно орудовал над колосками. Затем над речной заводью или на копне сена я предавался своим переживаниям и, достигнутый мальчишескими грезами, начинал фехтовать, сражаясь с напозавшими отовсюду чудищами облаков. От изнурительных битв глаза мне смежала усталость и, бывало, разбуженный нагрянувшим ливнем или вечерними криками птиц, я в страхе бежал поскорее домой.

Час расплаты за беспечность мечтаний настал, когда один из сверстников по неосторожности наступил на позабытый мною в траве серп. При виде фонтанирующей крови и охваченного паникой мальчика я впервые задумался, сколь зыбка граница между оружием и инструментом, хотя, что такое *«материалы и техно-*

логии двойного назначения» мне пришлось узнать много позже. «Будь хозяином!..» – повелительным эхом отозвался в ушах голос бабушки, с того дня ставший рефреном многих моих дум и поступков.

Вернувшись домой, я увидел скопление притихших людей. Мне сообщили, что *«бабушка отправилась на небо»*.

Пройдут годы, и, впервые попав в Нью-Йорк, я увижу в саду Организации Объединенных Наций знаменитого бронзового кузнеца работы Е. Вучетича, прочту библейские сказания Книги пророка Исайи о времени, когда люди *«перекуют мечи свои на орала и копыя на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать»*. Меня поразит универсальность типологии человеческих характеров и судеб, в которых независимо от специфики места и времени доминирует тяга к общезначимому выбору в пользу добра, развития, мира и ненасилия.

Позднее, уже в зрелом возрасте, общаясь с соотечественниками и современниками, я услышу от них их собственные семейные истории, удивительно похожие на мою, с естественной разницей лишь в деталях и обстоятельствах. Хотя еще не раз эта фабула будет всплывать передо мной, и в минуты тягостных сомнений я не раз с сожалением скажу: «Зачем отдал?». И каждый раз, бывая в штаб-квартире ООН, я буду трепетно переживать свидание с этим нравственным сувереном своего детства.

«Человек лишь повторяет акт творения; его религиозный календарь отмечает на протяжении одного года все космогонические фазы, которые имели место от основания». Кажется, подобная реминисценция из Клода Леви-Стросса возобладала в потоке моих мыслей, когда солнечной урожайной порой сентября 2000 года во главе делегации Республики Казахстан я отправился в Соединенные Штаты Америки представлять

свою страну на беспрецедентном, небывалом за всю прошлую историю Саммите Тысячелетия.

Уже в самолете я провел совещание с членами делегации и, наслышанный от своих помощников о «строжайшем» пятиминутном регламенте Миллениум-Саммита, уединился править свои речи с заданной целью – в малых, уже не словах, а интонациях, обеспечить своим мыслям максимально возможный простор.

К этому располагал и мерный рокот моторов и зримое в иллюминатор ощущение аэрокосмической взвешенности между синевой вод Атлантики и синевой осеннего надатлантического неба, и открывавшиеся в редких косых просветах рыбацкие шхуны, и пассажирские лайнеры, и вечно тревожные маяки, глазастыми добрыми волшебниками освещающие безопасные пути к берегам...

Каждая страна, относящая себя к Объединенным Нациям, посвятила Миллениуму свои подарки и сюрпризы – вещественные или духовные. В прошлые годы и Казахстан, уважительно разделяя добрую традицию, преподнес в дар ООН и на обозрение всего человечества точную копию сенсационной археологической находки 1970-х годов. С тех пор неразгаданным в своих тайных знаниях стражем мира, процветания и сотрудничества «Золотой человек» из Казахстана экспонируется в одном из помещений ООН.

Хотя свой главный, неизгладимый в памяти поколений подарок человечеству Казахстан сделал, избавив себя и свое окружение от опасности ядерной угрозы.

Время меняет цели и приоритеты, и даже великие свершения вчерашнего постепенно уходят в тень панхронии, уступая место суете сует, «головным болям», актуальным проблемам и неизжитым фрустрациям наступившего дня.

...Считанные часы оставались до того, как соразмерно вращению Земли Маятник Фуко в вестибюле Генассамблеи накачает урочное время и под своим кипарисовым сводом прозвонит звучащий лишь два раза в год японский Колокол мира.

Разобрав в рамках проблемно-постановочной части своего предстоящего спича негативные тенденции, факторы и последствия процесса глобализации, обозначив нарастающий ворох проблем центральноазиатского региона, я особо выделил предложения Казахстана в повестку вопросов, которые целесообразно было бы обсудить в Совете Безопасности ООН.

«В число обсуждаемых вопросов может быть включена и проблема распространения ядерной угрозы в связи с тем, что наметилось устойчивое противостояние некоторых стран, обладающих ядерным оружием. Ряд стран региона находится на пороге обретения этого оружия.

После распада СССР Казахстан остался обладателем громадного потенциала атомного оружия. Наша страна впервые создала прецедент добровольного отказа от этого арсенала. Поэтому сегодня мы вновь призываем все ядерные державы перейти к конкретным шагам по ликвидации ядерного оружия».

Я имел полное право на такой тон действия и произношения не только в стенах ООН, но и перед самим Господом Богом и всеми людьми – теми, кто уже завершил свой земной круг, и теми, кому жить только предстоит.

Потому что к моменту границы времен и тысячелетий за моей спиной уже имелась гордая и горькая судьба нашей переживающей новое рождение страны – момент выбора в пользу Истины, когда, вопреки колоссальным перегрузкам, драматическим поворотам и фантастическим соблазнам тех дней, был принят

единственно верный вариант решения судьбы ядерного оружия на территории Казахстана.

Не мне ли чувствовать неизмеримую благодарность Судьбе-Хранительнице за то, что моя личная история – история мальчика с серпом, выкованным из штыка – спустя многие годы чудесно повторилась в истории добровольного отказа обретшего независимость Казахстана от ядерного оружия в последовавшей после распада СССР ситуации распада времен.

Наступил день 6 сентября 2000 года.

Вышеприведенный фрагмент занял, как оказалось, не более 1/12 части от всего объема моего основного выступления.

Однако поднятая в нем проблема – все еще тема, требующая непрямого очищения зерен реализма от плевел иллюзорности.

И она – все еще серьезный повод заглядывать в глаза мальчишкам в городах и весях, на улицах и площадях на всем лице Земли, чтобы разгадать, о чем думают эти дети, что вынашивают в своих пропахших солнцем головах, и какие нравственные сигналы из детства повлияют на главные в их жизни выборы?..

Казахстан отказался от ядерного оружия. Время подтвердило мудрость нашего выбора. Об этом нужно и можно рассказать всему человечеству, и лучше, если это узнают из первых уст.

Так родилась эта книга-откровение, которую я рассматриваю как бессрочное приглашение к доверительному диалогу, разоружению и сотрудничеству между всеми, кто хоть в малой степени задумывается о том жестоком подарке, который ушедший век оставил новому столетию.

Глава 1

КАЗАХСТАН: К БЕЗЪЯДЕРНОМУ БУДУЩЕМУ

ДЕЛЕНИЕ СВЕРХДЕРЖАВЫ: четвертый ядерный потенциал

Невероятно динамичный XX век с его мировыми «горячими» и «холодными» войнами вошел в историю человечества как время невиданной по масштабам и средствам дуэли блокового противостояния непримиримых, взаимоисключающих систем. Это был период тотального господства оружия: если первая, «горячая» половина столетия проходила под знаком «тротила», то вторая, «холодная», — под знаком атомной бомбы. Последствия этого ушедшего века, по-видимому, долго будут отзываться разноликим эхом в еще ненаступившем будущем.

Однако глобальное противостояние не дожило до следующего столетия. Конец XX века ознаменовался мощными геополитическими потрясениями, связанными с распадом последней в истории человечества Империи.

Советский Союз, обремененный значительным грузом внутренних политических проблем, не выдержав затяжной гонки вооружений, прекратил свое существование. При этом возникшую в самом начале 1990-х годов картину постсоветского пространства уместнее всего было бы сравнить с домашней сценой после внезапной смерти родителя, когда перед лицом свалившейся на голову эмансипации, детям предстояло вынести и нелегкие похороны, и еще более проблематичный раздел наследственных прав и обязанностей.

Вскрытие родительских тайников обнажило страшные тайны. Распад СССР сформулировал перед обретшими независимость государствами проблему гигантского арсенала атомного оружия и средств его доставки, размещенных на территории ряда постсоветских республик.

Среди наследников ядерного арсенала оказался и Казахстан. Перед республикой встал сложный выбор, что делать с этим оружием?

«Принять? Но ты – чудовище. Прогнать? Но ты – сокровище», – гласит казахская поговорка. В воздухе начала 90-х, насквозь пропахшем смутой и неизвестностью, вопрос о том, быть ли Казахстану ядерной державой или нет, обстоял сложно, привлекая к себе массовое внимание и вызывая бурю страстей и эмоций. От того, как мы решим эту проблему, зависело не только наше ближайшее, но и далекое будущее.

Тяжким путем сомнений, изнурительной войной доводов и контраргументов, спором прошлого с будущим, непримиримой тяжбой счастья с несчастьем, обладания с необладанием обернулась для нас дорога восхождения к впоследствии принятому правильному решению.

* * *

Даже сегодня еще не все достаточно четко и ясно представляют, насколько мощный и грозный ядерный потенциал остался на казахстанской земле после распада СССР.

Исчерпывающая информация о стратегическом и тактическом ядерном оружии чем-то сродни улыбке Чеширского кота: все видят «ядерный» оскал, но мало кто видит все остальное. Так и здесь. Мы обычно говорим о некоем количестве ядерных боеголовок на территории Казахстана, которое известно точно, но нигде не упоминаем их мощност, которую непосвященные могут оценить, только исходя из косвенных соображений. Однако думаю, что сегодня уже можно приоткрыть завесу этой тайны.

По состоянию на начало 1991 года, на территории Казахстана находился огромный арсенал оружия массового поражения, который включал в себя

1216 ядерных боеголовок для межконтинентальных баллистических ракет и ядерных зарядов для тяжелых бомбардировщиков. Комплекс ядерных стратегических сил на территории Казахстана включал все возможные и самые современные средства массового поражения и доставки ядерных зарядов.

В разных концах страны на значительном удалении друг от друга были рассредоточены авиационные базы стратегических многоцелевых бомбардировщиков и шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет, снабженных разделяющимися ядерными боеголовками.

В самом центре Казахстана, в Акмолинской области дислоцировалась 38-я дивизия Ракетных Войск Стратегического Назначения (РВСН). В состав дивизии, кроме наземных подразделений, служб поддержки и обеспечения, входило около 60 шахтных пусковых установок, работа которых координировалась во семью универсальными командными пунктами.

Еще один полноценный боевой стратегический ракетный комплекс, 57-я ракетная дивизия, была расположена в Восточном Казахстане и состояла из такого же «стандартного набора» – порядка 60-ти шахтных пусковых установок и 8-ми универсальных командных пунктов.

На юге страны, в Кызылординской области располагался комплекс пусковых установок, состоящий из 14 шахт. Кроме того, существовали еще 12 шахтных пусковых установок для баллистических ядерных ракет, дислоцированных в урочище Балапан в районе Семипалатинского ядерного полигона.

На уровне шахтного комплекса боевое дежурство осуществлялось так называемыми универсальными командными пунктами. Специальный подземный бункер, в котором он размещался, был автономной системой, призванной в оперативном режиме осу-

шествовать запуск ракет по приказу Центра управления. На специальном табло-транспаранте высвечивалась необходимая для работы информация: от шифрованного приказа до кодов доступа к запуску. Перед дежурными были только цифры, цифры и цифры. Название стратегической мишени также было упрятано за специальным кодом цели. Поэтому если бы дежурные офицеры командного пункта получили приказ о запуске и коды доступа, они бы так и не узнали, куда улетела их ракета.

Команда Центра должна была быть исполнена в любом случае, поэтому существовал целый комплекс мер, необходимых для дублирования режима запуска. Даже если гипотетически предположить, что все электронные приборы и оборудование для запуска межконтинентальных баллистических ракет отказали, в ракетных дивизиях существовал расчет автономного запуска или так называемая команда «смертников». В ее задачу входило оперативно, в случае необходимости, попасть внутрь шахтного комплекса и вручную осуществить немедленный запуск межконтинентальной баллистической ракеты.

На эвакуацию отводились считанные секунды. Это только герои боевиков-бестселлеров на тему атомного Апокалипсиса могли находиться внутри шахтного комплекса в момент старта ракеты, а затем спокойно выйти оттуда, словно они только что из сауны. На самом деле, иногда могло не хватить и пяти минут, чтобы удалиться на безопасное расстояние.

РВСН были своего рода военной элитой бывшего СССР. Попасть в эти войска было очень сложно, а выйти невозможно. Считалось, что от них и только от них зависел исход возможного в будущем ядерного конфликта. Я встречался с офицерами, закончившими военные училища РВСН, которые осуществляли боевое дежурство и, образно выражаясь,

держали указательный палец на «красной» кнопке. Могу сказать без всякого преувеличения, в Ракетных Войсках Стратегического Назначения служили самые мужественные и хладнокровные люди. Именно благодаря офицерам и солдатам РВСН, их поддержке и исключительной ответственности все эти годы мы мирно жили рядом с этим чудовищным оружием, которое в любой момент могло обратиться не только против так называемого «вероятного противника», но и против нас самих.

В общей сложности в Казахстане было сосредоточено 148 шахтных установок для запуска межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования. В этих пусковых шахтах размещалось ровно 104 межконтинентальные баллистические ракеты Р-36М УТТХ (по западной терминологии СС-18). Каждая из этих ракет была оснащена ядерной боеголовкой из нескольких разделяющихся головных частей индивидуального наведения, число которых могло доходить до десяти. Полезная нагрузка ракет СС-18 составляла 7,6 тонны, а радиус поражения – около 12 тысяч километров.

Мы привыкли, что бытовые приборы имеют паспорта, инструкции по применению и гарантийные талоны, указывающие срок их гарантийной работы. Как это ни странно с обыденной точки зрения, ядерные монстры, способные летать и уничтожать целые города, также имели паспорта и срок гарантии. Из них следовало, что, например, металлический цилиндр невероятных размеров зовут РС-20, и к «услугам военных» он постоянно в течение десяти лет. После этого срока, образно выражаясь, он за себя не отвечает...

Межконтинентальная баллистическая ракета Р-36М УТТХ была внесена в Книгу рекордов Гиннеса как средство доставки, которое по своим техни-

ческим характеристикам и поражающему фактору превосходило все ракеты аналогичного класса.

Одним словом, была чемпионом мира среди межконтинентальных баллистических ракет. И весьма символично, что на Западе эта ракета получила недвусмысленное прозвище «Сатана».

В этих баллистических ракетах с разделяющимися ядерными боеголовками, которые базировались на территории Казахстана, было поистине что-то дьявольское. Они подавляли даже своими размерами. Мне, например, становилось немного неуютно при взгляде на огромное туловище «Сатаны» длиной 34 и толщиной 3 метра. Самим своим существованием, вне зависимости от того, на кого они были нацелены, эти ракеты вносили чувство тревоги и ужаса в души всех людей планеты и закладывали страх даже в сердца их обладателей, так как в любой момент с сатанинской непредсказуемостью могли обернуться против них самих. И тогда, в начале 1990-х годов, перед нами стоял не столько технический, сколько общечеловеческий вопрос: продолжать наводить ужас на всех и вся или навеки избавить человека от зловещей тени еще одной армии «Сатаны».

Не менее мощную ударную силу представляла собой также базировавшаяся в районе г. Семипалатинска 79-я авиационная дивизия в составе 27 тяжелых стратегических бомбардировщиков дальнего действия ТУ-95МС6 (по западной классификации «Beag-H6») и 13 бомбардировщиков аналогичного класса ТУ-95МС16 («Beag-H16»), которые были вооружены крылатыми ядерными ракетами большой дальности АС-15.

Возвратная дальность полета этих стратегических «медведей» составляла около 8,3 тысячи километров. ТУ-95МС6, как следует из названия бомбардировщика, мог нести до шести крылатых ра-

кет, а ТУ-95МС 16, соответственно, до 16 крылатых ракет с ядерными боеголовками.

Но, как говорится, «все познается в сравнении». Чтобы иметь наглядное представление о казахстанском ядерном арсенале в 1216 боеголовок, приведу некоторые цифры по атомному оружию ряда других ядерных государств.

Так, например, по состоянию на 1995 год, т.е. на год окончания вывода ядерного оружия с территории Казахстана, Великобритания имела примерно от 264 до 296 атомных боеголовок, базировавшихся на бомбардировщиках GR-1 «Торнадо» и баллистических ракетах подводных лодок А3-ТК «Поларис» и D-5 «Трайидент-2». Мощность зарядов составляла от 40 до 400 килотонн.

Французская Республика имела примерно 512 ядерных зарядов от 80 килотонн до 1 мегатонны, размещенных на самолетах «Мираж-IVP», «Мираж-2000Н», палубных самолетах «Супер-Этандар» и в баллистических ракетах S3D, «Гадес» и М-4А/В.

На вооружении Китайской Народной Республики состоял арсенал из 284 атомных бомб от 200 килотонн до 5 мегатонн. Этот боекомплект размещался на стратегических бомбардировщиках В-5, В-6, А-5 и на баллистических ракетах шахтного базирования CSS-2, CSS-3, CSS-4, CSS-6 и CSS-N-3.

Таким образом, по сравнению с некоторыми другими ядерными державами, на территории Казахстана находился гигантский по своей поражающей способности ядерный арсенал. Совокупная суммарная ядерная мощь казахстанского оружия была достаточна для гарантированного уничтожения важнейших стратегических объектов всех потенциальных противников бывшего Советского Союза. Использование этого оружия позволяло буквально стереть с лица Земли более тысячи городов с многомил-

лионным населением, если не сказать большего – гарантированно уничтожить целые государства и даже континенты.

* * *

Казахстан был не просто местом дислокации стратегических ядерных вооружений и средств их доставки. Находящийся на нашей территории чудовищный по своей мощности военно-технический потенциал был целой налаженной индустрией, своего рода «государством в государстве».

Грозное «государство» в государстве со своим транспортным парком (ракетно-авиационными средствами доставки), своими средствами коммуникаций (радиолокационными станциями и системами армейской связи), подземными городами (шахтными комплексами для межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования), администрацией (оперативными командными пунктами), промышленностью (урановыми рудниками и перерабатывающими заводами предварительного обогащения), исследовательскими учреждениями (ядерными полигонами, реакторами и научно-исследовательскими лабораториями военного назначения) имело и своих «граждан» – атомные и термоядерные боеголовки.

Можно сказать, что с распадом СССР Казахстан получил всю необходимую базу для осуществления полного военного ядерного цикла: испытаний, модернизации и производства ядерного оружия.

В Казахстане располагался целый комплекс ядерных полигонов, на которых в разное время испытывались всевозможные виды атомного оружия и ракетно-авиационных средств его доставки.

Помните, есть такое выражение «непотопляемый авианосец», который употребляют по отношению к некоторым островам? Учитывая количество ядерных

и ракетно-ядерных полигонов на нашей территории, невольно приходишь к мысли, что весь Казахстан являлся «ядерным полигоном».

Один из этих испытательных ядерных полигонов – Семипалатинский – был важнейшим стратегическим объектом Советского Союза. Развитая инфраструктура этого полигона включала в себя секретный город Курчатов (Семипалатинск-21), реакторный комплекс, систему испытательных площадок «Балапан», «Г» (сейсмокомплекс на Дегелене), «Ш» (так называемое «Опытное Поле») и множество других более мелких опытных площадок. В течение полувека на этих опытных площадках Семипалатинского ядерного полигона было произведено 456 ядерных взрывов. Эти испытания позволили не только значительно повысить поражающую мощь атомного оружия, но и создать его новые виды.

Но когда узнаешь о неисчислимых бедах, которые принесли эти «мирные» испытания, поневоле задумаешься: кому и зачем нужно было усовершенствование ядерного оружия? Чтобы одной бомбой стереть с лица Земли город, а потом еще раз десять доравнять его? Чтобы иметь возможность полностью уничтожить не только город, но и страну и даже, после некоторого «усовершенствования», целый континент? Может, усовершенствовать ядерное оружие и, наконец, максимально усовершенствованной бомбой, не создавая больше никому никаких проблем, одним махом уничтожить всю Землю?

Когда с самодовольным видом говорят, не зря, мол, мы совершенствовали эту бомбу, теперь она, видите ли, позволяет уничтожать только людей, сохраняя материально-технические ценности, я невольно задумываюсь: может те, кто против испытаний ядерного оружия, действительно чего-то глубоко не понимают в этом мире? По крайней мере, чув-

ствуется некий огромный дисбаланс между уровнем человеческого самосознания и достигнутого им уровнем «технологии эффективного уничтожения». Казалось бы, понятны чувства австралопитека, размахивающего деревянной дубинкой. Неужели точно такие же чувства испытывают люди, размахивающие дубинкой ядерной? Японцы, кстати, кроме «караоке» и карманных электронных животных, изобрели комнаты для «отвода души». Придешь в такую комнату, ударишь манекен, побьешь посуду, сломаешь пару стульев, а потом выходишь на улицу с чистым сердцем и мирными помыслами. И, говорят, действительно помогает! Поэтому когда высказывают точку зрения о том, что электронные игры воспитывают чувство агрессии и потребность в насилии, я все-таки немного сомневаюсь. Может, именно имитация насилия во имя справедливости, составляющая «сюжетную канву» большинства этих игр, несколько смягчает душу и просто «отводит» агрессивность, а не прибавляет ее.

Если и нужно излить избыток агрессивности, то лучше это делать в виртуальном, а не в реальном мире. И я искренне надеюсь, что непреодолимое желание «яйцеголовых» имитировать на компьютерах взрывы ядерных и водородных бомб не выльется во что-то реальное и ужасающее, а постепенно превратится в безобидную игрушку военных. Как говорится, играй себе, но без нашего непосредственного участия!

* * *

Кроме наличия стратегического и тактического ядерного арсенала, а также полигонов, на которых проводились испытания ядерного оружия, наша республика обладала необходимой инфраструктурой и ресурсной базой для производства активных компонентов ядерного оружия.

В недрах Казахстана залегают порядка 25 процентов разведанных мировых запасов природного урана, который после обогащения может использоваться не только как топливо для ядерных энергетических реакторов, но и для создания атомного оружия. Мы обеспечивали 85 процентов ядерного топлива для атомных установок и объектов Советского Союза. А в целом, на долю нашей республики в настоящее время приходится до 5 процентов всей мировой добычи урановой руды.

Имелась в начале 1990-х годов в Казахстане и вся необходимая научно-исследовательская база для создания и модернизации ядерного оружия. В Алматы размещался крупнейший тогда в регионе Институт ядерной физики, в котором сконцентрировано достаточно много высокопрофессиональных и талантливых ученых-ядерщиков. В нем работали и продолжают работать специалисты в этой самой наукоемкой области.

В научно-технических и военных целях использовался находящийся на территории Казахстана целый комплекс ядерных реакторов. Всемирно известен единственный в своем роде актауский реактор на быстрых нейтронах БН-350. В алматинском Институте ядерной физики ведутся активные исследования на реакторе ВВЭР-К мощностью 10 МВт, в котором используется топливо с обогащением до 36%. Существовал еще комплекс семипалатинских реакторов – так называемый объект «Байкал», в состав которого входили реактор типа IVG-1М, импульсный графитовый реактор IGR водяного охлаждения с высокообогащенным реакторным топливом и исследовательский реактор РА газового охлаждения с низкообогащенным урановым топливом.

На территории Казахстана находятся крупные предприятия по переработке и предварительному

обогащению урана. Например, Ульбинский металлургический комбинат, основной продукцией которого являются топливные таблетки с низкообогащенным ураном для атомных реакторов.

В Советском Союзе заводы по высокому обогащению природного урана и повышению его до уровня оружейного находились в России. Однако если даже гипотетически предположить, что Казахстан решил бы остаться ядерным государством, обладая соответствующей технологией, нам уже через несколько лет наверняка удалось бы на том же Ульбинском комбинате производить собственный высокообогащенный уран.

Кроме того, на территории Казахстана после распада СССР оставалось достаточное количество обогащенного урана, пригодного для производства атомных бомб. Только на Ульбинском комбинате имелось почти 600 кг высокообогащенного оружейного урана. Из этого количества можно было изготовить более десятка ядерных бомб. Впоследствии, в соответствии со специальным соглашением между Республикой Казахстан и США в рамках проекта «Сапфир», данный высокообогащенный уран был вывезен на американскую территорию в Довер, штат Делавер, а затем в Оак-Ридж в штате Теннесси.

Имелась в Казахстане и определенная база, которая могла бы использоваться для производства ядерного оружия. Например, на Семипалатинском полигоне находился сверхсекретный объект, где ранее уже монтировались ядерные бомбы: атомные заряды обычно перевозят в разобранном виде и только по прибытии на место монтируют в единую схему на специальной сборочной линии.

Таким образом, Казахстан обладал почти всей необходимой научно-исследовательской, добывающей и даже производственной инфраструктурой для со-

здания собственного ядерного оружия. И международные эксперты не ошиблись, когда, проанализировав имевшийся у Казахстана ядерный потенциал, присвоили нашей республике четвертый – после США, Российской Федерации и Республики Украина – порядковый номер в мировом рейтинге ядерных держав.

Казалось, судьба предоставила нам в начале 1990-х годов уникальный шанс: сразу с обретением независимости выдвинуться из «политического небытия» в разряд ядерной державы мировой значимости. Мысля военными категориями, мы неизбежно пришли бы к выводу о том, что такого шанса упускать нельзя.

Сохранив ядерное оружие исходя только из престижных соображений, мы могли бы сразу же войти в пятерку стратегических держав мира и, упиваясь превосходством, стать вершителями судеб, время от времени демонстрируя мощь своего убийственного атомного арсенала.

Но никакие внутренние соображения и внешние обстоятельства не могли заставить пойти нас по этому «ядерному» пути. И сегодня, по прошествии уже почти десяти лет, я все больше убеждаюсь в правильности и исторической значимости принятого нами тогда решения.

ЯДЕРНОЕ ИСКУШЕНИЕ

Региональная Сверхдержава или Территория Мира?

Как свидетельствует история, первое взрывчатое вещество появилось в Китае, в районах с залежами селитры. По крайней мере, взрывчатые свойства смеси серы и древесного угля в Поднебесной были известны давно, до нашей эры. Говорят, еще в то время некий китайский ученый Ван Гу построил ракетоплан с двигателем из пороховых ракет, который, правда, взорвался еще на старте. Выражаясь современным языком, получается, что еще до нашей эры на территории Китая были известны ракетные средства.

Так или иначе, порох распространился по всему миру. И одной из первых стран, куда порох попал в качестве зарядного взрывчатого вещества для огнестрельного оружия, стала Индия. В ведических рукописях упоминается одно сражение, в котором воевавшие между собой раджи соседних княжеств использовали друг против друга огнестрельное оружие. Однако чудовищное по тем меркам, оно тогда не прижилось в Индии. Основная причина заключалась, по-видимому, в том, что среди индийских военных каст и сословий слишком сильное развитие получили благородные традиции рыцарства.

Наличие исключительных рыцарских качеств индийских племен отмечал еще Александр Македонский. Недаром именно индийский раджа Пор оказал ему самое яростное сопротивление из всех побежденных правителей. Это было во время знаменитой битвы на Гефасисе, в которой македонская фаланга вступила в ожесточенное сражение с индийскими слонами и железными колесницами.

Как писал известный исследователь древности про-

фессор Ф.Шахермайер, «...это был самый блестящий бой в истории человечества». Рыцарский дух и облик побежденного раджи произвели на Александра такое впечатление, что он сделал Пору своим наместником на побежденных индийских территориях.

Исконное благородство и естественный дух ненасилия не позволял индийским воинам понять, как можно убить человека, не вступая с ним в честное единоборство. Поэтому в наставлениях и «военных» руководствах воинам запрещалось использовать исключительно неблагородное пороховое оружие, так как с его помощью простой смертный сможет поразить рыцаря, который по традиции должен показать свои воинские качества и стойкость духа в открытом поединке.

Постепенно пороховое оружие было, так сказать, снято с боевого дежурства. Так, природное благородство и истинное миролюбие индийского народа позволили ему на протяжении своей истории избежать массового кровопролития и больших человеческих потерь в междоусобных войнах.

Несмотря на некоторые издержки, связанные с иноземными вторжениями, необладание пороховым оружием, как показала история, привело к гораздо более лучшим результатам, чем привело бы его обладание.

Но вернемся в наши дни. Даже спустя столетия и тысячелетия человеческой истории перед нами стоит все та же мучительная дилемма обладания и необладания. Мы, казахстанцы, столкнулись с этим в годы становления нашей независимости и государственности. Столкнулись, что называется, лоб в лоб. Народ и ядерное оружие, государство и ядерный статус, миролюбие и агрессивность, будущая безопасность и постоянная опасность, миротворчество и подготовка к войне. Что выбрать?

Оглядываясь назад, вспоминаю те дни, когда

осознанию необходимости принятия исторического решения об отказе от ядерного оружия предшествовала целая серия мучительных сомнений, затяжных консультаций, общественных дебатов и переговоров в самых различных форматах. Вокруг этого очень непростого и эпохального события развернулись поистине драматические события.

В споре – быть ли Казахстану ядерным? – проявился весь спектр внутриполитических течений, гражданских позиций, стратегического мировоззрения и порой просто меркантильных интересов в нашем казахстанском обществе. Но постепенно, несмотря на огромное количество «за» и не меньшее количество «против», постепенно, шаг за шагом буквально выкристаллизовалось единственно верное решение — Республика Казахстан и Центральная Азия должны быть зоной, свободной от ядерного оружия!

В те годы в нашем обществе были люди, и их было немало, кто считал, что Казахстан должен был сохранить ядерное оружие. В прессе даже появлялись материалы, в которых говорилось, что, мол, в казахстанском обществе произошел раскол по вопросу об обладании ядерным оружием.

Для прояснения ситуации должен сказать, что был спор, но не было раскола. Никто не вправе запретить гражданам страны «свое суждение иметь». Но это была позиция только и только отдельных людей и мне, думаю, нет необходимости доказывать, что подавляющее большинство населения было решительно против как испытаний, так и против обладания ядерным оружием.

С самого начала мы склонялись к поддержке идеи необладания и, в то же время, даже в мыслях не было устраивать «охоту на ведьм» против казахстанских «ястребов», выступающих за сохранение ядерного оружия. В первую очередь, из-за достаточной ясной

ти в этом вопросе: народ решительно против атомного оружия.

О необходимости оставить ядерное оружие на казахстанской территории под любым предлогом прямо заявляли некоторые политологи, эксперты, ряд военных, отдельные общественные деятели, в том числе активисты движений «Азат», «Алаш» и ряда некоторых других общественных объединений. Дискуссия разворачивалась и в прессе. Вот, к примеру, мнение одного военнослужащего, подполковника Вооруженных Сил, опубликованное в газете «Казахстанская правда»: «...считаю, что, оставшись без оружия сдерживания (в данном случае им является ядерное), мы окажемся открытыми для разного рода авантюристов. Кто сейчас поручится за безопасность наших границ? Или нам действительно нечего защищать? Разве мы сильнее Кувейта без ядерного оружия?...» Или такое, достаточно типичное для того времени, высказывание известного политолога, озвученное на одной из многих проходивших тогда в Казахстане международных конференций по ядерной проблематике: «...Наличие ядерного оружия на территории Казахстана в определенной степени ...является стабилизирующим временным фактором, потому что до настоящего времени Республика Казахстан фактически имеет мало гарантий неприкосновенности и территориальной целостности». Правда, тут же добавляется, что «когда эти гарантии появятся... республика в первую очередь постарается избавиться от этого ядерного оружия».

Или вот еще мнение: «...наличие ядерного оружия на территории Казахстана нужно воспринимать, наверное, как данность, которую когда-то Бог сказал Адаму: «вот, Адам, это – Ева, выбирай себе жену», то есть никакой альтернативы...».

Анализируя высказывания «поклонников Марса»

по поводу необходимости обладания ядерным оружием, я заметил, что четко выраженной и безоговорочной приверженности ядерному статусу все-таки не было. Высказывания делались в основном с оговорками. Без всяких обид и с легкой долей иронии скажу: персоналии выглядели так, как будто или ястреб забрался в голубятню или голубь нечаянно залетел в ястребиное гнездо.

Мне кажется, нет необходимости перечислять и цитировать все без исключения доводы «ястребиного крыла». В целом, прозвучавшие «алиби» в пользу сохранения ядерного оружия сводились примерно к следующим аргументам, которые я для ясности суммировал.

Прежде всего, и это был, пожалуй, главный аргумент сторонников сохранения ядерного оружия – недавно ставший независимым Казахстан должен был иметь какие-то гарантии сохранения своего суверенитета. В этой связи, обладание ядерным оружием, по их мнению, могло служить средством сдерживания любого недоброжелателя нашей молодой республики.

Ситуация в мире в связи с окончанием биполярного противостояния оставалась совершенно неопределенной и непредсказуемой. Остаются ли бывшие враги и соперники таковыми до сих пор? Не превратятся ли бывшие большие и малые «братья» в смертельных врагов, угрожающих самому существованию молодого, еще не окрепшего государства? Не возникнет ли цепная реакция взаимных территориальных претензий между бывшими советскими республиками в среднесрочной и долгосрочной перспективе? В конце концов, с Казахстаном граничат два могущественных ядерных государства, каждое из которых имеет многовековую историю стратегических интересов в Центральной Азии.

В этих неопределенных условиях большую опас-

ность тайла в себе слабость молодой казахстанской армии.

После распада СССР на территории республики в качестве основной военной силы фигурировали воинские формирования бывшего советского Среднеазиатского военного округа.

Общее количество Вооруженных Сил Казахстана составляло тогда порядка 40 тысяч военнослужащих, однако их техническая оснащенность оставляла желать лучшего.

На вооружении казахстанской армии находилась преимущественно изношенная, морально устаревшая техника. Общая боеспособность воинских частей была достаточно низкой, что объяснялось как моральными факторами (большинство бывших советских офицеров, оказавшихся по воле судьбы на службе в Среднеазиатском военном округе, были деморализованы распадом Советского Союза, которому они приносили присягу), так и отсутствием у Казахстана собственного опыта военного строительства.

«Не спрашивай «Где враг?», он – за околицей. Не спрашивай «Где волчонок?», он – под шапкой», говорили наши воинственные предки.

Следуя этой мудрости, а также ввиду полной неопределенности дальнейшего развития событий в нашем регионе, сторонники сохранения ядерного оружия считали, что Казахстан должен был сохранить ядерное статус-кво и дожидаться окончательного расклада политических интересов как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Они говорили, что в случае каких-либо непредвиденных ситуаций, способных реально или даже гипотетически угрожать суверенитету Казахстана, наша республика, обладая «ядерной дубинкой», даже при относительно слабых Вооруженных Силах будет иметь достаточный «аргумент» для сдерживания по-

тенциальных амбиций практически любого вероятного противника.

При этом сторонниками сохранения ядерного оружия пропагандировался принцип так называемого «разумного и достаточного обладания»: «Обладание ради самого обладания. Независимо от количества ядерных боеголовок и средств доставки, главное – ядерный статус».

В качестве аргумента выдвигался тезис о том, что Казахстан при желании вполне может справиться с экономическими затратами, сопряженными с сохранением ядерного оружия. Скажем, к примеру, ядерный потенциал Казахстана, как мы уже упоминали, составлял более тысячи ядерных зарядов. Но с точки зрения регионального доминирования важна не количественная сторона, а в большей степени качественная. Не размер ядерного потенциала, а само его наличие. В условиях рыночной экономики неэффективно было содержать и, тем более, постоянно держать в боеготовности 1216 ядерных боеголовок.

Однако вполне возможно было реализовать другой, намного более экономичный и разумный вариант. Необходимо не оставлять и не избавляться, а просто значительно сократить ядерный арсенал. Например, до разумных цифр порядка 20–50 ядерных боеголовок. Скажем, 30 наиболее мощных атомных зарядов. Ситуация со средствами доставки аналогична – оставить одно-два боеспособных подразделения из всего ракетно-авиационного комплекса республики.

Помню, как один наш доморощенный казахстанский ястреб по этому поводу остроумно заметил, что ядерное оружие является своеобразным гомеопатическим препаратом: даже в малых «дозах» оно способно вызвать эффект адекватного устрашающего сдерживания.

И с экономической, и с организационной точки зрения Казахстан мог позволить себе содержание и конт-

роль над этими оставшимися на территории республики тактическими ядерными силами. Расходы, конечно, огромные. На содержание полноценной ракетной дивизии уходило столько же средств, сколько на содержание всех Вооруженных Сил Казахстана в то время. Но расходы на оборону составляют около одного процента ВВП республики. Могло показаться, стоит только добавить один процент и чуть-чуть затянуть пояса – зато какие перспективы!

Впоследствии мы могли бы создать свое собственное оперативное командование тактическими ядерными силами с казахстанской «атомной кнопкой», развернуть системы раннего оповещения, а с ростом экономики – и увеличить свой ядерный арсенал.

Известно, что попутным средством минимизации финансовых расходов на содержание ядерного потенциала является отказ от его модернизации и модификации путем серий экспериментальных ядерных взрывов. По поводу возможности отказа от ядерных испытаний в свое время совершенно определенно высказывался академик А. Д. Сахаров: «Это ложная аргументация в своем последнем пункте. Мы можем все обстоятельства, связанные с хранением ядерного оружия, проверять, не производя истинного ядерного взрыва, заставляя все системы срабатывать, за исключением этого последнего момента – момента ядерного взрыва. Существуют методы контроля, которые дают возможность сделать это. Последний этап ядерного взрыва, если у нас заменено ядерное горючее на пассивное вещество, не требует проверки».

Конечно, требовался достаточно большой комплекс обслуживающих работ по сохранению ядерного потенциала и средств доставки (и ружье время от времени надо смазывать), но не было необходимости содержать в рабочем состоянии ядерные полигоны и испытывать на них атомное оружие.

Так что сохранение малого количества ядерного оружия без его модернизации и наращивания Республика Казахстан, несмотря на неблагоприятную ситуацию в экономике, вполне могла себе позволить.

Такое «status quo», по замыслам апологетов ядерного статуса, можно поддерживать в течение достаточно протяженного периода, по крайней мере, от 10 до 20 лет. За это время можно было бы окончательно определиться с проблемой ядерного оружия на земле Казахстана.

Нашлись в Казахстане и такие деятели, которые запальчиво утверждали, что обладание четвертым по величине арсеналом ядерного оружия сможет вывести нашу республику в разряд мировых супердержав. Строились даже грандиозные планы по выводу Вооруженных Сил Казахстана на одну из первых позиций в мире.

...Могучий Казахстан автоматически становится центром притяжения многих неядерных стран, ищущих нашего покровительства. Государственные деятели ядерных стран терпеливо стоят в очереди, чтобы вести с нами переговоры...

Вам, уважаемый читатель, ничего это не напоминает? Да, вы правы. Ни дать, ни взять, «ядерные Нью-Васюки».

Другие эксперты играли на возможных внешнеполитических дивидендах и делали ставку на «эффект привыкания» к ядерному статусу со стороны мирового сообщества.

В их представлении необходимость обладания определялась не столько наличием ядерного оружия, сколько статусом ядерной державы. Этот статус давал бы многочисленные козыри при решении тех или иных конфликтных ситуаций и стимулировал расширение экономического сотрудничества на основе «ядерной стабильности», привлекая широкий приток инвес-

тиций под ядерный зонтик. Ближайшие соседи и международное сообщество после определенного периода недоразумений и политического давления будут воспринимать ядерный статус республики как данность, как неотъемлемую часть Вооруженных Сил Казахстана, говорили они.

Ряд общественных деятелей из научной среды рассматривал необходимость сохранения ядерного комплекса как фактор сохранения научно-технического потенциала и дальнейшего развития фундаментальной и прикладной науки. Обоснование выстраивалось по принципу «фиалки – из тигля». Так, мол, и так: на земле Казахстана осталась не только военная составляющая ядерного комплекса, но и огромная инфраструктура, лежащая в основе развития и функционирования атомной энергетики. Это и огромные залежи природного урана, и научно-исследовательские реакторы, и большое число высококвалифицированных специалистов в этой достаточно перспективной области получения и трансформации энергоресурсов.

Одновременно с сохранением ядерного арсенала мы получили бы возможность достичь очень высокого уровня собственных научных и технических разработок в области атомной энергетики. В частности, на Семипалатинском ядерном полигоне активно велась разработка двигателей на радиоактивном топливе, которую можно было продолжить, привлекая научное мировое сообщество. И так далее и тому подобное...

Эти аргументы, несмотря на свои очевидные слабые места, все же таили в себе множество дьявольских соблазнов.

Но все же сторонники сохранения ядерного оружия были не правы. Не правы потому, что все кажущиеся выгоды от обладания ядерным оружием становятся эфемерным туманом, если вспомнить те жерт-

вы, которые принес Казахстан на алтарь обладания ядерным оружием. Наша страна, наверное, как ни одна из точек земного шара пострадала от апокалиптических последствий ядерных испытаний. Мы просто не имели морального права продолжать уничтожать свой народ и землю ядерными взрывами.

Сторонники сохранения ядерного оружия были не правы и потому, что обладание ядерным оружием принесло бы молодому независимому государству больше вреда, чем пользы.

И дело не столько в гигантских материальных затратах, которые вынужден был бы нести Казахстан, оставив себе ядерный арсенал, сколько в деструктивных геополитических последствиях как для региона Центральной Азии, так и для всей системы глобальной безопасности.

Сохранение Казахстаном атомного арсенала торпедировало бы складывавшуюся десятилетиями систему нераспространения ядерного оружия и могло иметь крайне негативные для республики политические последствия.

Но самое главное, в чем они ошибались, так это в том, что считали ядерное оружие универсальным гарантом безопасности будущего Казахстана. Индивидуалистский подход, выражающийся в гонке вооружений как основном принципе обеспечения безопасности методом сдерживания «вероятного противника», к началу 1990-х годов уже однозначно доказал свою бесперспективность. История человечества и, прежде всего, история Европы, прошедшей за многие столетия через множество ужасных войн, учит нас тому, что обеспечить безопасность государства по принципу «хочешь мира – готовься к войне» более невозможно.

Практика показывает, что наращивание военного потенциала уже не обеспечивает безопасность государства, а наоборот является дестабилизирующим фактором.

Поэтому сохранить ядерное оружие было для нас равнозначно тому, чтобы сделать граждан Казахстана его заложниками.

Именно этими соображениями мы руководствовались, когда принимали решение об отказе от ядерного оружия.

Отказ от ядерного оружия — воля народа независимого Казахстана

Когда земля вскрикнула...

Огромная географическая карта Советского Союза, раскинувшего свои границы на евразийских просторах, усеяна множеством точек-городов, в которых живут и работают самые разные люди разных профессий и судеб. Эта карта мирных городов, районных центров и административных единиц. Но есть города, которые не указаны на таких картах. Не потому, что они слишком маленькие и слишком незначительны. Они не указаны потому, что они принадлежали к так называемому военно-промышленному комплексу, своего рода «государству в государстве».

Эти города-призраки отсутствовали не только на карте. Практически большинство гражданского населения Советского Союза попросту не подозревало об их существовании. Жители этих городов, выезжая за их пределы, говорили, что они «из Арзамаса», хотя на самом деле жили в «Арзамасе-16». Говорили, что они «из Челябинска», хотя на самом деле родились, жили и работали в «Челябинске-7». И так далее.

21 августа 1947 года правительство СССР специальным постановлением приняло решение о создании еще одного такого секретного города, получившего кодовое название «Семипалатинск-21». Город должен был полностью обслуживать совершенно новую структуру воен-

но-промышленного комплекса, так называемый испытательный ядерный полигон. Учитывая невиданный размах поставленных задач, под опытный ядерный полигон отвели почти 18 тысяч квадратных километров прилегающих к нему пастбищ, лугов, горных массивов.

* * *

Я давно заметил, что чем больше народ испытывает страданий и мук на своем пути к свободе и независимости, тем в большей степени он расположен к состраданию и сопереживанию. Недаром казахи говорят: если хочешь ощутить рану другого, войди в его душу.

Разве можно прочувствовать всю боль Земли, получившей сотни и сотни ядерных и термоядерных ран, если не попытаться поставить себя на ее место, если не попытаться взглянуть глазами Земли на все, что происходило...

Древняя равнинная Шынгысская степь. Земля, рождавшая совесть казахской нации... Великий Абай, Шакарим Кудайбердиев, Мухтар Ауэзов. Земля, бывшая когда-то эпицентром степной мудрости и человеческого духа, не знавшего границ и расстояний.

Здесь один из истоков нашей государственности. Здесь правил Абылай хан...

Пожухлый ковыль и столбики сусликов, из поколения в поколение суетливо наблюдающих за размеренной жизнью степных просторов. Гордые орлы парят в синеве, высматривая зазевавшихся хомячков и степных полевок. Важно расхаживают удоны и носят хитроумными зигзагами маленькие степные кенгуру – тушканчики. Нетронутые временем солончаки с кое-где сохранившимися озерами и пологие горные массивы Дегелена и Жангызтау, прерывающиеся протяженными холмами мелкосопочника. Величественный Ханьский пик, главенствующий над многоскладчатыми Шынгыскими горами. Земля, хранящая в себе все

тайны кочевой жизни и отголоски давно минувших событий, происшедших на великих евразийских просторах. Рядом загадочный Алтай и древний Баян-Аул.

По этим возвышенным равнинам когда-то шли на юг на завоевание казахской земли потомки ойратского Джангара, шли на запад тумены беспощадных полководцев Субудей-багатура и Джебе-нойона, спешили на Большой Курултай Потрясатели Вселенной, проливали свою кровь великие батыры и простые сарбазы казахских родов, слагали свои устные легенды неунывающие и остроумные акыны, вершили суд белобородые мудрые бии.

Словно изнемогая от бурной череды событий в своей истории, перенося огромные страдания и впитав боль живущих на ней людей, казахская земля Семей легла отдохнуть и последние столетия забылась тяжелым сном в ожидании грядущих времен, когда древний дух неугомонных предков снова призовет ее стряхнуть с себя многолетнюю дрему...

И землю разбудили. Разбудили сотни тяжелых грузовиков и гусеничных тягачей, разбудил топот тысяч подкованных сапог и мягкий шелест резиновых подошв. Степь замерла в напряженном ожидании. Неужели эти люди опять воспрянут и оживят застывшую жизнь? Неужели опять так давно забытое ржание боевых коней и звон скрешивающихся клинков? Неужели опять воинственное «Улла-а-а!» безрассудного молоденького сарбаза и предсмертный тяжелый стон «А-а-а...» раненого батыра, уронившего тяжелое древко флага из конского хвоста?

Нет, не разносится по степи эхо битв и сражений, не разлетаются во все стороны гонцы с криками: «Победа, суюнши!» Видно, пришельцы появились с мирными намерениями. Только построили железный холм и установили на нем тяжелый металлический гроб: видно, решили воздать последние почести какому-то великому и

храброму воителю батыру. Земля и степные обитатели вздохнули и снова ушли в свои думы и заботы.

Ровно в 7 часов утра 29 августа 1949 года стремительно разрастающийся огненный шар внезапно вонзился в тело земли и, опалив его, грозно взметнулся над миром, словно вознамерившись заменить собой Солнце. Земля от боли и неожиданности буквально вскрикнула. За огненным шаром, столбом, словно зачарованные чудовищной мощью и ослепительным сиянием, потянулись горящий пепел и испарения исчезнувшей плоти степи. Горелый запах земного покрова и горький запах удушливого дыма искусственный ветер мгновенно разнес по всем окрестностям, словно возвещающая о приближении невиданного и беспощадного врага. Словно гигантская невидимая метла разом смахнула с лица земли обезумевшую живность и ничего не понимающую растительность и отбросила их на несколько миль. Словно гигантский сказочный дракон Айдахар, вылезший из недр земли, провел своим огромным огненным языком по ее телу.

Люди, населяющие близлежащие редкие аулы и малочисленные хутора, потрясенные резким сотрясением земли и ярким мгновенным сиянием небосвода, выбегали на улицы, безмолвно и потрясенно смотрели на горизонт, где вопреки всякой человеческой логике и опыту рождалось и потухало на глазах второе солнце.

Все кончено... Горелое, без единой растительности и окрашенное в черные сумрачные цвета кущее покрывало степи. Слепые орлы, словно только что родившиеся птенцы, ковыляющие по степи неведомо куда и зачем. Агонизирующие тела мелких млекопитающих – грызунов, корсаков и волков и, только недавно зеленых и шустрых, ящериц. В их предсмертных судорогах ощущался немой вопрос, заданный неизвестно кому: «За что...?». А потрясенные и оторо-

пелые люди все еще не могли выйти из какого-то оцепенения, так и не найдя ответа на вопрос: «Ол не?» (Что это?). Невиданное зрелище невольно заставило их застыть в минуте молчания, словно они, сами того не подозревая, отдавали дань памяти былым благословенным дням цветущих и полных жизни степных просторов и горных склонов, которых уже, может быть, никогда не вернуть...

Пришельцы назвали этот ад наземным испытательным взрывом плутониевого заряда РДС-1 (ракетный демонстрационный снаряд) на учебном полигоне №2, известном как Семипалатинский испытательный ядерный полигон...

Это был первый взрыв атомной бомбы в СССР.

Находясь на полигоне, из укрытия за рождением новой смертоносной звезды наблюдали Лаврентий Берия, Сергей Курчатов, военные чины и ученые мужи — многочисленные идеологические, идейные и технические отцы советской атомной бомбы.

О чем думали эти люди, когда наблюдали за ужасающей картиной ядерного взрыва? Задумывались ли они о тех последствиях, которые будут иметь ядерные испытания? Что они принесут народу Казахстана?

Наверное, не могли не задумываться.

Когда-то я сам для себя пытался найти ответ на вопрос, почему ядерный полигон возник именно на семипалатинской земле?

Когда говорят, что в то время это был самый мало-заселенный регион Советского Союза и в то же время не столь отдаленный от основных линий коммуникаций, я спрашиваю: какой должна была быть численность людей, чтобы ими можно было бы пожертвовать только из этих соображений? Разве может одна-единственная человеческая жизнь цениться дешевле, чем стремление сэкономить пару сотен километров железной дороги? Можно ли вообще говорить о нравствен-

ности, если позволителен такой «минимизированный» подход?

В Советском Союзе имелись десятки совершенно безлюдных мест, а кое-где и вообще, как говорится, не ступала нога человека. Неужели нельзя было выбрать «идеальное» место, совершенно безлюдное даже в радиусе 500 км? Но уж никак не на расстоянии всего полутора сотен километров от ближайшего областного города с численностью населения в несколько сотен тысяч человек.

Я уже не говорю о многочисленных аулах и поселках, которые были расположены в непосредственной близости от места испытаний.

Однако после окончания второй мировой войны советское руководство основной своей задачей в военной области считало устранение монополии США на атомное оружие. На достижение этой цели были брошены неисчислимые материальные и людские ресурсы.

Сегодня я понимаю, что несколько сотен тысяч человеческих жизней не могли остановить власть, которая привыкла обращаться со своим же народом, как с возобновляемым и дешевым сырьем. Власть, которая уничтожила в огне репрессий 1930-х годов миллионы своих же граждан, никогда не стала бы принимать в расчет жизнь и здоровье нескольких сотен тысяч людей, проживавших в радиусе действия полигона. Фактически их сознательно принесли в жертву военнополитическим интересам государства.

Что же получили в результате ядерных испытаний люди, живущие в Восточном Казахстане?

Радиоактивные продукты первого атомного взрыва накрыли все населенные пункты региона. Жители близлежащих аулов, которые даже не имели малейшего представления о том, что происходит на размещенном по соседству военном объекте, подверглись

гигантским дозам радиационного облучения. Население не было предупреждено об испытаниях.

Впоследствии военные пытались оправдать случившееся тем, что вредное воздействие радиации на организм человека первоначально недооценивалось. Они апеллировали к тому, что сами ученые и военные, работающие на полигоне, проводили непосредственные исследования и замеры в воронке, оставшейся в эпицентре ядерного взрыва, использовали технику, загрязненную радиоактивными продуктами. В дальнейшем многие из них заплатили за это своей жизнью. Однако могли ли такие оправдания удовлетворить людей, которые утратили не только свое здоровье, но и невольно передали это нездоровье своим детям и внукам.

Предупреждать население о ядерных взрывах начали только с 1953 года. Воевавшие «вчерашней войной» военные разработали примитивную систему защиты, которая предусматривала временную эвакуацию людей и животных из зоны распространения радиоактивных продуктов, укрытия их в примитивных защитных объектах – вырытых в земле щелях или в землянках. Однако после взрывов люди возвращались к своим домам в зараженную радиацией местность.

Каленым ядерным железом...

Карусель гонки вооружений закрутилась в полную силу. Количество испытательных взрывов, проводимых на полигоне и их мощность год за годом увеличивались. Однако наличием атомной бомбы противники уже не могли удивить друг друга. Поразить воображение и запугать друг друга теперь можно было только невообразимой мощностью ядерного заряда.

Первыми поразили мир американцы, создав так называемое «двухступенчатое» водородное устройство по схеме Станислава Улама и Эдварда Теллера. Высо-

той почти семь метров и весом чуть меньше ста тонн, термоядерное устройство «Майк», созданное по этой схеме, больше напоминало заводской корпус, чем бомбу. 1 ноября 1952 года термоядерный взрыв «Майка», в пятьсот раз превосходящий мощность сброшенного на Хиросиму «Малыша», практически уничтожил коралловый атолл в южной части Тихого океана.

Советские разработчики сверхмощного оружия пошли по другому пути. Андрей Сахаров и Александр Гинзбург предложили вариант так называемой «слоистой» водородной бомбы, которая оригинально решала проблему необходимого давления для возникновения реакции слияния легких ядер.

Бомба по мощности была намного скромнее американской и превышала тротиловый эквивалент атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, «всего» в 20 раз. Тем не менее 12 августа 1953 года окрестности Семипалатинского ядерного полигона потряс невиданный доселе по мощности взрыв ядерного водородного устройства, так называемого изделия РДС-6, мощностью в 480 килотонн. Образовавшееся после взрыва грибовидное облако из раскаленных радиоактивных газов достигло высоты 16 километров! После этого взрыва в течение нескольких дней в радиусе десятков километров наблюдалось голубое свечение степных трав. В Семипалатинске (а это расстояние примерно в 150 километров!) взрывная волна выбила во многих домах стекла, а стены некоторых зданий подверглись частичному разрушению. Позднее, когда на свои родные места вблизи полигона стали возвращаться эвакуированные перед испытанием мирные жители, многие из них застали свои дома или полностью разрушенными, или с глубокими трещинами в стенах. По горькой иронии, поистине это был самый «мирный» взрыв из всех ядерных взрывов!

Однако «совершенствование» советского ядерного оружия на этом не остановилось. Невероятно быстро в СССР была создана водородная бомба, которая по своей структуре в точности копировала американскую «двухступенчатую» схему, но только обладала большей мощностью.

22 ноября 1955 года военный бомбардировщик ТУ-16А, пролетая над Семипалатинским полигоном, сбросил новый созданный сверхмощный термоядерный заряд РДС-37 мощностью 1,7 мегатонны.

Бомба сдетонировала на высоте полутора километров. Ударную волну и колебание почвы этого взрыва ощущали почти по всей территории Казахстана и прилегающих регионов России. О чувствах живущих по соседству с полигоном людей после этого термоядерного взрыва, гораздо более мощного, чем все предыдущие, говорить уже, я думаю, не приходится.

Так начиналась гонка ядерных вооружений, и зарождалось глобальное ядерное противостояние двух супердержав.

Мощность водородных бомб и количество проводимых испытаний ядерного оружия неуклонно возрастали. Но возрастало и понимание того, что Семипалатинский ядерный полигон не подходит для испытаний термоядерных бомб высокой мощности, которые поэтому перенесли за пояс вечной мерзлоты на полигон, находящийся на острове Новая Земля. И, надо сказать, вовремя.

Вот как описывает один из испытателей эффект от сверхмощной советской термоядерной бомбы в 50 мегатонн: «...Неожиданно для себя мы увидели яркую световую вспышку, которая действительно казалась ярче даже не тысячи, а миллиона солнц! Хотя мы находились на расстоянии 250 километров (!) от эпицентра, все были буквально ослеплены и почувствовали жар, как из гигантской печи... Раскаленный шар с ядерным

облаком поднялся на высоту до 70 километров и ветром был унесен на север».

Описание настолько яркое и наглядное, что я невольно облегченно вздохнул: слава Богу, что испытали этот кошмар не у нас, в Восточном Казахстане! Ведь Семипалатинск, в отличие от наблюдателя, в этом случае находился бы на 100 километров ближе!

* * *

Так завершилась эволюция военного оружия: от лука, поражающего отдельные части тела человека, до термоядерной бомбы, обладающей способностью уничтожать отдельные части континентов.

Общее количество испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне составило 456 ядерных и термоядерных взрывов. 116 из них были открытыми, т.е. проводились на поверхности земли или в воздушном пространстве.

По данным казахстанских ученых, суммарная мощность ядерных зарядов, испытанных на Семипалатинском полигоне в атмосфере и на поверхности земли, в 2,5 тысячи раз превысила мощность атомной бомбы, сброшенной в 1945 году на Хиросиму. Трудно подобрать слова, чтобы охарактеризовать тот чудовищный ущерб, который нанесли эти испытания окружающей среде и здоровью населения Казахстана.

Последствия наземных и воздушных ядерных взрывов были ужасными. В середине 1950-х годов стало очевидно, что продолжать варварские испытания ядерного оружия на поверхности более невозможно. Первыми это поняли в США. Как известно, американцы перешли к практике подземных ядерных испытаний уже в конце 1950-х годов: первый подземный взрыв ядерного оружия под кодовым названием «Райнер» мощностью 1,7 килотонны был произведен в сентябре 1957 года на полигоне Невада.

Советский Союз перешел к подземным ядерным испытаниям только лишь пять лет спустя, в 1963 году. Однако «упрятывание» ядерных взрывов под землю лишь сокрыло негативное воздействие на окружающую среду. Высокая интенсивность ядерных испытаний сохранялась.

В период с 1962 по 1989 годы в подземных шахтах горы Дегелен на Семипалатинском полигоне было произведено 340 взрывов. Ежегодно здесь проводилось от 14 до 18 ядерных испытаний.

В результате этих взрывов гора Дегелен, некогда состоявшая из скальных пород, фактически превратилась в груды щебня.

Вопреки заверениям военных, подземные ядерные испытания не были «полностью безвредными» для окружающей среды. Почти каждое третье подземное испытание на полигоне сопровождалось утечкой радиоактивных газов из трещин и щелей, возникавших в результате взрывов.

Один из последних таких случаев произошел уже в конце 1980-х годов. Он получил широкую огласку и вызвал бурю общественного негодования.

12 февраля 1989 года на полигоне были произведены очередные плановые ядерные испытания. В одной из штолен был взорван ядерный заряд мощностью более 70 килотонн. В результате взрыва на поверхности земли появились щели, из которых в течение двух суток выходили радиоактивные газы.

Образовавшееся радиоактивное облако шириной в несколько десятков километров накрыло территорию, на которой проживало более 30 тысяч человек. Радиационный фон в данной зоне достиг 3000–4000 микро-рентген. Этот показатель почти в 200 раз перекрыл величину естественного радиационного фона, в нормальных условиях составляющего всего 15–20 микро-рентген в час.

Как выяснилось позже, такие инциденты случались на полигоне достаточно регулярно. В 1987 году струя возникших в результате взрыва радиоактивных газов шесть раз достигала Семипалатинска, в 1988 году подобные выбросы происходили дважды.

* * *

Сегодня, наверное, не все знают, что ядерные испытания на Семипалатинском полигоне были только вершиной айсберга проблемы радиоактивного загрязнения территории Казахстана. В различные годы атомные взрывы гремели почти во всех концах республики.

Кроме ставшего широко известным Семипалатинского полигона, на территории Казахстана на границе Атырауской и Западно-Казахстанской областей размещался Азгирский полигон.

Начиная с 1965 года, в Западном Казахстане в промышленных целях была проведена серия из 26 подземных ядерных взрывов.

В целом, практика «хозяйственных» подземных ядерных взрывов, которые применялись для формирования внутренних полостей большого диаметра, была в те годы достаточно распространена в СССР. И, надо отметить, без особого успеха. В частности, в период 1980—84 гг. в России на Астраханском газоконденсатном месторождении было проведено 15 подземных ядерных взрывов.

Аналогичные взрывы производились на Осинском и Гричевском месторождениях. Однако уже к 1986 году большинство искусственно образованных в результате ядерных взрывов полостей обрушилось из-за обводнения, естественных процессов эрозии горных пород и тектонических подвижек.

По оценкам специалистов, ядерные взрывы в соляных куполах Западного Казахстана имели целый ряд

неблагоприятных последствий: растворение зараженной соли с дальнейшим ее выносом на поверхность в виде рассолов, радиоактивное загрязнение территории и подземных вод. Кроме того, в районе Азгирского испытательного полигона в местах проведения подземных ядерных взрывов на протяжении нескольких лет происходили выбросы на поверхность свободного хлора и водорода с дальнейшим образованием соляной кислоты. Все это повисало над землей в виде ядовитых «белых туманов».

В 1992 году органами санитарно-эпидемиологической службы Республики Казахстан были проведены обследования площадок Азгирского полигона и установлены очаги значительного радиоактивного загрязнения территории.

Несколько образовавшихся в результате ядерных взрывов подземных емкостей оказались заполненными радиоактивными водами, которые могли просочиться в водоносные горизонты, используемые для питьевого водоснабжения. На поверхности земли на полигоне уровень радиации достигал 3500 микрорентген в час, что в 150 раз превышало естественный, безопасный для здоровья человека радиационный фон.

При этом, как выяснилось, население прилегающих к Азгирскому полигону районов не было информировано о наличии радиационной опасности. Были даже такие случаи, когда колхозные поля размещались всего в нескольких сотнях метров от источников мощного радиоактивного излучения. В прилегающих к полигону районах происходили массовые заболевания и падеж домашних и диких животных с признаками, характерными для лучевой болезни. Среди населения прилегающих к полигону территорий высоким был уровень смертности от раковых заболеваний.

Однако, кроме Семипалатинска и Азгира, на территории Казахстана располагалась еще целая серия других полигонов, полигончиков и испытательных площадок, на которых производились взрывы ядерных зарядов: Тайсойган, Урда, Жангала и т.д.

Часто, когда я беседую с разными людьми, некоторые казахстанцы, особенно жители Семипалатинской области, обращаются ко мне с вопросом, который, непосредственно касается их жизни и быта. «Нурсултан Абишевич! Скажите, пожалуйста, как так получается? Ведь американцы у себя в Неваде тоже проводят испытания и их даже больше, чем у нас? Почему они не выступают против них и почему у них экологическая ситуация, насколько мы знаем, гораздо лучше?».

У меня нет шаблонных ответов и отвечаю я всегда по-разному. Но смысл моих ответов всегда сводится к одному. Да, американцы намного больше нас провели испытаний на своем ядерном полигоне в Неваде. И жители штата Невада в связи с этим вроде бы не проявляют чрезмерного недовольства. Каждый год из федерального бюджета США штату Невада выделяется в среднем до одного миллиарда долларов компенсации. Я повторяю, один миллиард долларов ежегодно. И все эти деньги прямиком идут на работы, связанные с ликвидацией негативных последствий атомных взрывов, в частности, на рекультивацию земель, медико-санитарное обследование, восстановление потенциала биосферы и т.д.

Однако я далек от мысли о том, чтобы оправдывать ядерные взрывы в Неваде. Уверен, что и в этом случае никакие компенсации не могут решить проблемы долговременных экологических последствий.

Но об этом должны в первую очередь думать сами американцы. Казахстан же эту проблему для себя решил один раз и навсегда.

* * *

К сожалению, за все годы испытаний, с 1949 по 1991 годы, у союзного руководства не было ни особого желания, ни достаточных средств, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный Семипалатинским ядерным полигоном. В союзном бюджете не было предусмотрено такой статьи расходов, по крайней мере, сопоставимой с размерами американской компенсации.

Времена, в которые проводились ядерные испытания, были не просто иными. Времена были жестокими. Никто не возмущался, ощутив землетрясение от взрыва или даже увидев второе солнце среди ясного дня. О забастовках и протестах и речи не было. Излюбленным методом укрощения строптивых была психиатрическая лечебница.

Руководство бывшего СССР проводило испытания, не советуясь не только с населением, но даже и с бюрократической верхушкой тогдашнего Казахстана. Ведь руководство Казахской ССР просто назначалось и снималось с работы из центра. Исключительное послушание командам из Москвы составляло единственную возможность сохранить свой пост. Воистину молчание ягнят...

Сегодня десятилетиями продолжавшееся молчание прервано. Люди говорят о потерянном здоровье, о страшном экологическом ударе. Молодое независимое государство осталось практически один на один с этой катастрофой и все претензии людей именно к молодой государственности. Но ведь по большому счету это не вина Казахстана. К кому обращаться за компенсацией? К военно-промышленному комплексу несуществующей страны, к мировому сообществу? Будем открытвенны, кроме нескольких целевых проектов, все обращения к миру за помощью в решении этой экологической катастрофы остались почти безуспешными.

С обретением независимости мы в Казахстане сра-

зу приняли правительственные программы по реабилитации жертв ядерных испытаний и населения районов, прилегающих к Семипалатинскому ядерному полигону. Но, несмотря на все принятые нами меры, не так просто одному Казахстану исправить то, что делалось «усилиями» всего Советского Союза.

Последствия для населения...

Сейчас в прессе время от времени возникают инсинуации по поводу того, что военные, проводя наземные, воздушные и подземные испытания ядерного и водородного оружия, не знали об их катастрофических последствиях для окружающей среды и живущего по соседству мирного населения.

Они говорят, что просто исполняли приказ. Во имя высших интересов. И отсюда лейтмотив, читаемый в печатных строках: «Боже, прости им, ибо не ведали, что творят». Это неправда.

О губительных последствиях испытаний и отрицательном влиянии радиоактивности было уже известно. Особенно после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Об этом свидетельствуют и многочисленные медицинские, экологические и геофизические данные и свидетельства очевидцев этих трагедий. Лично на себе испытал последствия ядерного взрыва известный японский физик-атомщик Уошио Нишина, ученик Нильса Бора, прибывший на место уничтоженной Хиросимы на следующий день после атомной бомбардировки. Уже через несколько дней работы в разрушенном городе все его тело покрылось многочисленными язвами, которые впоследствии постоянно приносили мучительную боль. Как истый ученый и прагматик, он заключил, что это действие остаточной после взрыва радиоактивности. Он убедительно доказывал, что опасность представляют не только сам момент взрыва, но и его последствия. Сви-

детельством этого стали данные японских медиков, которые они получали, исследуя руины Хиросимы и Нагасаки.

Что касается самого У. Нишины, я не зря упомянул его. Он был крупным ученым довоенного времени. В современной физике ученым, которые занимаются проблемами атома и ядра, известна формула Клейна-Нишины. Будучи учеником Бора, У. Нишина активно занимался проблемами ядерных реакций, в том числе и реакциями расщепления. Но мировая война развела по разные стороны «баррикад» японских ученых и мировое научное сообщество. Глядя на руины знакомого города и выжженные тела своих сограждан, он, потрясенный, размышлял о возможности невозможного: неужели это было связано и с моими научными исследованиями? Неужели это и есть та самая пресловутая атомная бомба, о которой мы всего лишь несколько лет назад говорили как о чем-то нереальном и фантастичном? Думаю, здесь нельзя не прочувствовать некую аллегорию: один из творцов лицом к лицу перед своим творением.

Еще в далеком 1957 году о губительных последствиях первых ядерных наземных испытаний говорил Мухтар Ауэзов, выступая в столице Японии на Международной конференции за запрещение атомной и водородной бомбы. Он говорил о тех бедствиях, которые пришли на его родину, на древнюю семипалатинскую землю вместе с атомным полигоном. О сотнях людей, умирающих от непонятных болезней и сотнях матерей, рождавших мутантов...

Вообще, затрагивая тему последствий ядерных испытаний в Казахстане, нельзя не сказать о том, что в бывшем Советском Союзе рассмотрение этого вопроса было, пожалуй, одним из самых грязных эпизодов взаимоотношений руководства военно-промышленного комплекса и казахстанской общественности. Именно в этом вопросе проявилось истинное лицо советской сис-

темы, союзных отношений – снисходительное и, порой, пренебрежительное отношение метрополии к нуждам и проблемам полуколонизальных республик – сырьевых придатков Советского Союза.

Сейчас уже ни для кого не секрет, какой вред окружающей среде приносят испытания ядерного оружия.

Это – тысячи «атомных» солдат, в буквальном смысле «живых трупов», и гражданских лиц, подвергшихся «мирной» ядерной бомбардировке в Семипалатинской области и в других местах. И, конечно, граждане самого Семипалатинска, которых на расстоянии 150 километров на протяжении нескольких мирных десятилетий пробомбили чуть меньше пятисот раз! Кто-то ужаснется, что сотни ядерных взрывов были произведены в непосредственной близости от крупных населенных пунктов. А кто-то снисходительно пожмет плечами и выскажется по поводу «абсолютной безвредности»: мол, всего 456 испытаний на огромном расстоянии (целых 150 километров) от ближайшего населенного пункта!

Что ж, в конце концов, та или иная точка зрения зависит от нравственной шкалы человеческих ценностей каждого человека.

По этому поводу вполне определенно высказался Андрей Сахаров: «Где бы ни была взорвана на Земле одна мегатонна ядерного заряда, впоследствии она унесет жизни тысяч людей». Уж он-то прекрасно понимал, что самую большую опасность представляет не место, а сам факт атомного или водородного взрыва. Нарушение целостности экосистемы так или иначе, рано или поздно приводит к самым печальным последствиям.

Совокупную мощность взорванных на территории Казахстана ядерных зарядов, наверное, затруднятся оценить даже специалисты. Наверное, также невозможно и точно оценить тот громадный ущерб, кото-

рый нанесли ядерные взрывы биосфере страны. Однако очевидно, что общая экологическая обстановка в республике в результате многочисленных ядерных взрывов приближалась к катастрофической.

Созданная мной в марте 1989 года Республиканская комиссия по наблюдению за состоянием экологической обстановки в местах испытания ядерного оружия, проведя серию исследований и анализов, сделала заключение: огромный вред от последствий испытаний оказывается не только на ныне живущих людей, но будет распространяться еще на многие поколения вперед...

* * *

Впервые достоверные и систематические данные о пагубном воздействии испытаний на Семипалатинском ядерном полигоне были получены в результате широкомасштабных медико-экологических исследований, проведенных Академией наук Казахской ССР. Руководил исследованиями и возглавлял научные экспедиции профессор Б.Атчабаров.

Экспедиция вела исследования в радиологическом, клиническом и ветеринарном направлениях. Исследования проводились в Абайском, Бескарагайском и Шубартауском районах Семипалатинской области.

И по всем направлениям в этих районах были получены исчерпывающие данные о деструктивном и необратимом влиянии ядерных взрывов на физиологическое и психическое здоровье людей, на состояние окружающей среды. Медицинская наука о радиационных патологиях даже пополнилась новым термином «синдром Кайнара» или, как его называли позже, синдром Атчабарова-Балмуханова.

Механизм воздействия радиации на человека в настоящее время достаточно хорошо изучен. Достоверно известно, что воздействие радиации на организм носит

множественный характер. При этом наиболее опасно, что воздействие ионизирующей радиации может привести к необратимым изменениям генетического кода. Это в первую очередь негативно сказывается на наследственности.

Полученные в результате радиационного облучения повреждения генетического кода передаются по наследству – детям, внукам и даже более отдаленным потомкам.

* * *

В районе Семипалатинского полигона по территориальному признаку радиационного воздействия специалисты выделяют три зоны повышенной радиоактивности.

Круг первый – зона чрезвычайного и максимального радиационного воздействия с суммарной экспозиционной дозой облучения от 35 до 200 сЗв, охватывающая территорию Абайского, Абралинского, Бескарагайского и Жанасемейского районов Семипалатинской области.

Круг второй – зона повышенного радиационного риска с суммарной экспозиционной дозой облучения, равной 10–35 сЗв и охватывающей г. Семипалатинск и семь районных центров области.

Круг третий – зона минимального радиационного риска с суммарной экспозиционной дозой облучения до 10 сЗв, в которую входит остальное население Семипалатинской области, не входящее в состав первой и второй зон риска.

Конечно, это условное разграничение. И составляя радиационную карту воздействия выбросов Семипалатинского полигона, нужно учитывать многие геофизические и географические факторы: аномальное распределение зон облучения, наличие зон радиационной опасности и в других областях, в частности, в Павлодарской

области и в Алтайском крае. И, конечно, районы, над которыми распространялись радиационные облака при каждом выбросе радиоактивных продуктов.

К сожалению, полная и масштабная радиационная карта Казахстана и прилегающих к полигону районов еще окончательно не составлена. В этом направлении продолжают работать многие наши казахстанские специалисты.

Но по этим трем зонам получены обширные данные, свидетельствующие о значительном влиянии экспериментальных взрывов на экологическую ситуацию в прилегающих к Семипалатинскому полигону районах.

Начиная с первых наземных взрывов в 1949 году, наблюдается устойчивая тенденция роста числа заболеваний среди жителей Семипалатинской и Павлодарской областей, Алтайского края и других территорий, подвергшихся многократному воздействию радиационного облучения. Это касается таких заболеваний, как рак легких и молочной железы, лимфогемобластоз и целого ряда других злокачественных патологий. В целом, количество раковых заболеваний вообще возросло в три раза с момента начала испытаний. Даже по состоянию на 2000-й год, общий уровень заболеваемости в районах, прилегающих к полигону, остается на 38% выше, чем этот показатель в среднем по Казахстану.

Именно в этих районах, близких к Семипалатинскому полигону, особенно много возникает случаев рождения детей с различными аномалиями в развитии, с физическими и умственными недостатками.

Вообще состояние, связанное с репродукцией человека в этих районах, просто катастрофическое.

Особенно это проявляется в многочисленных случаях спонтанного аборта, недоношенности, выкидышей, недоразвития плода, тяжелых родов. Как говорят

специалисты, они связаны именно с генетическими мутациями, возникшими из-за воздействия кратковременной и остаточной радиации.

Количество рожденных детей с умственной отсталостью в районе полигона превышает общереспубликанский уровень в 3,5 раза! Особенно это касается тяжелых форм, например, олигофрении.

Поясню, что кратковременной радиацией эксперты называют излучение, которое возникает непосредственно в момент взрыва. Природа же остаточной радиации обусловлена тем, что при ядерном взрыве не все радиоактивные вещества участвуют в процессе деления. После взрыва некоторая часть радиоактивного вещества остается в прежнем виде и осаждается на земле, почве, воде. При каждом взрыве количество остаточного радиоактивного вещества накапливается.

Ведь в чем трагедия Чернобыля? При аварии атомной станции произошел не взрыв высокообогащенного урана, а его выброс. То есть уран не уничтожился, а оставшись в том же чрезвычайно радиоактивном состоянии, частично «выполз» наружу из чрева реактора.

Реактором стал не искусственный металлический цилиндр, а естественная окружающая среда. Реактором стала сама природа! Поэтому эта авария имела такие губительные последствия.

Но, как скрупулезно подсчитали специалисты, количество радиоактивного вещества, накопленного в окружающей среде при ядерных взрывах в Семипалатинске, превышает количество выброшенного вещества из Чернобыльского атомного реактора. Как говорят некоторые ученые, в этом отношении Семипалатинск равен, как минимум, двум Чернобылям.

Опасность именно остаточной радиации, как в случае Чернобыля, так и в случае Семипалатинска, совер-

шенно очевидна и непредсказуема по своим негативным последствиям. Действие постоянно и имеет тенденцию к накоплению отрицательных влияний. Так, с момента закрытия полигона под действием остаточной радиоактивности количество врожденных патологий возросло в пять раз, т.е. на 500%!

Губительное воздействие радиации на здоровье людей – это хоть и самая важная, но не единственная сторона «атомной медали».

Страдают не только люди, страдает сама земля. Накопление радионуклеидов из года в год приводит к уменьшению плодородности земельных угодий.

Земля, как известно, содержит огромное количество микроэлементов: железо, медь, магний и другие металлы. Так необходимые нам, они через злаковые культуры попадают в человеческий организм.

Попадает столько, сколько нам необходимо. Но радиоактивный плутоний, который при каждом взрыве попадает в почву, вызывает изменение его химического состава. Концентрация плутония в почве в некоторых местах допускает предельно допустимую норму в сотни раз. Плутоний взаимодействует с ионами железа и образует новое радиоактивное вещество, которым насыщается вся почва. В результате страдает урожайность верхнего слоя земли, в организм все больше попадает радиоактивных молекул и все меньше необходимых микроэлементов. Но плутоний имеет так называемый период полураспада, в течение которого его количество уменьшается в несколько раз по определенному, так называемому экспоненциальному закону. И все это время он будет оказывать постоянное отрицательное «заражающее» воздействие на почвенный слой и плодородие земли. По оценкам специалистов, чтобы земля полностью восстановила свой продуктивный потенциал, необходимо как минимум 300 лет!

Правду сказать, у меня, как главы государства, вы-

зывают крайне негативные ассоциации разного рода заказные «научные» публикации, авторы которых не связывают катастрофическую ситуацию с экологией и здоровьем населения облученных районов, с действием и последствиями наземных, воздушных и подземных испытаний.

Начиная с первых дней испытаний ядерного оружия, собрано огромное количество статистических, медицинских и экологических данных, особенно данных радио-экологической экспертизы. Значительную работу в этом направлении провел профессор И.Я. Часников, получивший большое количество данных о негативном радиационном воздействии полигона на окружающую среду.

* * *

Мне приходилось неоднократно говорить, что прекращение испытаний и вывод ядерного оружия из Казахстана не снимает коллективной ответственности ядерных держав за страдания и боль, причиненные наземными, воздушными и подземными взрывами местному населению. 23 июня 1997 года я выступил на XIX Специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о создании Специального международного фонда для реабилитации здоровья человека и окружающей среды стран, перенесших испытания ядерного оружия.

Но выдвинутый мною принцип «материализации коллективной ответственности» продемонстрировал определенную неготовность ядерных держав внести свою лепту в сохранение экологии планеты, «избитой» тысячами ядерных и термоядерных взрывов. Тем не менее Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию №52/169, в которой призывается оказать зараженным регионам всемерную международную помощь.

Однако Казахстан по-прежнему вынужден само-

стоятельно решать доставшуюся нам в наследство проблему радиоактивного загрязнения своей территории. До настоящего времени общий объем финансовой помощи пострадавшим регионам составил всего 20 миллионов долларов. Причем большая часть этих пожертвований приходится на Японию, которая сама является жертвой атомных бомбардировок.

Воля народа – нет ядерному оружию...

Психологическое неприятие или отторжение ядерного оружия всем казахстанским и, особенно, казахским народом – это не только результат катастрофических последствий его испытаний и возможных бед из-за его дальнейшего пребывания на наших просторах.

Это в немалой степени проявление глубинного миролюбия и отсутствие искусственной и изначальной агрессивности казахского народа. Не воевать с природой, а жить рядом с ней. Не покорять ее, а оставлять самой природе так необходимое ей ее же «жизненное пространство». Не подминать степи, горы, равнины и озера, а растворяться в них.

Здесь я хочу напомнить об одной чисто национальной особенности мировосприятия казахов, которая исходит из его постепенно забываемой кочевой культуры. Эта ни с чем не сравнимая особенность связана с уникальным отношением любого кочевого народа к самой земле, к земле предков – Атамекен. Мы, казахи, в своей душе, в своем восприятии и даже в устном эпическом творчестве всегда самым естественным образом и совершенно искренне одушевляли каждую частицу окружающей природы, наделяли ее, образно выражаясь, «флюидами» одушевленности и душевности. Если другие народы ассоциируют человека с природой, то мы, наоборот, ассоциируем природу с челове-

ком. Не мы – часть природы, а природа – частица нашей души. И в нашем поэтическом и образном восприятии камни, горы, ковыль, реки и живность могли не только говорить и вступать с нами в своеобразное общение, но и обладали вполне человеческими качествами.

Они были именно такими, какими мы сами хотели их видеть и воспринимать. Были злыми и добрыми, грустили и радовались, рождались для радости и умирали от горя.

У нас, у казахов, есть такое понятие «узун-кулак» (быстрое ухо). Мы его употребляем, когда хотим упомянуть о том, как необыкновенно быстро разносятся самые разные новости по бескрайней степи. Порой обгоняя даже гонцов, спешащих как можно быстрее передать эту новость другим.

Прыскакивает такой юнец в аул на взмыленном коне в надежде первым сообщить очередную степную сенсацию и, может быть, получить «суюнши». А в ответ белобородые старики, хитро прищутив глаза, усмеваются: «Эй, балапан, ты загнал коня, чтобы удивить нас новостью, которую только еще нерожденный не знает?» и добавляют такие подробности, что разочарованный гонец понимает: над ним не шутят. Наши предки считали, что мгновенные вести разносят не гонцы и караваны, а сама земля. Сама степь, услышав своим гигантским ухом какую-нибудь новость, мгновенно сообщает ее всем своим обитателям. Ей это легко, а мы верим в это.

И речь идет не о какой-то механической гармонии или идиллии с природой, просто мы испытываем какое-то абсолютное духовное и ментальное единство с окружающими нас атрибутами нашей когда-то кочевой жизни.

А самое важное место в нашей жизни занимает земля. Степь, которая нас кормит и благодаря которой мы

существуем. И все, что нарушает это органическое духовное единство, единство человека и земли, так или иначе в нашем представлении нарушает весь наш образ жизни и поэтому не имеет права на существование.

В какой-то момент мы вдруг стали понимать, что теряем эту едва уловимую, почти мистическую, связь с землей, которая, вспаханная и изрытая чудовищными ядерными взрывами, буквально стонала и дергалась под нами. Именно стонала и дергалась.

Я вспоминаю карагандинский период в своей жизни. В то время мы как бы жили в своем ограниченном пространстве, были пределы и рамки, за которые мы не должны были переступать. Таковы были правила и особенности нашей жизни. Нам не давали знать об ужасающих подробностях многих вещей, в том числе ядерных испытаний. Но, почти не зная подробностей, мы все же понимали общую картину. После очередного слабого, но резкого толчка, покачивания люстр и поскрипывания мебели, ко мне вбежали мои дочери и, широко раскрыв глаза от детского ужаса, кричали: «Папа! Папа! Землетрясение!». Мы, взрослые, немедленно звонили своим родным в Алматы. И с голосом, подрагивающим от волнения в ожидании дурных вестей, спрашивали: «Что там у вас...?».

Тут же выяснялось, что наши волнения и тревоги были напрасны. Дети недоуменно переглядывались и выбегали обсуждать это необыкновенное явление со всем подростковым двором. Постепенно, после очередной «качки», мы перестали звонить в Алматы...

Каждое новое «землетрясение» мы постепенно стали воспринимать как должное, как неотъемлемую часть нашей так называемой «советской действительности». И не смею судить о том, что психологически и физически ощущали люди, живущие куда ближе, чем мы, карагандинцы, к эпицентру «землетрясений», про-

исходящих с завидной регулярностью по несколько раз в год. Ведь как говорит казахская пословица: «Тяжесть камня ощущает та земля, на которую он свалился»...

И наше неприятие, можно сказать, отвращение, к ядерному оружию закономерно. Наш народ всем своим существом не воспринимает и не приемлет ядерное оружие, своими взрывами нарушившее духовное единство и чувство ментальной общности с исковерканной природой. Одного только понимания и осознания этой национальной и самобытной идентичности достаточно для того, чтобы прийти к единственному решению: «Нет – ядерному Казахстану!».

Да, неисчислимые бедствия принесли сотни ядерных испытаний казахстанскому народу, и я помню те драматические дни, когда, узнав всю правду о полигоне и осознав опасность невидимой и неминуемой смерти, прогрессивная общественность и весь народ тогда еще Казахской ССР встали буквально поперек горла огромному и мощному военно-промышленному комплексу Советского Союза.

Вплоть до появления отрывистых слухов об ужасах радиации и нездоровой атмосфере Семипалатинска, многие люди, жившие в достаточном отдалении от очагов поражения «семипалатинских» взрывов, не проявляли явной озабоченности по поводу «незримой» радиоактивной опасности. Незнание и неосведомленность обо всех губительных последствиях ядерных испытаний, строго и тщательно культивируемые центральным правительством и военными, накладывали свой отпечаток. Жители Семипалатинска, Алтайского края, Павлодарской области и других населенных районов продолжали жить и работать, заболеть странными болезнями и умирать с «правильными» диагнозами. А кипы засекреченных документов и свидетельств о медицинских аномалиях, мутациях и дефек-

тах организма людей, подвергшихся облучению, прямиком отправлялись в Москву на «дальнейшую обработку и анализ данных».

Но правда о Семипалатинском ядерном полигоне постепенно прорывалась наружу. Все казахстанцы от мала до велика постепенно стали проявлять живую и неподдельную заинтересованность к вопросам, которым они раньше не уделяли особого внимания. Слухи обрастали подробностями, домыслы и фантазии превзошли все границы, расходились самые невероятные истории о Семипалатинской Зоне и окрестных стalkerах.

В те годы каждый раз при встрече с людьми на меня градом сыпались вопросы: «Нурсултан Абишевич! А правда, что из-за полигона Семипалатинск провалится?», «Все мои родственники в селе Саржал возле Семипалатинска болеют. Это из-за радиации?», «...Нам же говорили, что подземные взрывы не опасны. Это что, не так?», «...Что теперь будет? Радиация опасна или нет? Мы живем в Алматы, с нами ничего не будет?» и целый поток других вопросов. Подчас наивных, подчас просто панических, а иной раз недоверчивых, мол, раздули тему. Люди боялись за себя, опасались за своих близких и родственников. Нарастала напряженность, до откровенно панических настроений дело не доходило, но чувство тревоги буквально висело в воздухе. Народ требовал правды и только правды.

Меня это касалось напрямую и как Председателя Совета Министров Казахской ССР, и как депутата Верховного Совета СССР. Но на все мои запросы, адресованные в соответствующие инстанции и кабинеты военного ведомства, приходили или просто уведомления, что запрос принят к сведению, или стандартные ответы «Уважаемый Нурсултан Абишевич! В ответ на Ваш запрос касательно деятельности Семипалатинского испытательного полигона г.Курчатова от такого-то числа, настоящим уведомляем, что, по имеющимся дан-

ным, каких-либо отрицательных воздействий или последствий на здоровье гражданского населения, проживающего вблизи СИП, и экологию не подтверждается...». И так далее.

И это спустя почти пятьдесят лет после трагедии Хиросимы и Нагасаки и спустя всего несколько лет после катастрофы в Чернобыле! Бессодержательные ответы и атмосфера равнодушия к этой проблеме со стороны ответственных военных чинов и ведомственной администрации заставляли меня все больше волноваться и тревожиться по поводу отсутствия информации и незнания истинной ситуации, сложившейся вокруг атомного полигона. Моя тревога выливалась и в моих выступлениях, порой даже в тех, которые касались совершенно других вопросов.

* * *

30 мая 1989 года мне, как депутату Верховного Совета СССР от Алматинского Илийского территориального избирательного округа, пришлось выступить с трибуны высшего законодательного органа Советского Союза. Сказать нужно было многое, а регламент жесткий. Михаил Сергеевич Горбачев, председательствующий на съезде, поблескивая стеклами очков, смотрит внимательно и настороженно: мол, гласность гласностью, но и меру знать надо. В смысле, регламент. Вставая с места, думаю, успею ли высказать все и особенно главное...

...Помню в детстве мой отец Абиш, уезжая в районный центр, в Каскелен, где я потом учился, иногда брал меня с собой. Одни из самых счастливых эпизодов моего детства!

С местными ребятами, набрав в карманы и за пазуху урюка и «медовок», бегали на речку и строили запруды. Каскеленка – река маловодная, но быстрая, предгорная, с ледяной водой. Все дно и берега усыпаны мелкими и круп-

ными камнями почти округлой формы. Высота нашей запруды достигала порой одного метра. И купаться в маленьком искусственном озере было одно удовольствие.

Но однажды... однажды наша каменная плотина, в строительстве которой мы в этот раз перестарались, рухнула! Меня и еще двух мальчишек глыба воды буквально снесла вниз по течению. Сначала я не успел даже испугаться, а потом от страха не мог даже закричать. Так по маленьким каменным «порогам» нас пронесло несколько десятков метров.

В дом, где мы с отцом остановились, я пришел весь в ссадинах и синяках. С виноватым видом все рассказал отцу. Я ожидал, что он спросит, не больно ли мне или не слишком ли сильно ушибся. Но он, посмотрев на мои «ранения», спросил: «Ты сильно испугался?».

Какой же мальчишка признается в трусости, да еще перед отцом? Почувствовав себя героем, я выпалил: «Конечно, нет!». Отец, помолчав, кивнул и велел собираться в дорогу...

Не могу сказать точно, какие чувства я испытывал, был страх или нет, но пока я шел к трибуне высокого собрания с «крамольными» намерениями, этот эпизод мне почему-то вспомнился...

Уже выступая на трибуне, после своих слов «Хочу сказать о Семипалатинском ядерном полигоне, действующем с 1949 года и начавшем взрывы сначала в атмосфере. Население вокруг с тех пор возросло в четыре раза. Но военные готовы убедить нас чуть ли не в полезности испытаний для здоровья человека. Мы понимаем, что это сегодня государственная необходимость. Но надо же провести настоящий, глубокий анализ влияния атомных взрывов на окружающую среду и рассказать об этом людям. Не говоря уже о некоторых затратах на улучшение жизни там живущих...», я почувствовал какую-то волну оживления среди народных депутатов, особенно в военной форме, состав-

ляющих добрую четверть зала. Как будто что-то слегка изменилось.

Что именно изменилось, я понял уже после доклада и выступлений. Изменилось отношение. Покушение на главный стратегический объект страны! И пошло-поехало. Чего только не наслышался в кулуарах. И что выношу сор из избы (?), наживаю политический «капиталец», проданся (кому не уточнялось) и, наконец, самое «серьезное» обвинение – подрываю обороноспособность нашей державы. Помните рассказ Марка Твена «Как меня выбирали в губернаторы»?

Военные продолжали мне доказывать, что подземные ядерные испытания безвредны для населения. Высшему генералитету СССР разве что только в страшном сне могли привидеться перспективы прекращения испытаний и закрытия Семипалатинского полигона. Сейчас все это вспоминаю с улыбкой, но тогда, правду сказать, было не до смеха...

Но обиду, конечно, ни на кого не держу, ведь мы все дети своего времени. Как говорится, бытие полностью определяло наше сознание.

А в это время, с самого начала 1989 года, наш казахстанский народ, мечтая вынести «ядерный» сор из советской избы, поднимался против Полигона Смерти. Стихийное недовольство постепенно вылилось в организованные формы.

28 февраля 1989 года, после известия о радиоактивном выбросе в окружающую среду в результате неудачно проведенного подземного ядерного взрыва на Семипалатинском ядерном полигоне, у Дома литераторов в Алматы состоялся митинг протеста, давший начало международному антиядерному движению «Невада-Семей», которое возглавил всемирно известный поэт и общественный деятель Олжас Сулейменов.

Движение, объединившее ученых, писателей, служащих, рабочих и многих других людей самых раз-

ных возрастов, внесло огромный вклад в борьбу за закрытие Семипалатинского ядерного полигона и приостановку деятельности других испытательных полигонов мира. Велика личная заслуга Олжаса Сулейменова в антиядерном движении. Выразителями интересов безъядерного сообщества выступили общественные организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», молодежная «Next Stop» и многие другие.

22 апреля 1990 года Верховный Совет впервые в нашей истории избрал меня Президентом Казахстана. И одним из первых крупных политических мероприятий в качестве президента я считаю проведение 24 мая 1990 года в Алматы представительной конференции «Избиратели мира против ядерного оружия». Она длилась целых три дня. Кроме казахстанских активистов антиядерного движения со всего Казахстана, на конференцию приехали делегации почти тридцати стран мира. Это было действительно крупное событие мирового масштаба. Говорили обо всем: о помощи пострадавшим, о запрещении ядерных испытаний, о разоружении и контроле над ядерным оружием. Казалось, сам воздух нашей страны был насыщен лозунгами «Войти в XXI век без ядерного оружия», «Нет ядерным войнам!», «Нет – ядерным испытаниям!», «Мы – за безъядерный мир!».

Общее настроение вылилось в стихийный марш Мира, прошедший по улицам Алматы. На Центральном стадионе состоялся митинг, где собрались тысячи жителей столицы и участники конференции.

Многие алматинцы приходили на заседания конференции, общались с общественными деятелями, выступавшими против полигонов и атомного оружия.

Вся страна, прильнув к телевизорам, смотрела знаменитый телемост «Семипалатинск–Хиросима», видеозапись которого потом была показана по всему Советскому Союзу. Кое-где на улицах нашего прекрас-

ного города Алматы лежали белые бумажные журавлики, сделанные ребятишками, а на ветки деревьев были повязаны белые тряпичные ленты в память жертв Хиросимы и Нагасаки. Атмосфера была незабываемой!

В самой Семипалатинской области, на родине Абая в районном центре Караул, участники многотысячного митинга, организованного антиядерным движением «Невада-Семей», положив каждый по камню, воздвигли маленькую гору. Так, рядом с Караульной сопкой, возле которой прошло детство великого Абая, появилась искусственная каменная гора. Пусть несравненно меньше по размерам, но больше по силе возмущения и народного гнева из-за «ядерного» осквернения святых для каждого казаха мест.

Неравнодушными показали себя и карагандинские шахтеры. 130 тысяч шахтеров поставили свои подписи под петициями о запрещении ядерных испытаний и закрытии Семипалатинского полигона.

Повсеместно возникали стихийные выступления людей, у которых просто накопилось на душе за все эти годы страха и молчания, когда мы то и дело ждали атомного дождя на наши города и села. Люди хотели окончания этой долгой «холодной войны».

Весь Казахстан, весь народ был охвачен одним настроением – нет ядерным испытаниям и нет атомному оружию!

Важно понять атмосферу того времени. Ведь еще были в силе многочисленные бюрократические и силовые структуры СССР, еще был в силе военно-промышленный комплекс. Всю силу давления испытывал, естественно, Президент Казахстана. Помню еженедельные визиты в Москву, то к секретарю ЦК КПСС, курировавшему ВПК О. Бакланову, то к председателю правительства Н. Рыжкову, и, наконец, к М. Горбачеву. У всех было требование – успокоить людей, тебя, мол, послушают. А

вообще стране нужно от трех до пяти лет, чтобы усовершенствовать кое-что. Потом полигон и закроем. Обещали помочь средствами региону и т.д. От некоторых более горячих голов звучали и угрожающие намеки. Однако благодаря М. Горбачеву, многое уже изменилось, появился определенный простор для действий.

С другой стороны, все выступления общественности, особенно активистов находили мою поддержку. Конечно, без такой поддержки со стороны республиканского руководства, действия активистов могли быть легко прерваны двумя-тремя простыми акциями КГБ. В этом плане технологии были отшлифованы...

Предварительно съездив на полигон, постояв в центре места, где произошел последний подземный ядерный взрыв – земля была черная и лежали расколотые, казалось еще теплые, камни – я объявил о созыве специальной сессии парламента по обсуждению вопроса о закрытии ядерного полигона без согласия на то руководства СССР.

На сессию настойчиво просилась большая группа военных и ученых-ядерщиков. Было ясно, что они будут уговаривать депутатов не закрывать полигон. Будут сулить блага, говорить о безвредности ядерных взрывов и т.д. Но пустить их на сессию я не мог. Вопрос должен был решаться самими казахстанцами.

Обсуждение, начавшееся с утра, продолжалось до вечера. Были заслушаны все. Стало заметно, что «ядерное лобби» хорошо поработало с частью депутатов. В заключительной части не только некоторые депутаты, но даже и некоторые руководители Семипалатинской области – ярые противники испытаний – стали просить меня позволить провести несколько взрывов с целью получения серьезных материальных компенсаций для региона. Но таких

обещаний и ранее получено было немало. Пустых обещаний.

В своем заключительном слове я сказал, что беру ответственность на себя и, пользуясь своими полномочиями, Указом объявляю полигон закрытым. Страница ядерной истории, и не самая простая страница, была перевернута...

Получив поддержку всего народа, мы провозгласили одностороннее запрещение бесчеловечных испытаний ядерного оружия, закрытие Семипалатинского полигона, ставшего в буквальном смысле головной болью всех казахстанцев, и навечно объявили нашу страну территорией, свободной от ядерного оружия и его испытаний.

Разве можно забыть эти исторические дни? Разве можно забыть то чувство облегчения и снятия психологического дискомфорта, которое испытали на себе многострадальные жители Семипалатинска и других областей, прилегающих к эпицентру ядерных взрывов? Разве можно забыть то чувство гордости за казахстанский народ, сказавший свое «нет» ядерному монстру?

Воистину нужно страдать исторической амнезией и бесстыдством, чтобы, пойдя вопреки воле народа, что называется, с пеной у рта доказывать необходимость и «перспективность» ядерного Казахстана. Народ Казахстана никогда бы не простил нам слабости перед ядерным искушением.

Мы исполнили волю народа и в эти дни мы научились демократии. Это был один из первых самостоятельных шагов независимого Казахстана. Мы осознали и начали исправлять ошибки тоталитарного советского прошлого. Мы вступили на новый демократический путь. И фундамент этого пути был заложен именно в историческом решении о безъядерном Казахстане...

Геополитический фактор исторического решения

Несомненно, конструировать мирное будущее невозможно без анализа и учета целого комплекса внешних и внутренних факторов, которые, так или иначе, могут самым негативным образом сказаться на национальной безопасности и территориальной целостности нашего молодого государства. Но, несомненно, парадокс принятия решения состоит в том, что очень часто решение является ошибочным только из-за того, что в нем учитывалось очень много факторов. Кажется бы, должно быть наоборот, чем больше подвергнешь критическому анализу то или иное решение и учтешь все возможные варианты, тем больше шансов на то, что оно будет достаточно точно отражать проблему. Но это не так, на самом деле правильное решение основано только на одной предпосылке и очень часто она идет вразрез большинству факторов, которые учитываются в процессе принятия решения.

Но здоровый прагматизм имеет свои ограничения только в одной сфере. В сфере, касающейся массового оружия убийства, нет логики и разумной дилеммы. Здесь все основано только на исторической ответственности и наличии универсального и перспективного видения.

Не может быть альтернатив в вопросе: «гарантированное обоюдное уничтожение» или поиск разумных компромиссов, строящихся на доверительной основе и снижающих конфликтный потенциал. Обоснование тезиса о том, что безопасность государства, в конечном счете, сводится к тому, чтобы «отомстить» за свое тотальное уничтожение вторым тотальным уничтожением, является не более как формой политического «идиотизма». Настоящая безопасность государства, в конечном счете, должна обеспечиваться только

и только конструктивной, а не деструктивной формой отношений, основанной на материализации всех мер уступок или компромиссов, которые приводят не к взаимному тотальному концу, а к началу нового этапа компенсации допущенного отступления. Не одновитковое развитие с гарантированным «тупиком», а бесконечное, спиральное, основанное на меняющихся фазах взаимных мирных «побед» и «поражений».

Сейчас даже трудно себе представить, какую бы деструктивную роль в системе региональной и глобальной безопасности сыграло бы казахстанское ядерное оружие, если бы мы приняли решение о сохранении ядерного статуса. В те дни, когда принималось историческое решение о безъядерном Казахстане, рассматривались и анализировались самые разные варианты дестабилизирующих факторов ядерного потенциала Казахстана. Вот лишь некоторые из них.

Во-первых, наличие ядерного статуса является достаточным условием для нарастания конфликтного потенциала в Евразии, особенно в центральной ее части. Обладание ядерным оружием неизбежно провоцировало бы нас проводить урегулирование только и только с позиции силы. Особенно в переговорных процессах с непосредственно соприкасающимися с Казахстаном государствами. Тем самым, само по себе наличие атомного оружия и соответствующих средств доставки обостряли бы любой вопрос и любую проблему, с которой Казахстан сталкивался бы в процессе международной политики и взаимоотношений. Статус Центральной Азии как региона, насыщенного ядерным оружием (4-й ядерный потенциал), неизбежно бы значительно обострил политическую обстановку в этой части света, создал бы обстановку постоянной взрывной напряженности и отнюдь не способствовал процессам мирного урегу-

лирования при возникновении тех или иных конфликтов.

Во-вторых, обладание ядерным оружием не может являться стимулом для развития процесса внешней интеграции. В условиях, когда мы потенциально могли время от времени демонстрировать ядерные мускулы, ни о какой цивилизованной интеграции в мировое сообщество не могло быть и речи.

Ибо наши ядерные амбиции вошли бы в прямое противоречие, как с уставом Организации Объединенных Наций, так и с Договором о нераспространении ядерного оружия, который подписали почти все страны мира. Не равные партнерские отношения «с открытым забралом» с ближайшими соседями и другими государствами, а силовое противостояние и настороженное отношение между Республикой Казахстан и мировым сообществом.

В-третьих, обладание неизбежно ведет к новому качеству. Само собой разумеется, что наша страна являлась бы фигурантом и мишенью всех стратегических планов ядерных и неядерных держав в качестве вероятного противника и источника постоянной военной угрозы. Нетрудно догадаться, что в этом случае на нашу территорию, на наши города были бы постоянно нацелены несущие боевую вахту ракеты с ядерными боеголовками держав, для которых мы являлись бы вероятным противником.

Это неизбежно приводит к тому, что обладание ядерным оружием не сдерживает, а многократно увеличивает риск тотального и необратимого применения оружия массового поражения против страны, имеющей ядерный арсенал. Несомненно, ядерная угроза – самая глобальная и опасная угроза не столько для независимости и суверенности того или иного государства, сколько для самого его существования.

Обладая ядерным оружием, мы автоматически

представляли бы потенциальную военную угрозу практически для всех стран мира. По крайней мере, в пределах досягаемости средства доставки атомного оружия – ракетно-авиационного комплекса. Нельзя допускать рассмотрение своей страны в качестве условного противника, также как нельзя допустить рассмотрение третьих стран в качестве возможных стратегических мишеней.

Невозможно нормально жить в сообществе государств, особенно проводя активную политику внешней интеграции, и постоянно или угрожать, или находиться под угрозой ядерного нападения. Сегодня мы избавлены от дамоклова меча, постоянно нависавшего над нами, – на нашу страну не нацелена ни одна из ядерных боеголовок других государств мира! А знание и ощущение этого, поверьте, может перевесить все другие соображения и намерения!

В-четвертых, необоснованный ядерный статус неизбежно привел бы к негативному отношению мировой общественности и международной изоляции из-за демонстрации явного пренебрежения принципами неоплавления, нераспространения и неразмещения, продекларированными Договором о нераспространении ядерного оружия.

Договор о нераспространении, ратифицированный почти всеми государствами, является нормой международного права. Со всеми вытекающими последствиями и обязательствами. Любой, кто так или иначе нарушит его, рискует стать своего рода изгоем международного цивилизованного сообщества. Не всегда право большинства абсолютно и истинно, но международное право есть вещь, пренебрегать которой было бы в высшей степени неразумно и недальновидно.

Может быть, я повторюсь, но, честно говоря, странно, что иногда возникала необходимость объяснять некоторым нашим казахстанским «ястребам» всю пагуб-

ность ядерного пути для будущего Казахстана и казахстанского народа. Трудно себе вообразить, какая губительная волна политических, экономических, экологических и гражданских бедствий обрушилась бы на Казахстан, вздумай он пойти вопреки здравому смыслу и логике событий и оставить на многострадальной казахстанской земле смертельное оружие, несущее только крушение всех человеческих надежд.

Как говорится: «Тот, кто захочет возвыситься, да будет унижен...». А мы не хотим возвыситься, мы просто хотим жить мирно...

В конце концов, чтобы стремиться к статусу Казахстана как региональной ядерной державы и так, между прочим, порядком радиоактивной, нужно вообще не обладать ни государственным мышлением, ни исторической ответственностью. Ответственностью перед нашими матерями и отцами, перед нашими потомками. Ответственностью перед будущим Евразии и всего человечества.

Могли ли мы, понимая все это, поставить под угрозу будущее своей молодой страны ради эфемерных выгод обладания ядерным оружием? Думаю, что ни у кого не возникнет сомнений в том, что наш ответ мог быть только одним...

* * *

Несомненно, есть толика истины в распространенном утверждении, что «история человечества – история войн». Собственно, даже историю цивилизаций мы изучаем по многочисленным войнам, которые они вели, по войнам, которые приводили или к возвышению, или к гибели государств.

Даже большинство людей на всех континентах при попытке вспомнить великих деятелей прошлого, вспоминают, как правило, знаменитых полководцев и военачальников: Дарий, Александр Великий, Гай Юлий

Цезарь, Чингисхан, Наполеон и еще огромное количество «незабываемых» имен.

Невосполнимы беды, которые принесли человечеству войны. Практически невозможно посчитать людские потери в многочисленных сражениях и баталиях. Изменялись границы государств, появлялись и исчезали огромные империи, целые народы подвергались унижениям и изгнанию.

Есть в истории человечества некое свойство, которое я бы условно назвал «возвратным потенциалом».

Что означает это понятие? Я постараюсь пояснить на известных примерах. Возьмите, к примеру, завоевательные походы Александра Македонского. Битва при Иссе и Гавгамелах и последующий захват империи Ахеменидов. Выход на берега Сырдарьи и покорение индийского княжества «доброго» Пора. Мелкие стычки и походы с целью удержания гигантской греко-персидской империи с македонским анклавом.

И что же? Смерть молодого «божества» привела к распаду образованного им полиэтнического государства. Греция вновь превратилась в Грецию, Персия осталась Персией, Египет вновь стал государством фараонов. Его эпигоны не удержали плоды побед, да и не смогли бы. Императоры уходят, государства остаются.

Такая же история и с другими великими империями: Монгольской, Османской, Британской, Австро-Венгрией, империей Наполеона. В большинстве случаях, сколько бы ни завоевывали то или иное государство любители чужих земель, рано или поздно оно зачастую вновь возрождалось и восстанавливало свой этнический потенциал и культурную самобытность. Как правило, изменялись границы, но не изменялось государство в целом. История, в основном, рано или поздно возвращала все на круги своя, и многие завоевания не достигали должного эффекта.

Конечно, я значительно утрирую и не учитываю той степени влияния, которое оказали завоеватели на завоеванные территории. Но, повторяю, в большинстве случаев страны, как правило, не теряли своей государственности и сохраняли большую часть своего этнического состава.

Это было возможным в большей степени потому, что исторические персонажи своей целью ставили завоевание того или иного государства, а не его уничтожение.

Но при современной ядерной войне не может вестись речи о завоеваниях. Результатом ядерного конфликта является не только уничтожение противника. Главное – сама земля этого государства становится практически непригодной для жизни.

Из военного лексикона ядерных государств, таким образом, исчезает понятие «завоевание», его синонимом становится понятие «тотальное уничтожение».

Позволяет ли историческая ответственность предпочесть бесконечное тотальное уничтожение временному возвратному поражению? Могу ответить твердо и категорично: нет! Никогда и ни при каких обстоятельствах и условиях.

Новое понимание безопасности — доктрина доверия

Безальтернативным императивом мировой политики конца 20-го века стал поиск универсальной формулы обеспечения и поддержания международной безопасности. В основе этого долгого и еще не до конца осмысленного процесса – трагические реалии прошедшего столетия.

Только после окончания 2-й мировой войны мир стал свидетелем почти трехсот непрерывно следовавших друг за другом войн и конфликтов в самых разных регионах планеты. И почти все эти конфликты тем не

менее не привели к окончательному миру в том или ином регионе.

Множество конфликтных зон и точек международной конфронтации, которые в любой момент могут обернуться вооруженным противостоянием на гораздо более высоком уровне, сохраняется на планете и в настоящее время. Среди них Афганистан, Балканы, Ближний Восток.

В начале 1990-х годов, когда Казахстан оказался, пожалуй, перед одним из самых главных выборов в своей истории, мы не могли не задумываться над тем, как изменится ситуация в регионе и в мире, если мы вдруг решили бы сохранить на своей территории ядерное оружие.

Во всех отношениях это было сложное для Казахстана время. С распадом СССР создававшиеся многими десятилетиями хозяйственные связи между Казахстаном и другими бывшими советскими республиками оказались разорванными. Нам предстояли системные рыночные реформы, которые, по определению, не могли быть легкими. Исходя из всего этого, мы понимали, что экономика страны стоит на пороге серьезного кризиса, и вряд ли кто-то мог уверенно прогнозировать, с какими политическими издержками мы из него выйдем. Многие эксперты-политологи пугали нас в то время возможностью серьезных социально-политических, межнациональных конфликтов. И надо признать, что эти прогнозы не были полностью безосновательными. По многим регионам бывшего Советского Союза в то время уже прошла волна бессмысленных кровопролитных межэтнических столкновений.

Могли ли мы в такой ситуации гарантировать безопасность ядерного оружия?

Сегодня мы гордимся тем, что нам, казахстанцам, в тех сложных условиях хватило мудрости и взаимно-

го уважения, чтобы сохранить в стране стабильность и межнациональный мир. Это общая заслуга всего казахстанского народа.

Но я также горд и тем, что в начале 1990-х годов, когда принималось решение об отказе от ядерного оружия, мы думали не только о себе или о своих собственных интересах, мы думали, как бы это громко ни звучало, об общей пользе для всего человечества.

В международных отношениях, как и в живой природе, существует жесточайший естественный отбор. Вся человеческая история доказывала нам, что шансы выжить в нашем мире имеет только «сильнейший». Наилучшие условия, возможности для развития и выживания получали только наиболее состоятельные в экономическом, а соответственно, и наиболее мощные в военном плане, страны.

Человечество на протяжении тысячелетий жило, сообразуясь с этой, казалось бы, примитивной первобытной логикой. Из века в век самые различные государства, находящиеся в самых разных частях планеты, накапливали всевозможное оружие, считая его единственно возможным гарантом собственной безопасности.

Эта глобальная гонка вооружений началась еще в эпоху каменных орудий и продолжается до сих пор. На смену деревянным дубинам и каменным ножам пришло огнестрельное оружие, а затем и атомная бомба.

Орудия убийства прошли значительный эволюционный путь, однако за это же время, к сожалению, практически не изменился их создатель – человек. Чем более мощным оружием он обладал, тем больше он воевал, и тем больше жертв и разрушений приносила каждая новая война. Только во второй половине XX века, накопив гигантский арсенал ядерного оружия, который был способен многократно уничтожить как

само человечество, так и все живое на Земле, человек, наконец, задумался о том, по правильному ли пути он идет.

Кто-то, кажется, из ученых-ядерщиков на вопрос о том, какое оружие придет на смену ядерному, однажды грустно пошутил: если состоится третья мировая война, и она будет уже ядерной, после нее, люди, которые выживут, опять начнут воевать камнями и дубинами. По-моему, это высказывание прекрасно иллюстрирует мысль о том, что дальнейшая гонка вооружений ведет человечество в эволюционный тупик, из которого выхода уже, скорее всего, не будет.

Я много думал об этих вещах в начале 1990-х годов, когда в Казахстане принималось решение о сохранении или уничтожении ядерного оружия, оставшегося на нашей территории. Тогда мы приняли, на мой взгляд, единственно верное решение. Отказ от ядерного оружия означал для нас отказ от менталитета периода безудержной гонки вооружений.

Мы начали строить исключительно миролюбивое государство и отказались от подхода к обеспечению собственной безопасности методом сдерживания «вероятного противника». В основу нашей внешней политики мы заложили интеграционные принципы многовекторности и взаимного доверия.

Законы международной политики в чем-то схожи с законами драматического жанра: если в первом акте на стене висит ружье, то в последнем оно обязательно должно выстрелить.

В соответствии с этой логикой, разъединяющая человечество гонка вооружений и безостановочное наращивание военного потенциала не способствуют стабильности и безопасности международных отношений, а наоборот, создают предпосылки для будущей дестабилизации.

В этой связи сложно даже представить, как бы мог-

ла развиваться ситуация в нашем регионе, если бы Казахстан решил сохранить ядерное оружие.

В целом, проблема обеспечения безопасности в Азии, где проживает около 3,5 миллиарда человек или более половины всего человечества, всегда была чрезвычайно актуальна. Этот самый плотно населенный регион планеты, поражающий воображение культурным и этническим разнообразием, на протяжении уже многих десятилетий остается крайне нестабильным.

Азия до настоящего времени была обременена многочисленными конфликтами, взаимным недоверием и подозрительностью. Население региона крайне неоднородно. Здесь смешались различные народы, различные политические, религиозные и культурные традиции. В таких условиях иногда бывает достаточно малейшей искры, чтобы разгорелся серьезный конфликт.

Достаточно острой проблемой для многих стран региона является неурегулированность территориальных вопросов с сопредельными государствами, что, конечно, не способствует укреплению атмосферы доверия и сотрудничества. В настоящее время азиатский субконтинент фактически изобилует «горячими точками», возникшими в результате территориальных претензий.

В этих условиях, если бы Казахстан решил сохранить ядерное оружие, дальнейшее развитие событий в регионе могло развиваться только по негативному сценарию.

Наличие значительного числа неурегулированных конфликтов в Азии повлекло бы за собой проблемы в сфере разоружения и контроля над вооружениями. При этом недостаток доверия между государствами неизбежно привел бы к дестабилизирующему накоплению вооружений, включая оружие массового уничтожения.

Гонка вооружений подталкивает ее участников к

вооруженному противостоянию – получился бы замкнутый круг, который губителен как для самих стран, непосредственно вовлеченных в конфликт, так и для всего азиатского региона в силу непредсказуемости последствий военных действий в условиях обладания ядерным оружием.

В то время мы понимали, что обеспечить безопасность в регионе возможно только напряженными совместными усилиями.

Обеспечение безопасности в настоящее время уже не может являться прерогативой каких-то отдельных «локомотивных» стран, как это было в период блокового противостояния. Необходимы совместные усилия всех государств региона, независимо от их размеров, численности населения, а также экономического потенциала.

Многополярность мира стала основной предпосылкой нового международного порядка. Это обуславливается, в первую очередь, процессом глобализации, когда мир становится все более взаимозависимым, и когда курс на решение проблем развития и безопасности только за счет собственных ресурсов нежизнеспособен. Гарантацией безопасности в настоящее время могут стать только коллективные усилия, проводимые в русле многостороннего сотрудничества на основе взаимного доверия.

Впервые с предложениями о создании в Азии новой модели безопасности я выступил в 1992 году в Нью-Йорке на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тогда я предложил созвать Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Эта инициатива была продиктована необходимостью создания эффективной и универсальной структуры по обеспечению безопасности на азиатском континенте, где, в отличие от других регионов мира, подобный механизм еще не был сформирован.

Тогда, выступая с трибуны ООН, я еще не мог пред-

полагать, с какими серьезными проблемами в сфере безопасности Центральная Азия столкнется через десятилетие. Однако кардинальное изменение геополитической ситуации, последовавшее вслед за распадом СССР, в целом требовало новых подходов к обеспечению безопасности в нашем регионе. Мы в Казахстане это понимали уже тогда.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии рассматривалось нами именно в данном контексте, именно как процесс укрепления взаимоотношений и сотрудничества азиатских государств в целях обеспечения стабильности и безопасности в регионе.

С самого начала инициатива о созыве СВМДА нашла поддержку практически всех азиатских государств, а также целого ряда международных форумов, прежде всего Организации Объединенных Наций.

В чем же заключается предлагаемая Казахстаном модель обеспечения безопасности?

Во-первых, мы предполагаем, что приоритетное значение в построении международных отношений должны иметь региональные аспекты безопасности. Привлечение третьих стран или международных организаций к решению региональных проблем допустимо только в случае согласия и в интересах государств региона. Кроме того, только усиливая региональное сотрудничество, возможно, наиболее полно решать свои собственные национальные задачи в условиях глобального взаимопроникновения интересов. Можно сказать, что регионализм является обратной стороной глобализации – если существует взаимозависимость государств, то она проявляется, прежде всего, на региональном уровне.

Во-вторых, незыблемым принципом и обязательным условием безопасности является действительное юридическое равноправие всех государств – субъектов международных отношений вне зависимости от их

экономического, военного или политического потенциала. Атавизмы колониалистской психологии, которые часто проявляются в международных отношениях в виде рассуждений о «старших и младших братьях», «супердержавах», «геополитических полюсах» и т.п., являются одними из наиболее опасных дестабилизирующих факторов международных отношений и должны быть изжиты.

Исторический опыт и просто здравый смысл подсказывают, что культивирование идей собственной исключительности или превосходства, в какой бы форме, явной или скрытой, это не происходило, является наиболее коротким путем к саморазрушению.

В-третьих, одним из главных принципов обеспечения международной безопасности является взаимное уважение суверенитета, прав на сохранение целостности территории, невмешательство во внутренние дела государств. Очевидно, что разнообразие национальных особенностей, традиций, культур и ценностей различных государств, которое в настоящее время часто воспринимается как разобщающий фактор, пора научиться воспринимать как ценную возможность взаимного обогащения и развития.

В-четвертых, решение каких-либо споров между государствами возможно исключительно мирными средствами. Вооруженные силы могут быть использованы только в оборонительных целях. Механизмом реализации данной нормы должен являться совместный контроль над вооружениями.

И, наконец, в-пятых, важнейшим аспектом обеспечения международной безопасности является принцип расширения доверия между государствами. Именно принцип Доверия должен придти на смену господствующему до сих пор в конфликтных регионах принципу военного сдерживания.

Именно Доверие является тем универсальным ме-

ханизмом, который позволяет конструктивно решать любые противоречия, которые могут возникнуть в отношениях между государствами.

Предлагаемая модель обеспечения безопасности подразумевает органичное сочетание как военно-политических, так и социально-экономических аспектов. В частности, очевидно, что доверие в военной области совершенно логично распространяется затем и на экономические отношения. Безопасность и стабильность являются предпосылками экономического развития, а взаимовыгодное экономическое развитие, в свою очередь, является залогом долговременной региональной безопасности.

Обозначенные принципы были заложены в основу СВМДА и отражены в основополагающем документе этой международной организации, а именно в Декларации, регулирующей отношения между государствами-членами Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Именно в тексте данной Декларации, которая была подписана в сентябре 1999 года в Алматы на встрече министров иностранных дел государств-участников Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, впервые были отражены базовые положения обеспечения международной безопасности на основании доктрины Доверия в Азии: уважение суверенитета и прав государств-участников, сохранение территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела друг друга, мирное урегулирование споров, отказ от применения силы, разоружение и контроль над вооружениями, сотрудничество в социальной, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах, уважение основных прав человека в соответствии с принципами ООН и международного права.

Эта встреча имела историческое значение. Не только потому, что это была первая встреча руководителей

внешнеполитических ведомств стран-участниц СВМДА, но и в силу того важного обстоятельства, что подписанная в ходе встречи Декларация о принципах, регулирующих взаимоотношения между государствами-членами Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии заложила юридические основы новой системы азиатской безопасности.

Подписанию данной Декларации предшествовали долгие обсуждения, кропотливый поиск точек соприкосновения. Далеко не сразу экспертам азиатских стран удавалось прийти к решениям, шли продолжительные, а порой и острые дискуссии, особенно вокруг таких проблем, как разоружение и контроль над вооружениями, невмешательство во внутренние дела, гуманитарное измерение.

Но было бы наивным полагать, что по столь сложным вопросам можно было бы найти быстрое решение.

В предварительных обсуждениях участвовали представители более 20-ти азиатских государств, многие из которых впоследствии стали членами или наблюдателями СВМДА.

В настоящее время государствами-членами СВМДА являются Афганистан, Азербайджан, Китай, Египет, Индия, Иран, Израиль, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Палестина, Россия, Таджикистан, Турция и Узбекистан, а государствами-наблюдателями – Австралия, Индонезия, Япония, Корея, Монголия, Украина, США, Ливан, Вьетнам, Таиланд, Малайзия.

Объединяет нас твердое стремление совместными усилиями создать надежную систему безопасности и сотрудничества в Азии и общее мнение о том, что построить безопасный мир возможно только сообща.

Помимо СВМДА реальное воплощение новая концепция безопасности, основанная на принципах взаимного доверия, получила в рамках так называемой «Шанхайской пятерки», членами которой явля-

ются Китай, Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан.

В апреле 1996 года в г.Шанхае главами наших пяти государств было подписано Соглашение об укреплении мер доверия в военной области в районе границы. Это был, пожалуй, первый пример практической реализации провозглашенной Казахстаном политики Доверия в военной области. Однако уже в 1997 году наши страны заключили следующее знаковое Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

В целом, в рамках «Шанхайской пятерки» нам удалось достичь соглашений о транспарентности военной деятельности, снижении активности в приграничной полосе, урегулировании пограничных вопросов, включая территориальные, о регулярном обмене информацией о военной деятельности, сотрудничестве в области борьбы с международным терроризмом, контрабандой наркотиков и оружия, нелегальной миграцией и т.д. Такого в Азии ранее никогда не было.

Достигнутые в рамках «Шанхайской пятерки» договоренности, стали мощным шагом к обеспечению безопасности не только на континенте, но и в мире в целом.

Явным показателем перспективности развития форума и важным шагом на пути обеспечения безопасности в регионе стало подключение к деятельности «Шанхайской пятерки» Узбекистана. Не исключено, что нынешний формат «пятерки» будет расширен, и не только за счет Узбекистана, но и других стран. Повышенный интерес к «Шанхайской пятерке» проявляют Монголия, Иран, Индия и Пакистан.

Таким образом, есть все основания полагать, что в будущем данный форум может преобразоваться в над-региональную организацию.

Концепция построения международной безопасности

на принципах взаимного доверия продемонстрировала свою эффективность в Азии. Соглашения, достигнутые в рамках «Шанхайской пятерки» и СВМДА, создали принципиально новую реальность на континенте, характеризующуюся более высоким уровнем безопасности, взаимовыгодного сотрудничества, как в военной, так и политической сферах.

Реальным выражением политики Доверия и символом новой модели безопасности стал отказ Казахстана от ядерного оружия и процесс создания в Центральной Азии безъядерной зоны.

Достаточно символично в этом плане, что в рамках СВМДА египетский лидер М. Х. Мубарак также выдвигал инициативу создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

В этих условиях опыт, наработанный в рамках создания системы безопасности в Азии, может быть использован при построении основ глобальной безопасности, наполнит их новым содержанием.

Казахстан предлагает строить новую модель глобальной безопасности на базе взаимодействия региональных подсистем, таких, как ОБСЕ, СВМДА. При этом данный механизм ни в коем случае не подменяет собой существующую систему, основанную на Уставе ООН, а лишь дополняет ее.

Текущая практика международных отношений демонстрирует нам некоторое снижение роли ООН. Если этот процесс будет продолжаться, то возможно торпедирование общей системы глобальной безопасности, что, разумеется, недопустимо. В связи с этим, очевидно, что роль ООН в обеспечении глобальной безопасности должна модифицироваться.

Основную ответственность за обеспечение стабильности в мире в современных условиях должны взять на себя региональные подсистемы безопасности, осуществляющие свою деятельность под эгидой ООН.

Только создание такой системы сможет обеспечить тот необходимый, мирный и стабильный диалог между цивилизациями, которого человечество добивается на протяжении уже нескольких тысячелетий.

К БЕЗЪЯДЕРНОМУ БУДУЩЕМУ

Наивное предвкушение тотального мира, безопасности и комфорта, которые мифология обыденного сознания западного человека возлагала на распад СССР и коммунистического блока, обернулось горьким разочарованием.

Мир не стоит на месте: баланс в нем сменяется дисбалансом, интеграция – дифференциацией, конвергенция – дивергенцией, и эта переменчивость эволюции подсказывала, что за сложившимся в 70–80-е годы XX века относительным силовым паритетом грядет фаза диспаритета. Не абсолютны были и субъективные гаранты и агенты стабильности: фактом безвременного отрешения от власти Президента СССР М. С. Горбачева как бы предопределялась «роковая» непредсказуемость политических судеб его последователей – прежде всего, в России как основной правопреемнице СССР, а затем и в других постсоветских республиках. Мир не мог пропустить всех возможных вариантов развития событий на постсоветском пространстве. В этой неопределенности возникала волна самых разных предположений о дальнейшей судьбе новых государств.

Мировому сообществу оставалось только надеяться на реализацию оптимальных вариантов развития и относительный период стабильности до окончательного формирования всех необходимых институтов государственного устройства стран Содружества.

Казахстан более всех оправдал обращенные к нему мировым сообществом надежды.

Как слух матери бывает чуток к первым звукам и

словам своего младенца, так и взгляд Истории внимателен к характерологии зарождающихся периодов. Будущим исследователям нашего времени не может не броситься в глаза, что первым криком души новорожденной Республики Казахстан было «Закрывать полигон!», и вся биография обновленного Казахстана – это небывалый прецедент преобразования ядерных материалов и технологий из оружия взаимной острастки и запугивания, террора, нестабильности, шантажа и насилия в орудие мира, безопасности, сотрудничества, добрососедства и диалога.

Приговор полигону...

Как уже было сказано выше, сообразуясь с волей народа Казахстана, осознавая ответственность перед будущим нации и отвечая интересам государственности и независимости, 29 августа 1991 года я подписал Указ №409 «О закрытии Семипалатинского испытательного ядерного полигона».

Отныне на нашей территории никогда не будут взрываться атомные и водородные бомбы, какими бы потребностями и интересами это ни мотивировалось. Ибо никакие потребности, тем более, военного характера, не стоят того, чтобы на десятках последующих поколений убийственным эхом отзывались радиоактивные последствия неуправляемой цепной реакции.

Закрытие Семипалатинского полигона являлось первым и уникальным в атомной истории прецедентом, когда государство добровольно и в одностороннем порядке свернуло весь комплекс работ на своей территории по экспериментальным взрывам ядерных и термоядерных зарядов.

Мне кажется, здесь стоит обратить внимание на это достаточно важное обстоятельство. Ведь, как пра-

вило, те или иные государства могли, сообразуясь с той или иной политической ситуацией, просто временно прекратить испытания. Такие прецеденты уже были и они известны. Но недостатком таких шагов являлось то, что сами полигоны продолжали поддерживаться в «холостом» режиме, а заранее приготовленным боевым зарядам только оставалось ждать своего следующего часа. И, соответственно, при желании или изменившихся обстоятельствах, руководство ядерного государства могло в любой момент восстановить процесс опытных взрывов и заниматься дальнейшим планированием одиночных или серийных испытаний.

В нашем случае, мы не просто прекратили всевозможные испытания ядерного оружия, мы устранили сам корень зла – даже потенциальную возможность каких-либо ядерных взрывов.

Не важно – ядерных или водородных. Не важно – на земле, в воздухе или под землей. Не важно – одиночный взрыв или серия взрывов. Важно, что закрытие Семипалатинского полигона означало – никаких, нигде и никогда атомных взрывов на казахстанской территории. Как говорится, приговор окончательный и обжалованию не подлежащий.

Но сделано было только полдела. Было понятно, что необходима не только отмена последующих взрывов, но и исправление последствий предыдущих. И после исторического решения встал вопрос о принятии целого комплекса мер, направленных на ликвидацию или, по крайней мере, снижение негативных последствий атомных испытаний на экологию прилегающих земель и здоровье людей, живущих в зоне экологического бедствия. Ведь «расхлебывать» последствия этих испытаний пришлось, в конце концов, только и только нам. Собственно, другого ожидать и не приходилось. Было много споров, кому должно в дальнейшем принадлежать ядерное оружие, но, насколько мне известно, не

было ни одного спора, кому должны принадлежать проведенные ядерные взрывы и их многочисленные последствия.

Не нашлось никого, кто хотел бы забрать не только ядерное оружие, но и все, что с ним было связано. Можно, конечно, забрать или отдать ядерное оружие, но кто заберет или кому отдать страдания и горе «облученных» людей и нашей земли?

В первую очередь, мы сочли необходимым хотя бы формально определить те территории, которые подверглись наиболее разрушительному влиянию ядерных испытаний и по многим категориям подходившие под определение «зона экологического бедствия». Тем более, что задача объективного подсчета степени зараженности той или иной местности – вещь невероятно трудоемкая и нужно еще немало времени, чтобы окончательно определиться в этом нелегком вопросе. В конце концов, в Постановлении №708 Правительства Республики Казахстан был определен список районов экологического бедствия, граничащих с Семипалатинским ядерным полигоном.

Но здесь, к сожалению, не обошлось без некоторых ошибок, на которые нам справедливо указали жители некоторых районов, которые были в этом вопросе «обделены». И это несмотря на то, что ошибок, как я уже упоминал, в этом весьма специфическом случае избежать практически невозможно, ведь деструктивное воздействие испытаний не носит избирательного характера и не имеет направленного действия. Радиоактивное облако не знает географии и не может накрыть полностью границы только одного района, не выходя за его пределы.

В этом отношении, например, характерно обращение жителей поселка Карагайлы к депутатам Верховного Совета, которое начиналось словами «Мы, избиратели поселка Карагайлы Каркаралинского района,

с глубоким возмущением узнали, что Постановлением Кабинета Министров №708 от 15 ноября 1991 года Каркаралинский район, в том числе поселок Карагайлы, не включен в список районов экологического бедствия, граничащих с Семипалатинским ядерным полигоном...».

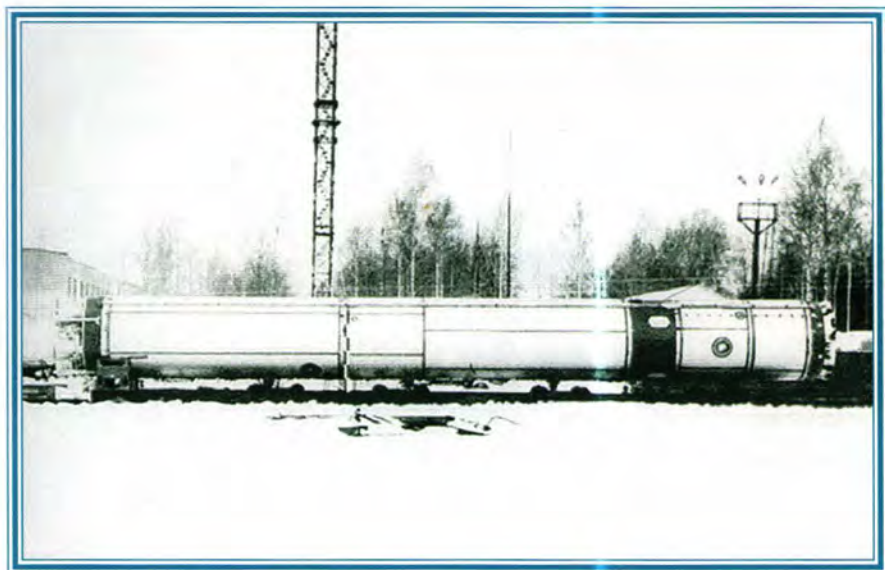
В своем письме карагайлинцы приводили многочисленные факты, свидетельствующие о негативных последствиях ядерных испытаний, в том числе и такой: «...В поселке Карагайлы на 1000 детей рождается 88 дефектных детей, они рождаются с вздутыми водянистыми головами, много с заячьими губами, без определенных половых принадлежностей и без таковых...».

С подобными посланиями и петициями жителей прилегающих к атомному полигону районов и областей я был, естественно, ознакомлен. И после соответствующих проверок и комиссий по определению экологической, медицинской и радиационной обстановки, нами всегда принимались соответствующие меры, призванные компенсировать ущерб, нанесенный взрывами населению.

Так появились правительственные постановления, уточняющие карту районов экологического бедствия. В данном конкретном случае, Каркаралинский район Карагандинской области был также включен в список зон экологического бедствия.

Заккрытие полигона – это не просто уничтожение всей его губительной инфраструктуры и запрет на испытания, это – долгие годы реабилитации зараженных земель, рекультивация почвы и окружающей среды, восстановление биопотенциала и помощь больным и психологически надломленным людям, полвека живущим рядом с атомной смертью. Это долгий и трудный процесс. Но, думаю, мы поставим точку в этой самой тяжелой странице в истории нашего государства.

Межконтинентальная баллистическая ракета
РС-20 (СС-18).

Стратегический бомбардировщик Ту-95М.

Стратегический бомбардировщик «Торнадо GR.1».

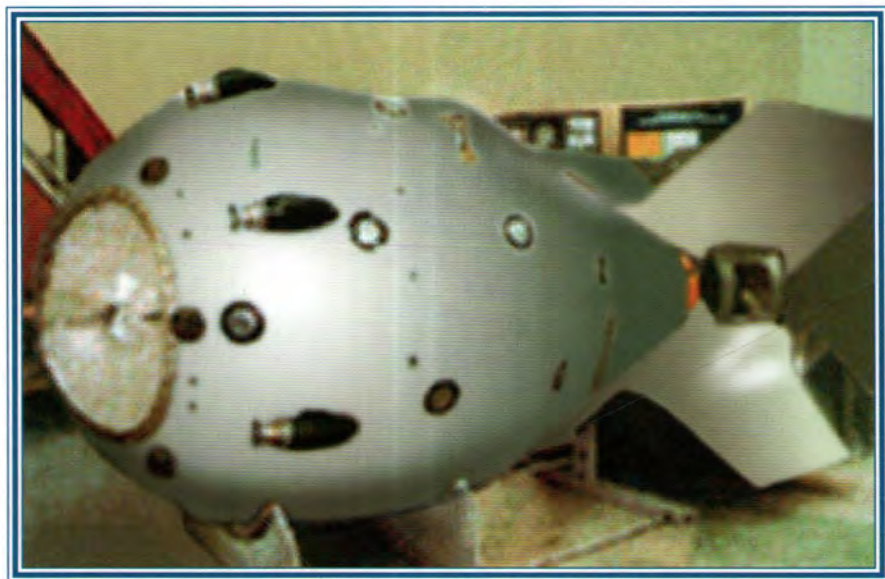

Старт баллистической ракеты «Трайдент-2 D-5».

Подводный запуск баллистической ракеты
«Поларис А-3 ТК».

Первая атомная бомба
мощностью двадцать килотонн РДС-1,
взорванная 29 августа 1949 года.
Фото из советского военного архива.

Мощность взрыва: 10,4 Мт. Дата испытаний – 31.10.1952 г.

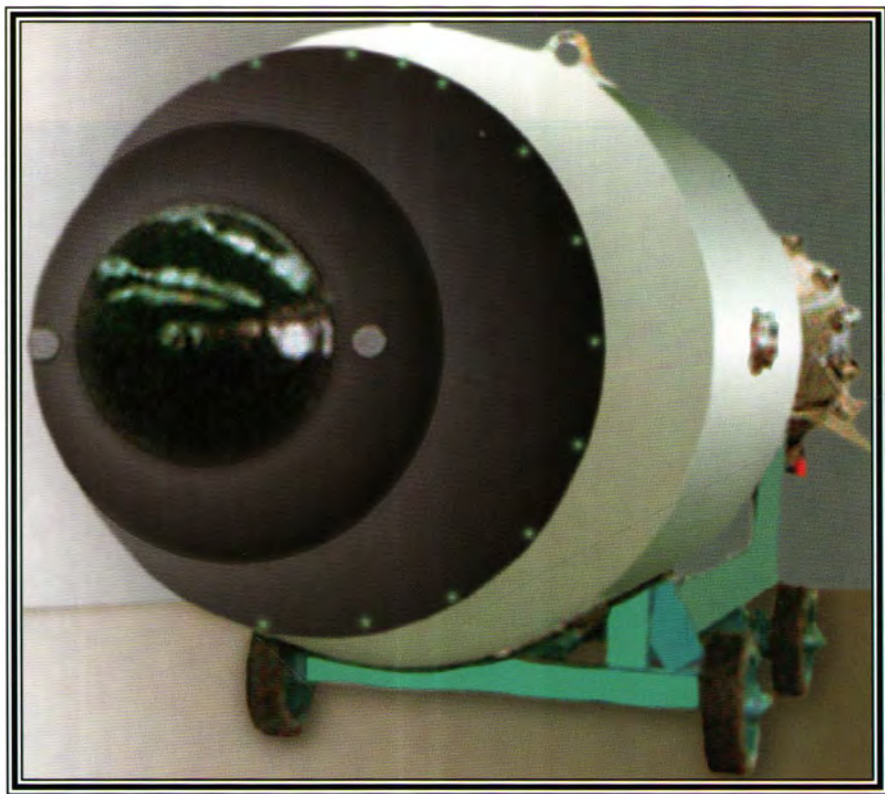

Мощность взрыва: 6,9 Мт. Дата испытаний – 25.04.1954 г.

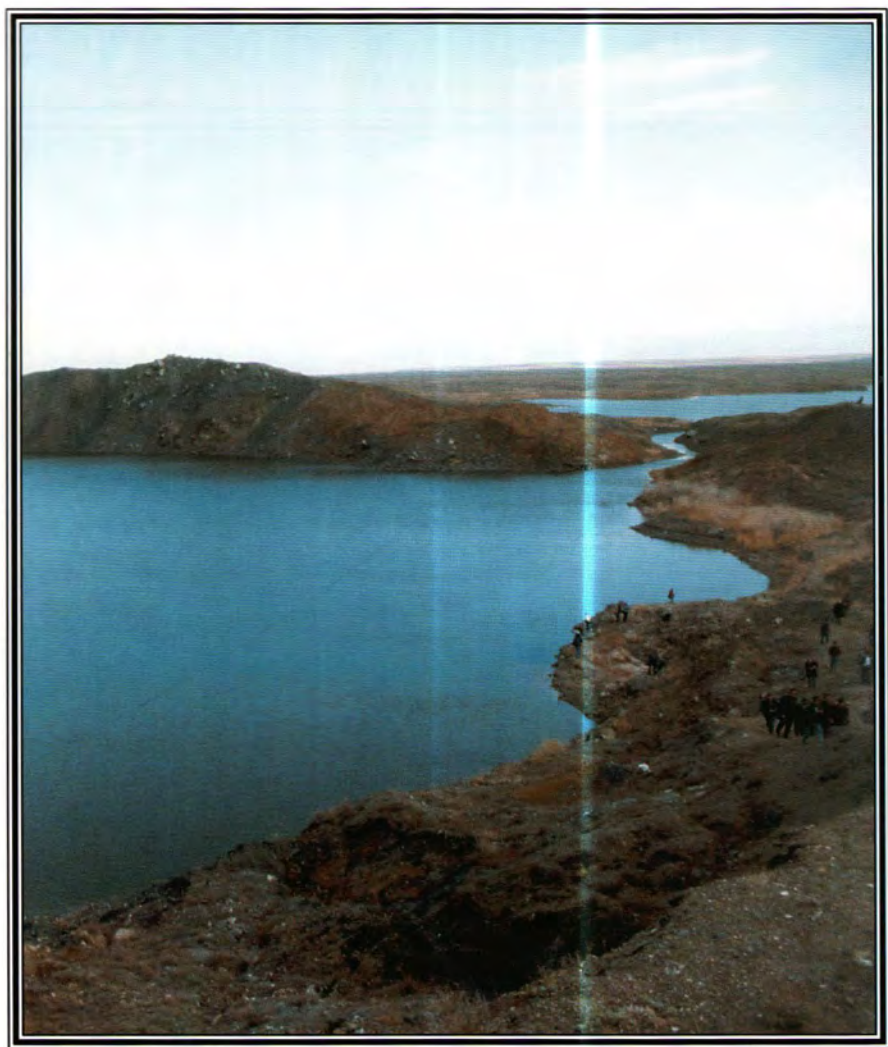

Мощность взрыва: 3,5 Мт. Дата испытаний – 02.07.1956 г.

Одна из первых советских водородных бомб.
Мощность: 50 МгТ.

После ядерного взрыва:
«Атомное», или «Мертвое» озеро. 1965 год.

Дегелен: гора, изрытая штольнями.

С жителями Семипалатинска. 1991 год.

На Семипалатинском ядерном полигоне. 1991 год.

После ядерного взрыва: интервью журналистам. 1991 год.

Мощность взрыва: 11 Кт.
Дата испытаний 14.09.1957 г.

Дети – жертвы ядерных испытаний
на Семипалатинском полигоне.

Казахская степь.

Митинг антиядерного движения
«Невада-Семей». 1991 год.

«Stop nuclear testing!». 1989 год.

Митинг антиядерного движения
«Невада-Семей». 1991 год.

«Нет ядерному Казахстану!». 1991 год.

С Генеральным Секретарем ООН К. Аннаном.
Нью-Йорк, декабрь 1999 года.

«Шанхайская пятерка». Апрель 1997 года.

С Президентом Египта Х. Мубараком.
Нью-Йорк, 1995 год.

В «Белом доме». Май 1992 года.

«Указ Президента о закрытии полигона поддерживаем!». 1991 год.

Дети – жертвы ядерных испытаний
на Семипалатинском полигоне.

Коллективная «кнопка» безопасности...

21 декабря 1991 года в Алматы было принято «Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия», а также 30 декабря 1991 года в Минске – «Соглашение между государствами – участниками Содружества Независимых Государств по стратегическим силам». Алматинское соглашение предусматривает невозможность применения ядерного оружия в одностороннем порядке без согласования с главами государств-участниками Алматинского соглашения.

Минское соглашение также предусматривало невозможность использования коллективного ядерного оружия без согласования и консультаций со всеми государствами СНГ.

Я вполне обоснованно полагал, что двойное соглашение, достигнутое в Алматы и Минске, в принципе может обеспечить всем нам надежную защиту территориального суверенитета и выступать гарантиями нашей ядерной неприкосновенности. В соответствии с соглашениями, мы, лидеры государств Содружества, признавали Россию правопреемником бывшего СССР. В том числе, и в отношении ядерного оружия. Это позволило Российской Федерации войти в состав постоянного Совета Безопасности ООН как государству, оставившему за собой ядерное наследство Советского Союза. В свою очередь, Россия обязалась признать суверенитет и территориальную целостность образованных суверенных республик. В отношении же ядерного оружия предполагалась передача ядерной кнопки Президенту России с гарантиями о том, что использование красной кнопки возможно только с коллективного согласия и консультаций со всеми государствами СНГ, обладавшими тогда ядерным оружием, то есть Казахстаном, Украиной, Беларусью.

Однако, вопреки нашей воле и взаимным обяза-

тельствам, достигнутые договоренности подверглись первому испытанию.

Уже 25 декабря 1991 года Президент Российской Федерации издал Указ «О повышении надежности боевого управления стратегическими ядерными силами Объединенных Вооруженных Сил СНГ в чрезвычайной обстановке». В рамках этого Указа предполагалось использование атомного оружия без согласия стран, на территории которых оно было размещено, и без консультаций с другими государствами Содружества. Таким образом, оно серьезно и кардинально входило в противоречие с Алматинским и Минским соглашениями. Причина Указа Б. Ельцина понятна: возможны чрезвычайные ситуации, когда лимит времени не позволял выдержать условие гарантированного ответного уничтожения вероятного противника в случае внезапного ядерного нападения. Но развитие внешнеполитической ситуации явно не соответствовало принятому в одностороннем порядке решению. Ведь, согласно Договору о РСМД, ракеты средней и малой дальности ликвидируются. Известно, что подлетное время такого типа ракет составляет около 6–7 минут.

Без вступления Договора о РСМД в силу доводы российской стороны можно было принять, а в последующем юридически оформить.

Но без угрозы со стороны нападения с использованием ракет малой и средней дальности я считал, что времени на оперативное реагирование на сложившуюся угрозу вполне достаточно, в том числе и для соблюдения процедуры согласования и консультаций со странами СНГ. Ведь главной ударной силой в этом случае являются стратегические бомбардировщики и межконтинентальные баллистические ракеты, подлетное время которых составляет примерно 30–40 минут, т.е. аргумент дефицита времени в этом случае явно не выдерживает критики. Тем более что, согласно приня-

тым Соглашениям, главы всех государств «вооружаются» системой мгновенной конференц-связи, позволяющей в реальном масштабе времени согласовать определенное решение одновременно со всеми. То есть не консультироваться последовательно с другими и спрашивать разрешение на исполнение «акта возмездия», а буквально в течение одной-двух минут согласовать этот вопрос одновременно со всеми.

Тем не менее мы общими усилиями продолжали поиски создания коллективной системы безопасности в рамках СНГ.

15 мая 1992 года Казахстан подписал Договор между странами СНГ «О совместной обороне» и Положение «О ядерной безопасности».

Одновременно мы решили и внутренние «ядерные» вопросы Казахстана, создав Национальный ядерный центр и Агентство по атомной энергии Казахстана.

Изгнание «Сатаны»...

22 мая 1992 года Казахстан в качестве одной из равноправных сторон Договора о стратегических наступательных вооружениях (СНВ-1) подписал Лиссабонский протокол о нераспространении и постепенном демонтаже и вывозе ракетно-ядерного оружия, взяв на себя обязательство освободиться от ядерного оружия и объявив свою территорию безъядерной зоной.

20 ноября 1992 года в Алматы я принял американскую делегацию, в которую входили сенаторы Конгресса США и специалисты в области политических и военных проблем. Возглавляли делегацию председатель комитета Сената по вооруженным делам Сэм Нанн и член комитета Сената по международным связям Ричард Лугар. Они сообщили мне о планах Администрации США по отношению к Казахстану, которые они построили на основе моей поездки в Вашингтон. В частности, о глубоком понимании позиции Казахстана и

всеобщем одобрении нашей позиции в вопросе о Договоре по ограничению стратегических вооружений, который мы незадолго до этого подписали.

Касательно практических проблем разоружения, было оглашено решение Сената о выделении около 800 миллионов долларов для финансирования перевозок, демонтажа и ликвидации ядерного оружия, находящегося на территории стран Содружества Независимых Государств.

Между США и Республикой Казахстан 24 сентября 1993 года было парафировано рамочное соглашение. По этому соглашению, Соединенные Штаты обязались предоставить техническую и финансовую помощь в решении текущих и неотложных задач ядерного разоружения: ограничение стратегических ядерных боеголовок и средств доставки; контроль над ядерными материалами и их радиоактивная защита; аварийное оборудование для внештатных и экстремальных ситуаций; организация оперативного канала межправительственной связи, системы контроля за экспортом в Казахстане.

Таким образом, спустя год после Лиссабона мы сделали конкретный шаг на пути к полной ликвидации стратегических ядерных вооружений.

В этот же знаменательный год решением Верховного Совета нашей республики мы первыми из стран СНГ ратифицировали Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который был подписан годом ранее, 30 декабря 1991 года.

Членство в Договоре о нераспространении ядерного оружия – это, пожалуй, один из самых важных шагов, сделанных нами на пути к безъядерному будущему. ДНЯО вот уже четверть века является нормой международного права и самой авторитетной формой коллективных усилий в процессе всеобщего разоружения и нераспространения. Поэтому вступление в До-

говор о нераспространении на правах неядерной державы стало юридическим подтверждением нашего безъядерного статуса.

28 марта 1994 года я встретился с Борисом Ельциным, чтобы подписать Соглашение о выводе всех находящихся в Казахстане ядерных боеголовок в Россию в течение 14 месяцев и демонтаже всех шахтных пусковых установок для ракет СС-18 в течение ближайших 3-х лет. В соглашении было оговорено, что Казахстану возмещается стоимость ядерных материалов, содержащихся в ядерных боеголовках. Все важные вопросы, связанные с текстом Соглашения и условиями эвакуации атомного оружия, мы обсудили заранее, поэтому довольно быстро закончили протокольную часть и дипломатический обмен любезностями. Мы вполне представляли все подводные камни, которые могут оказаться на пути нашего соглашения и прекрасно понимали, что основная работа впереди.

Но, как оказалось, особых проблем с вывозом и транспортировкой ядерных боеголовок не возникло и, строго выдержав оговоренные сроки, 25 апреля следующего года инженерно-военные части успешно вывезли все стратегическое и тактическое ядерное оружие на территорию России. Как мне рассказывали казахстанские офицеры, принимавшие участие в вывозе, погрузку ядерных боезарядов производили глубокой ночью. Подвозили специальные вагоны и, соблюдая все меры предосторожности, бережно и аккуратно заполняли их атомными «монстрами». В 1996 году 57-я и 38-я ракетные дивизии РВСН были расформированы. С мая 1995 г. по сентябрь 1996 г. силами российских военных частей уничтожены головки шахтных пусковых установок (ШПУ) и пунктов управления полетом (УКП) межконтинентальных баллистических ракет. До настоящего времени в местах расположения бывших баз межконтинентальных баллистических ракет сохраняется ре-

жим инспекций, контролируемый Совместной Комиссией. В период с 1996 по 1999 годы все шахтные пусковые установки и универсальные командные пункты, входящие в состав Стратегических ядерных сил, были ликвидированы в рамках казахстанско-американской программы Совместного сокращения угрозы.

Позднее оставшиеся на авиационной базе Шаган, в свое время не вывезенные по техническим причинам семь тяжелых бомбардировщиков были ликвидированы в 1998 г. в соответствии с условиями Договора СНВ-1.

Начиная с 1994 года, в рамках Соглашения между Правительствами Казахстана и США, в местах расположения шахтных пусковых установок был ускоренными темпами проведен комплекс работ, включающий химическую и аналитическую оценку типов и уровня загрязненности, ликвидацию инфраструктуры ШПУ, рекультивацию площадок до состояния земель, рекомендованного для хозяйственного использования международными и национальными стандартами, который был успешно завершен в 1998 году.

В рамках очень важной и конструктивной совместной казахстанско-американской программы «Совместного сокращения угрозы» в 1998 году были начаты работы по ликвидации унифицированных заправочных комплексов складов ядерного оружия, предварительное обследование которых проведено в 1997 году.

Важно было обеспечить не только процесс ликвидации ядерного оружия, но и принять меры к тому, чтобы наша страна даже гипотетически не могла стать источником постоянной угрозы и напряжения.

Забывтый пасынок полигона...

Но тем не менее процесс полной денуклеаризации республики грозил сильно затянуться. Как мы уже знали, на Семипалатинском полигоне в штоль-

не 108-К длиной 592 метра и на глубине 130 метров все еще находился невзорванный испытательный плутониевый заряд мощностью 0,4 килотонны. Он был в строго секретном порядке заложен еще в мае 1991 года и фигурировал в проекте под названием «Физический опыт ФО-100-СЖР». Основная цель планируемых испытаний состояла, насколько мне известно, в том, чтобы исследовать воздействие жесткого рентгеновского излучения на параметры боевой техники и электронную аппаратуру. Так уж получилось, что заряд в силу ряда причин вовремя не взорвали, а после моего Указа о закрытии полигона от 29 августа 1991 года попросту уже на законных основаниях не могли.

После директивы Министерства обороны Российской Федерации началась эвакуация на север воинских частей, дислоцированных на Семипалатинском полигоне и несущих дежурство по охране ядерных объектов. И так уж получилось, что проблема невзорванного ядерного устройства была передана нам, так сказать, в наследство. Признаться, проблема действительно была не из простых, а решение не виделось достаточно легким и однозначным. Что делать с оставленной бомбой?

С одной стороны, об еще одном ядерном взрыве не могло быть и речи, тем более после соответствующего Указа. Было бы совершенно неразумно и опасно создавать подобные прецеденты вопреки государственным решениям. И вообще просто незаконно. В то же время заниматься демонтажом и извлечением атомного заряда, находящегося в штольне длиной почти в километр, накладно и крайне опасно. Как говорится, «возможны варианты».

Но первым делом я, естественно, заинтересовался, возможен ли самопроизвольный взрыв ядерного устройства, особенно по истечении срока его использова-

ния по штатному расписанию. Как выяснилось, мнения специалистов сходились в одном: самопроизвольного взрыва не будет. Авторитетный специалист и главный конструктор ядерных зарядов Б. Литвинов также высказался вполне определенно: опасности нет! Правда, предупредил, что потенциально такая опасность все же существует. В том случае, если возникнет детонация заряда. Например, в случае прокладки какой-либо обходной штольни или локального очага землетрясения. Тогда, в результате очень сильных и резких, чисто механических воздействий, возможно смещение масс урана с возможным сближением до образования критической массы. Одним словом, не тронь ядерное устройство, оно и не взорвется.

Но устройство лежит уже почти четыре года, и про него так просто не забудешь. Все-таки не лопаточку в песочнице оставили. Мнение же специалистов по поводу абсолютного исключения самопроизвольной неуправляемой реакции, конечно, авторитетно, но не абсолютно. Тем более, по опыту общения с разноплановыми специалистами самых разных рангов знаю: если эксперт более чем авторитетно и категорично заявляет решительное «нет» или «невозможно», то готовься к другим альтернативным вариантам.

В конце концов, после перебора самых разных сценариев нейтрализации потенциальной опасности, военные эксперты из Арзамаса-16 предложили не извлекать и транспортировать его в Федеральный ядерный центр ВНИИ теплофизики Челябинска-70, как было запланировано, а просто уничтожить на месте. Не взорвать ядерный заряд, а именно уничтожить его. Причем подрыв может быть произведен простой взрывчаткой.

В связи с этим, российская сторона предоставила рабочий проект «Вскрытия и ликвидации объекта 108-К», рассматривающий вариант взрыва заряда в

штольне. В первую очередь, совершенно необходимо было провести экологическую экспертизу представленного проекта, и я считал необходимым поручить создание совместной комиссии, включающей представителей Министерства экологии и биоресурсов, Агентства по атомной энергии и внештатных специалистов соответствующих профилей.

После этой комиссии и еще целого ряда экспертных заключений и консультаций, в результате перебора всех возможных вариантов и последствий сошлись на том, что меньшим из зол будет все-таки подрыв ядерного заряда в штольне методом накладного заряда. При всех его минусах и недостатках. Как сказано в окончательном документе: «...Исключить любую разгерметизацию ядерного устройства, провести его уничтожение в концевой выработке штольни 108-К с использованием накладного заряда химического взрывчатого вещества, что полностью исключает ядерное энерговыделение...». На том и порешили.

Конечно, с одной стороны было бы весьма символично, что последнее ядерное устройство на земле Казахстана не будет подорвано, а было бы, так сказать, депортировано. Так же, как и другое атомное оружие. Но в таких случаях, разумеется, надо исходить из реально сложившейся ситуации. 31 мая 1995 года в 13 часов 16 минут местного времени 400 килограммов химической взрывчатки уничтожили один килограмм радиоактивного плутония.

И любители символизма смогли сделать у себя пометку – последний атомный заряд на Семипалатинском полигоне был не взорван, а именно уничтожен.

И этот безъядерный взрыв символизировал превращение Казахстана и Центральной Азии в безъядерную территорию.

Нет ядерным испытаниям!..

30 сентября 1996 года мы присоединились к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Конечно, в первую очередь были решены проблемы атомного мониторинга, системы наблюдения за ядерными испытаниями, которые оформились в Соглашение между Казахстаном и Подготовительной комиссией ДВЗЯИ. В силу некоторых особенностей, Казахстан идеально подходит для строительства сейсмических станций, в задачу которых входит регистрация колебания почвы при ядерном взрыве. Поэтому предполагалось включить строящиеся объекты в Международную систему мониторинга по контролю за выполнением Договора о запрещении ядерных испытаний.

К тому времени между нашим Национальным ядерным центром и Агентством по ядерной безопасности при Министерстве обороны США было подписано Соглашение, в котором предусматривалась ликвидация штолен, заготовленных для закладки зарядов и их последующих взрывов. Таких штолен на тот момент насчитывалось 186, самых разных размеров и самой разной длины. Мы рассматривали ликвидацию ядерных вместилищ как необходимое условие для вступления в ДВЗЯИ и твердого намерения никогда больше не производить ядерных взрывов на казахстанской земле.

Процесс уничтожения туннелей растянулся почти на четыре года. Объем работ был огромный. Но 29 июля 2000 года в горном массиве Дегелен последняя штольня для ядерных испытаний на бывшем Семипалатинском ядерном испытательном полигоне была, наконец, уничтожена 100-килограммовым зарядом гранулола.

От гарантированной опасности к гарантиям безопасности...

Я всегда полагал, что тот, кто имеет какое-либо оружие и в то же время противится тому, чтобы его имел кто-то другой, автоматически приобретает естественные и необходимые обязательства перед более «обезоруженным».

Если более вооруженный не берет таких обязательств, то он совершает по отношению к «безоружному» действие, которое можно квалифицировать как «фактическое или превентивное вынужденное обезоруживание с позиции силы без последующего предоставления гарантий безопасности». Но если таковое происходит, и сильный обязывается полностью гарантировать безопасность невооруженного при обоюдном согласии, то тут уже не обойтись без взаимных согласований и взаимных обязательств.

Между прочим, отвергнув ядерное оружие, мы тем самым предоставили гарантии другим государствам, что наша страна никоим образом не представляет для них опасности как источник ядерной агрессии. Сделали, если так можно выразиться, «шаг навстречу» прогрессивному и миролюбивому мировому сообществу.

В связи с этим, нельзя не вспомнить, что одно время многие наши казахстанские и зарубежные политические и общественные деятели высказывали определенные опасения по поводу затянувшегося процесса денуклеаризации республики. Проблема иногда стояла так остро, что порой становилась своего рода камнем преткновения в вопросах внешней и внутренней политики и как эхом отдавалась во многих процессах, связанных с коллективным участием.

Некоторые прямо пытались обвинить нас в том, что мы преследуем тайные замыслы вероломно пересмот-

реть наше «безъядерное» решение и сделать попытку использовать ядерный потенциал в качестве долговременного средства шантажа для разрешения своих тех или иных проблем. Другие искренне опасались возможности превращения Казахстана в «исламское ядерное государство». У третьих по поводу нашей «медлительности» уже создавалось впечатление, что полным ходом разворачивается процесс постепенного превращения нашей страны в источник постоянного «ядерного терроризма».

Одним словом, кто во что горазд, в зависимости от своей политологической и геостратегической специализации.

В данном случае, конечно, не так много места для иронии, но меня порой поражало и ставило в тупик откровенное непонимание совершенно очевидных вещей. Что я имею в виду?

Если уже согласиться с тем, что ядерное оружие играет роль средства сдерживания, то нельзя не согласиться с тем, что эта его «функциональная нагрузка» в принципе аналогична предназначению чучела в огороде. Именно так! Пугало в гораздо большей степени является средством сдерживания, чем само ядерное оружие.

В первую очередь, из-за того, что оно по определению не может нанести хоть какого-нибудь, даже потенциального, физического вреда истребителям огородов. Кроме, разумеется, морального психологического надлома пернатого «агрессора». В то же время благодаря функции устрашающего сдерживания чучело не позволяет непрошеным пернатым гостям хозяйничать в огороде. По крайней мере, так, как им вздумается.

И в пылу страстей о замедлении «темпов роста» неядерного Казахстана, никто почему-то не вспомнил о главном предназначении атомного оружия – принуж-

дать вероятного противника к вынужденному пацифизму.

Все почему-то помнили только о, так сказать, «деструктивных», разрушительных его свойствах и связанных с этим опасностях.

Впервые в новейшей истории Казахстана наша страна получила государственную независимость. И этот шаг накладывал на нас, на руководство страной, соответствующие обязательства. В первую очередь, предпринимать все усилия и совершать дальнейшие шаги по укреплению государственности и суверенности Республики Казахстан. И, конечно же, предпринимать необходимые и обязательные усилия, направленные на обеспечение нашей территориальной целостности и безопасности.

Мы нисколько не сомневались в том, что ядерному Казахстану не быть, но в то же время, в отличие от многих государств, нас теперь уже не прикрывал чей-либо «ядерный» зонтик. А свой, понимая всю безответственность и бесперспективность этого шага, мы, естественно, разворачивать не хотели.

И, само собой разумеется, при всех возможных обстоятельствах, я совершенно справедливо указывал на то, что если уж некоторые державы не желали усложнять свою внешнюю ядерную политику из-за возникновения еще одной атомной державы, то они должны были предоставить нам соответствующие аргументы в пользу безъядерного статуса. И, самое главное, подтвердить эти аргументы предоставлением официальных гарантий по ядерной безопасности.

В конце концов гарантии ядерных держав, которые фактически обеспечили безопасность нашей республики от внешней ядерной угрозы и угрозы военного характера со стороны государств, обладающих атомным потенциалом, мы получили. И временная «пауза» в процессе денуклеаризации Казахстана была обус-

ловлена, в первую очередь, дипломатическими и юридическими проблемами с получением «ядерных» гарантий.

Особенно много времени ушло на конкретизацию соответствующих пунктов, касающихся собственно гарантий, и само их принятие и ратификацию сторонами. Наконец после долгих личных консультаций и переговоров с главами ядерных держав, мы подписали коллективный меморандум, обеспечивающий ядерную безопасность Республики Казахстан и подписанный крупнейшими ядерными державами – Россией, Соединенными Штатами и Великобританией.

Этот крайне важный для нас меморандум о гарантиях безопасности был подписан Президентом США У. Клинтоном, Президентом России Б. Ельциным и Премьер-Министром Великобритании Д. Мейджором 5 декабря 1994 года во время саммита ОБСЕ в столице Венгрии.

В первую очередь, стороны подтвердили свое обязательство уважать независимость и суверенитет нашей республики, отказались от возможности использования политики силы и ее применения по отношению к Казахстану, не прибегать к экономическим санкциям, если они не соответствуют основополагающим принципам ОБСЕ, членами которой мы также являемся.

И, конечно же, самое главное. Меморандум гласит, что в случае, если Республика Казахстан подвергнется агрессии или станет объектом угрозы агрессии с применением ядерного оружия, совместными усилиями великие ядерные державы, США, Российская Федерация и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, как постоянные члены Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, предпримут незамедлительные действия по оказанию соответствующей помощи Казахстану, стране-участнику Договора о нераспространении ядерного оружия на правах неядерного государства.

Через два месяца после оглашения этого Меморандума о гарантиях ядерной безопасности Казахстана, 8 февраля 1995 года агентство «Синьхуа» распространило заявление Правительства КНР о предоставлении Казахстану аналогичных гарантий безопасности.

В достаточно прозрачной и, в то же время, категоричной форме в гарантии говорится: «...Китай с полным пониманием относится к желанию Казахстана получить гарантии безопасности. Безоговорочно воздерживаться от применения ядерного оружия или угрозы его применения против неядерных государств и безъядерных зон – такова последовательная позиция китайского правительства. Эта принципиальная позиция распространяется на Казахстан».

Еще раньше, во время визита в нашу страну в сентябре 1993 года, о гарантиях безопасности Казахстану заявил Президент Франции Франсуа Миттеран.

Когда я в двухсторонней беседе высказал свои принципиальные соображения по поводу четкой связи между ядерным разоружением и гарантиями для Казахстана, он согласился со мной и добавил, что Казахстан перед началом процесса вывода атомных боеголовок должен получить твердые гарантии на случай внешней ядерной угрозы со стороны Франции и других ядерных держав.

Такова в общих чертах эпопея получения этих документов, так важных для глобальной и региональной безопасности Казахстана и для дальнейших практических шагов на пути к безъядерному будущему.

Кстати, в своей книге «На пороге XXI века» я несколько более подробно описывал эту долгую процедуру переговорных процессов, приведших к получению «антиядерных» гарантий и подписанию соответствующих документов первыми лицами стран-гарантов – великих ядерных держав планеты...

От необлагания к контролю...

Заключение мировым сообществом Договора о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия поставило насущный вопрос о необходимости полного отказа от ядерного оружия, поскольку никто не может полагаться на надежность такого оружия без его испытаний.

Поэтому можно понять непосредственный интерес мирового сообщества к развитию методик контроля, необходимости глобального мониторинга всех ядерных взрывов.

Наша территория, конечно, должна быть свободна от ядерного оружия, но она может быть связана «мирными» механизмами обеспечения глобальной и региональной безопасности в рамках всеобщих Договоров по разоружению и нераспространению.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, начиная с 1993 года, совместными американско-казахстанскими командами (IRIS и Национальный ядерный центр) на степных просторах Казахстана ведутся сейсмологические исследования строения Земли и мониторинг подземного испытания ядерного оружия. И в перспективе планируется создание Центра сейсмических данных.

Совместные американско-советские эксперименты по контролю за испытаниями показали, что территория Казахстана может служить почти идеальной площадкой по мониторингу не только испытаний договорных сторон, но и ядерных испытаний других стран.

Это обусловлено следующими причинами: 1) особенности геологических структур северных и северо-восточных районов Казахстана состоят в том, что распространяемые в результате ядерных испытаний сейсмические волны испытывают наименьшее сопротивление и их амплитудные характеристики не ослабева-

ют достаточно сильно даже на протяженных расстояниях; 2) территориально Казахстан расположен в самом центре Евразии, в низинной части континента, что позволяет легко обнаруживать сейсмически спокойные точки.

Совместный проект Национального ядерного центра Республики Казахстан, созданного на базе Семипалатинского ядерного полигона, и Атмосферной обсерватории Ламонт-Догерти Университета Колумбии позволил разработать восемь широкополосных сейсмических станций, оптимальных для задач контроля как естественных (землетрясения), так и антропогенных (ядерные взрывы) источников. Часть разработанных станций вошла в сеть станций Международной системы контроля в рамках Всеобъемлющего договора о запрещении ядерных испытаний.

Мониторинг взрывов мощностью более 10 килотонн обеспечивается существующими национальными сейсмическими сетями, которые обеспечивают и контроль более «слабых» (до 0,5 килотонн) событий в виде землетрясений и маломощных взрывов на региональных расстояниях менее 2500 км.

В 1998 году на площадках «Балапан» и «Дегелен» бывшего Семипалатинского полигона начаты эксперименты по развитию и демонстрации методик контроля за проведением ядерных испытаний. Это – проведение калибровочных взрывов химических взрывчатых веществ мощностью от единиц до 100 тонн в скважинах и штольнях.

Первый такой взрыв с использованием 5 тонн взрывчатого вещества был проведен 13 июля 1997 года. Аналогичный взрыв в рамках так называемого эксперимента «Омега-1» прогремел 22 августа 1998 года в штольне 214, расположенной в Дегелене. В последующем в разных штольнях была проведена целая серия калибровочных взрывов в рамках программы «Омега».

В связи с этими взрывами, кстати, в то время возник ряд недоразумений. Мол, полигон давно закрыли, а взрывы продолжаются. Напомню, что в данном случае речь идет не о ядерных зарядах, а о зарядах, в которых в качестве взрывчатого вещества используется гранулотол (гранулированный тротил). Собственно, гранулотол широко используется в промышленных и строительных работах и, конечно же, не является сколько-нибудь радиоактивным.

Таким образом, в связи с переориентацией Казахстаном бывших военных комплексов на мирную деятельность Семипалатинский полигон все больше становится открытым для зарубежных участников и наблюдателей международным мирным полигоном, «нейтральной полосой» решения «чувствительных» вопросов деятельности ядерных стран в области нераспространения.

* * *

Основная цель конверсионных проектов – демилитаризация промышленности, развитие национальной экономики, обеспечение занятости ученых и специалистов, которые были или могут быть заняты в производстве вооружения. О существенном вкладе Казахстана в этом направлении говорят примеры ряда открытых и действующих с 1994 года предприятий, таких как: СП «Нурсат» – крупнейшая в Казахстане спутниковая сеть телекоммуникаций с уставным фондом около 20 млн. долл., СП «КК Интерконнект» – пионер в области производства в Казахстане бытовой электроники и персональных компьютеров с уставным фондом около 12 млн. долл., предприятие «БИОТИМ» по производству лекарственных препаратов широкого спроса, созданное при содействии Фонда Нанна-Лугара, и некоторые другие.

Современные реалии очевидны: в мире существуют ядерные и неядерные государства, не связанные га-

рантиями и договорами. Поэтому мы принимаем все меры для исключения какой-либо возможности или ситуации использования материалов и технологий ядерного экспорта в военных целях и обеспечиваем адресную поставку товаров в соответствии с международными принципами ядерного экспорта.

На протяжении последних нескольких лет, экспортируя ядерную и неядерную продукцию на внешний рынок, Казахстан и впредь намерен придерживаться общей стратегии членов «ядерного клуба» и развивать усилия, направленные на укрепление международной безопасности.

За 10 лет независимого развития и становления государственности нам в Казахстане удалось нейтрализовать множество «горячих» проблем, среди которых тематика нераспространения оружия массового поражения, материалов и технологий двойного назначения относится к числу первостепенных. Ликвидация последствий военной деятельности и конверсия бывших объектов ВПК, разработка методов контроля за выполнением ратифицированных международных соглашений в области ядерного, химического и бактериологического оружия – все это составляет основу сокращения угрозы. Но изменчивость силового соотношения в мире, обнаруживающая увеличение зон и очагов военных конфликтов или возросшую вероятность самоутверждения с помощью новых видов вооружений, включая ядерные, требует перманентного совершенствования системы обеспечения безопасности.

В 1997 году по результатам заседания казахстанско-американской совместной комиссии было принято решение о создании в Казахстане Ассоциации «Института по проблемам нераспространения». Эта задуманная на стыке науки и политики структура призвана экстренно реагировать на повышения ядерных «температур» в мире, своевременно анализировать, про-

гнозировать, предупреждать и предлагать рекомендации по устранению возможных опасностей в области нераспространения.

Таким образом, верный своему выбору Казахстан продемонстрировал миру пример галантного и элегантного строительства такого безъядерного мирного геополитического коридора, от которого не пострадал ни один народ и ни один человек на Земле и который обернулся благом всему человеческому братству.

В системе МАГАТЭ...

Пожалуй, самой авторитетной организацией в области высокотехнологичной энергетики является МАГАТЭ – Международное Агентство по атомной энергетике. Можно даже сказать, что МАГАТЭ, являясь организацией входящей в систему ООН, в области атомных технологий выполняет функции Организации Объединенных Наций.

Здесь налицо принципиальное совпадение функций этих двух международных структур: передача технологий (в ООН – «это распространение знаний»), безопасность, гарантии. Не говоря уже о широком представительстве государств-участников в МАГАТЭ. На сегодня это число составляет порядка 130 официальных членов. Приоритетной задачей МАГАТЭ является применение системы контроля (гарантий) для выявления случаев возможного использования расщепляющихся материалов неядерными странами для производства атомного оружия.

Само собой разумеется, Казахстан, чтобы цивилизованно войти в мировое научно-техническое сообщество, должен был стать членом МАГАТЭ и в рамках ДНЯО передать свои ядерные объекты под контроль «атомной ООН» с последующей их инспекцией на предмет именно мирного использования...

Июль в Алматы – царство фонтанов и буйной зелени. Но и жара стоит порой неимоверная. Только к вечеру прохладный поток с гор постепенно вытесняет дневной зной и устанавливаются незабываемые алматинские сумерки с журчанием арыков и ароматом знаменитых алматинских тюльпанов. В один из этих июльских дней в Алматы прибыл Ханс Бликс, бывший в то время Генеральным директором Международного Агентства по атомной энергии.

Мы рассматривали его приезд как достаточно важный, ведь оформление отношений с МАГАТЭ – непереносимое условие цивилизованного входа в мировую систему отношений, основанных на коллективных принципах безопасности. На следующий день в Доме дружбы народов Казахстана между нашей республикой и МАГАТЭ было подписано Соглашение о гарантиях. Мы обязались предоставить наши ядерные объекты для международных технических инспекций, МАГАТЭ, в свою очередь, обязалось оказывать нам исчерпывающую помощь в области казахстанской энергетики и фундаментальных ядерных исследованиях. Подписав взаимное Соглашение, Республика Казахстан становилась, таким образом, полноправным участником ДНЯО и членом международного мирного атомного сообщества. А процесс ликвидации ядерного оружия был поставлен на юридическую основу.

Таким образом, согласно процедуре установленной Договором о нераспространении, все ядерные объекты и материалы, находящиеся до этого момента под юрисдикцией нашей республики, были незамедлительно поставлены под гарантии и наблюдение МАГАТЭ.

Конечно, на территории Казахстана находились ядерные материалы, принадлежащие России, и, соответственно, российская сторона была вовсе не заинтересована в том, чтобы ее ядерные материалы попали под контроль МАГАТЭ после их декларирования казахстанской

стороной. Это касалось в основном урана, оставшегося на территории Семипалатинска после незавершенной программы по советским ядерным двигателям. В двух тоннах топлива, предназначенного для дальнейшего использования в экспериментальных двигателях, содержалось около 205 килограммов урана с обогащением выше 80%. У нас не было никаких оснований возражать против аргументов российской стороны в пользу вывода этих материалов из-под гарантии МАГАТЭ. Соответственно было разработано и подписано Соглашение между Министерством по атомной энергии Российской Федерации и казахстанской стороной об использовании российских ядерных материалов в Национальном ядерном центре Казахстана.

Демобилизация военного атома...

Когда текущие дела и перспективные проекты касаются проблем, связанных с использованием управляемой цепной реакции и потенциальными возможностями атомных электростанций, мне почему-то автоматически вспоминается не только трагедия Чернобыля, но и одно творение киноискусства.

Как-то, достаточно давно, мне довелось посмотреть американский фильм «Китайский синдром».

Так вот, в этом фильме, который снят задолго до Чернобыля, по-моему, в 70-х годах, рассказывается об аварийной ситуации на атомной электростанции, где герой был начальником смены. С помощью журналистки, которая оказалась случайным свидетелем аварии, он пытался рассказать об опасности дальнейшей эксплуатации атомной станции: на станции какой-то важный функциональный узел (насколько помню, сам активный реактор) был неправильно смонтирован или «приварен». Встретив волну непонимания и неприятия, герой самовольно пытается остановить работу атомной станции и,

в конце концов, погибает под пулями вызванного спецназа. После этого «недоразумения» «неисправная» атомная электростанция продолжает свою работу! Один из специалистов-энергетиков в фильме китайским синдромом называл гипотетическую ситуацию, когда неисправный реакторный блок мог нагреться до такой температуры, что был теоретически в состоянии полностью проплавить земную кору и выйти на поверхность на территории Китая.

В этом немного апокалипсическом фильме наглядно показаны все сложности и опасности применения ядерной энергии.

Сложности, которые, в первую очередь, связаны с отставанием человеческого самосознания как части биосферы от его прагматического и неодоушевленного конструктивизма. Да, несомненно, преимущества атомной выработки энергии перед остальными достаточно убедительны и внушительны. В период всеобщей эйфории «мирного атома» дальнейшее развитие человечества неизменно связывали только с неограниченными ресурсами реакций деления тяжелых и слияния легких ядер. Но дальше все изменилось. Происходящие события в области ядерной энергетики свидетельствовали не только об очевидных успехах «мирного» атома, но и серьезных, порой невероятно опасных проблемах, с ним связанных.

Неквалифицированная эксплуатация «мирного» атома приводила порой просто к катастрофическим последствиям. Они общеизвестны: аварии на американской «Три-Майл-Айленд» и советской Чернобыльской АЭС.

Непосредственно в момент аварии в Чернобыле погибло 30 человек и 237 получили тяжелое радиоактивное облучение. Общее же количество так или иначе пострадавших составило порядка 4,8 миллиона человек, проживающих на облученных территориях Украины

и Беларуси. Нанесен практически невосполнимый ущерб сельскохозяйственным угодьям и производственному потенциалу Украины.

Невозможно оценить тот психологический пресс, который выдержали в те тяжелые дни украинцы, белорусы и другие народы СССР. Это была самая великая трагедия великого украинского народа.

А ущерб, который, по оценкам специалистов, нанесла окружающей среде авария на американской атомной электростанции «Три-Майл-Айленд», происшедшая 28 марта 1979 года, вообще достигла астрономической суммы в 130 миллиардов долларов! Этой суммы с лихвой хватило бы на разработку практически безопасных атомных станций или создание более совершенных установок, основанных на других принципах преобразования энергии.

Или же авария на японской АЭС в Таикомуре. Там ситуация сложилась, можно сказать, катастрофическая. Еще немного и управляемость цепной реакции могла быть утеряна. Что это значит, мы себе уже представляем. Тогда пришлось эвакуировать почти 300 000 человек из населенных пунктов, прилегающих к месту аварии на 10 километров.

Сегодня на планете работают, по крайней мере, чуть меньше 500 атомных реакторов большой и малой мощности, вырабатывающих электрическую энергию для потребления.

И каждый год образуется, по крайней мере, около десяти тонн отработанного ядерного топлива. Это топливо, извлеченное из реакторов, принято считать чем-то вроде ядерного мусора, и каждая страна по-своему решает проблему его утилизации. Впрочем, рецепт, как правило, один: захоронение отработанного топлива в специальных капсулах на большой глубине. Самый главный вопрос: где? Вопрос самый сложный и именно он вызывает столь неоднозначную реакцию у граж-

данского населения. Никто, ни одна страна, ни один регион не испытывают желания стать атомной свалкой. Из опасения возможных экологических последствий и отрицательного общественного мнения. Именно из-за необходимости захоронения радиоактивных отходов многие страны или свертывают свои программы по атомной энергетике, или не столь активно их развивают.

Само собой разумеется, ученые продолжают выискивать различные варианты по повышению безотходности атомных реакторов и, тем самым, поддержанию радиационного баланса окружающей среды на устоявшемся уровне. В случае успешного решения этой чисто технической задачи, проблема захоронения отходов вполне может отодвинуться на второй план и дать существенный толчок к использованию реакции расщепления тяжелых элементов для производства относительно дешевой электроэнергии.

В последнее время особое внимание энергетиков сосредоточено на реализации так называемого замкнутого ядерного топливного цикла. Успешная реализация этого проекта приведет к тому, что отработанное ядерное топливо не будет впредь рассматриваться как радиоактивные отходы, подлежащие захоронению. Наоборот, после его существенной доработки и вторичного обогащения, большая часть переработанного топлива вновь будет использована в качестве активной тепловыделяющей сборки для работы атомной электростанции. По мере того, как этот цикл будет повторяться снова и снова, мы в конце концов получим материал, который при всем желании уже нельзя будет считать радиоактивными отходами. Ввиду отсутствия собственно радиоактивности или, по крайней мере, ее сравнимости с естественным фоном. Если программа такого безотходного ядерного производства будет достаточно четко проработана и, главное, реализована, то,

я думаю, она в значительной степени сможет снизить значительную радиофобию к существованию и функционированию атомных станций.

Развивать или затормозить развитие атомной энергетики в нашей стране? Строить новые энергоустановки или вообще законсервировать уже имеющиеся?

Сложно, а может, и невозможно однозначно ответить на эти вопросы. Ситуация в мире привела к тому, что постепенно сформировалось два направления в процессе развития атомной энергетики. Большинство стран Европейского сообщества постепенно отказываются от атомных установок или же приостановили активные разработки в этой области. В свою очередь, многие страны Юго-Восточной Азии, наоборот, активно вовлекают реакцию расщепления в процесс производства электроэнергии. У каждого свои доводы и свои возражения.

Все же, кажется, наиболее разумный вариант: постепенное наращивание атомной энергетики в режиме ситуации, когда безопасность работы атомных электростанций будет сведена к минимуму. Такие работы по созданию новых конструкций атомных реакторов активно проводятся во многих странах, не оставляющих надежду на перспективы «неисчерпаемого» атома.

Думаю, процесс развития атомной энергетики Казахстана с учетом «ожидания улучшенных результатов» можно проводить в два основных этапа: наработка материально-сырьевой базы в качестве первого и создание экологически чистых и безопасных в эксплуатации ядерных энергоустановок в качестве второго этапа.

Первый этап в нашей стране постепенно приобретает реальные очертания. Постепенно и неуклонно мы выполняем нашу основную задачу в области отечественной энергетики – постепенное развитие сырьевой составляющей экспорта природного урана.

В этом направлении у нас видятся довольно оптимистические результаты. По оценкам специалистов, мы можем получать не менее 10 тысяч тонн природного урана в год. Постепенно увеличив добычу урана, мы по этому показателю к 2005 году сможем выйти на третью позицию в мире, после Канады и Австралии.

Программа требует дальнейшего постепенного расширения, и мне было отрадно подписать на Саммите Тысячелетия Договор о заключении контрактов между нашим Ульбинским комбинатом предварительного обогащения и рядом американских компаний о поставке природного и малообогащенного урана для атомных энергоустановок и передаче американцам технологии по производству бериллиевых сплавов.

В 2000 году мы увеличили добычу природного урана на 15% и всего добыли около 1,7 тысячи тонн урана.

Что же касается второго этапа развития казахстанской атомной энергетики, то он во многом будет определяться по совокупности результатов технологического прогресса и мировых тенденций в области энергетической стратегии.

Несмотря на довольно пессимистические прогнозы в этом отношении, мне все-таки представляется, что человечество не откажется так просто от энергии атома.

Думаю, что все же страх перед атомом будет так или иначе преодолен, а способы его безопасной эксплуатации найдены.

* * *

Такова в общих чертах эпопея перерождения земли Казахстана из страны 4-го ядерного потенциала и почти 500 атомных взрывов в территорию, полностью свободную от военного атома. Раны земли еще не скоро затянутся, души искалеченных радиацией людей еще не скоро воспрянут, психологическое потрясение

от соседства с взрывающимися атомными бомбами не скоро пройдет, а память народа никогда не угаснет.

Мы нашли в себе силы и мужество избавиться от ядерного кошмара и изгнать «Сатану» за пределы многострадальной Родины. Мы не подверглись соблазну поиска вариантов, которые позволили бы нам, хотя бы частично, оставить себе эту грозную силу и уготовить ей роль главного аргумента нашего государства.

Мы приняли решение, которое отражало волю и чаяния казахстанского народа и государственные интересы нашей независимой страны, которое наглядно показало высочайшую степень ответственности перед мировым сообществом и будущим граждан Казахстана.

Благодаря тому новому пути, на который мы встали в 1991 году. Пути государственной независимости и суверенности. Без свободы и независимости Казахстана, наш путь был бы непредсказуем, а итог печален.

Мы, народ Казахстана, освободились от ядерных оков потому, что стали свободными. И смогли пойти исключительно мирным путем, только обретя независимость.

В конце XX века, опередив время и добровольно сложив ядерное оружие, мы показали, каким должен быть век XXI.

Глава 2

**НОВАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

ТРЕТИЙ «ЯДЕРНЫЙ» МИР

Я часто замечал, что устоявшиеся стереотипы настолько сильно довлеют над нашими мыслями и критическим восприятием, что мы порой совершенно безапелляционно утверждаем то, что уже давно перестало быть истиной и в какой-то степени должно подвергнуться сомнению.

Такой общепринятой истиной, как мне думается, стал известный тезис о том, что так называемая мультиполярность мира является прямым следствием скоротечного распада Советского Союза. Мы, опираясь на опыт последних событий второй половины двадцатого века, часто воспринимаем это утверждение как должное, нисколько не сомневаясь в его правильности и точности. Но, должен сказать, что даже самый поверхностный анализ и сопоставление текущих событий дают основание считать данную сентенцию достаточно спорной. По крайней мере, я не вижу никаких однозначных и очевидных предпосылок к утверждению, что начало процессу образования мультиполярного мира было положено именно распадом Советского Союза.

Действительно, процесс распада СССР сопровождался глобальными геополитическими изменениями, переориентацией геостратегических интересов обширных государственных сообществ и переоценкой мировоззрения целого ряда стран, прежде всего, бывших советских республик, вставших на цивилизованный и демократический путь развития.

Но все же не следует забывать, что эпоха биполярного мира проходила под знаком взаимосогласованного и взаимозависимого баланса сил, то есть была основана исключительно на силовой компоненте отношений. А в качестве «меры измерения» этого силового паритета выступало именно ядерное оружие.

В этом плане биполярное противостояние окончательно не исчезло. Не следует забывать, что Россия все же осталась ядерной державой. Причем она не просто смогла сохранить ядерное оружие. Она по-прежнему обладает ядерным потенциалом, сопоставимым с соответствующим потенциалом Соединенных Штатов.

Россия, будучи одним из главных наследников Советского Союза, отказалась от некогда свойственных ему глобальных имперских амбиций, но тем не менее сохранила свою достаточно развитую военную инфраструктуру, которая позволяет ей реализовать весь комплекс мер по производству и усовершенствованию атомного оружия.

Исчезли непримиримость и фатальное противостояние СССР и США, но остался ядерный потенциал, который все еще количественно и качественно согласуется с концепцией «гарантированного взаимного уничтожения» и поэтому требует сохранять политические балансы в отношениях между теперь уже Россией и США. И, главное, Россия остается равноправным партнером США по СНВ, членству в Совете Безопасности ООН и проводит свою независимую внешнюю политику, по-прежнему являясь для многих стран центром притяжения.

Все это прямым образом свидетельствует о том, что биполярность мира вовсе не канула в Лету, как это обычно представляется. Она всего лишь смягчила свои острые углы и в современных условиях стала выражаться не в столь категоричной антагонистической форме, как это было ранее.

Но как же тогда быть с многочисленными утверждениями о том, что мир все же становится мультиполярным? Неужели они ошибочны?

Думаю, что нет. Однако понятия «биполярности» и «мультиполярности» нельзя рассматривать в хро-

нологическом отрыве друг от друга, как это часто делается в настоящее время.

Мультиполярность еще не пришла окончательно на смену биполярности и пока они сосуществуют. И именно благодаря этому странному симбиозу, биполярность и стала менее заметной, так как она размывается на фоне параллельно рождающейся мультиполярности.

Обстоятельства рождения мультиполярного мира совершенно иные и независимы от все еще сохраняющегося биполярного мира. И в современных исторических условиях они просто накладываются друг на друга.

Но что же в таком случае является фактором рождения мультиполярного мира, если не окончание блокового противостояния?

Двадцатый век заставил нас воспринимать мир как форму вселенской борьбы двух социальных систем. Но в то же время мы определенно не замечали, что тот мир, который мы уже привыкли называть третьим, на самом деле был «параллельным» миром. Миром, который во многом развивался по своему собственному, едва ощутимому и зачастую уникальному пути. И, в моем понимании, именно этот «параллельный» путь привел к возникновению новой реальности – реальности, в которой происходит постепенное размывание понятия «сверхдержава», и в качестве нового фигуранта на международной сцене появляются региональные державы или, как еще их принято называть, «региональные полюса» или «региональные центры силы». Именно они становятся основными субъектами нового мультиполярного мира, и именно в эту канву опасно начинает вписываться такой процесс, как распространение ядерного оружия.

Конец XX века ознаменовался важным событи-

ем глобального масштаба. Индия и Пакистан открыто возвестили миру о своих ядерных амбициях. Баланс сил нарушился, а ядерное оружие перестало быть прерогативой «большой» пятерки. Вопреки общепринятому и, казалось, незыблемому режиму нераспространения, количество обладателей атомного оружия возросло. Возник новый мировой геополитический полюс – «третий ядерный мир». Тезис о мультиполярности мира наполнился реальным содержанием. При этом новый, мультиполярный мир, к сожалению, сохранил определенную преемственность особенностей предыдущего мироустройства, основанного на силовой компоненте. В результате возникла реальная опасность развития человечества по пути глобальной нуклеаризации.

Открытая демонстрация обладания ядерным оружием новыми региональными державами «третьего» мира объективно подталкивает «пороговые» и «предпороговые» страны к новому витку гонки вооружений, к цепной реакции нуклеаризации на региональном уровне. Масштабы этой гонки вооружений могут достигнуть опасных величин, намного превосходящих былую ядерную гонку двух «сверхдержав». Если начнется новая ядерная гонка, она будет носить не двухсторонний и взаимосогласованный, а всеобщий, глобальный характер. Такая ситуация может привести к невероятному усложнению проблем, связанных с разоружением, нераспространением, глобальной и региональной безопасностью.

В новых условиях ядерной мультиполярности атомное оружие может превратиться в рутинный инструмент убеждения в процессах региональной политики. В результате возникает реальная угроза возникновения «малых» региональных войн с применением ядерного оружия.

Меня, как президента государства, отказавшего-

ся от ядерного оружия и вошедшего в новый век с мирными намерениями, не может не беспокоить опасность качественно нового витка неконтролируемой планетарной гонки вооружений.

Формирование надежной системы глобальной и региональной безопасности в Азии и во всем мире является сферой жизненных интересов Казахстана. Поэтому во второй части этой книги я постарался показать, как возникла новая реальность – третий ядерный мир, попытался осмыслить новые свойства ядерного оружия в эпоху мультиполярности, изложить свои давние мысли о возникновении новых опасных угроз человечеству.

Моя книга не претендует на определение контуров будущего мира. Однако я буду считать свою цель достигнутой, если после ее прочтения каждый из нас еще раз задумается о единственно возможном безъядерном будущем человечества и о тех рецептах, которые позволят нам достичь такого будущего.

Южная Азия: две региональные сверхдержавы

Я никогда не любил отвлеченные аналогии, но если уж оригинал авторитетен, то они вполне уместны.

Сегодня вслед за Збигневом Бжезинским стало модно уподоблять земной шар глобальной шахматной доске. Если следовать данной терминологии, можно констатировать, что в 1998 году в Южной Азии была разыграна своеобразная шахматная партия на звание регионального ядерного «чемпиона».

Первое и достаточно стандартное начало Е2–Е4 сделала Индия своими пятью взрывами ядерных боего-

ловок в пустыне Тар на полигоне вблизи Покхарана. Причем среди пяти индийских взорванных устройств мощностью 15–20 килотонн числилась и водородная бомба мощностью 43 килотонны.

Пакистан, долго не раздумывая, ответил не менее стандартно Е7–Е5 – шесть экспериментальных взрывов атомных зарядов мощностью 5–10 килотонн были взорваны на полигоне вблизи горного хребта Чагаи.

Именно эти ядерные взрывы, проведенные в короткий период с 11 по 30 мая 1998 года в индийском штате Раджастан и пакистанской провинции Белуджистан, и возвестили о начале новой геополитической эры, о зарождении новой реальности – мультиполярного мироустройства и, одновременно, о возникновении «третьего ядерного мира».

Республика Индия и Исламская Республика Пакистан, следуя прежнему историческому опыту Человечества, который условно можно выразить в формуле – «на лидерство может претендовать только сильный», пытаются развиваться по ставшей уже традиционной схеме – наращивают «мускулы» и стремятся стать полноценными ядерными державами. При этом желаемую «ядерную полноценность» этим странам, по мнению их руководства, должны придать разворачивание современной системы предварительного оповещения, оперативного управления тактическим ядерным оружием и совершенствование средств доставки и их перехвата.

Что касается обладания ядерным оружием, то его наличие миру Индией и Пакистаном уже убедительно продемонстрировано. Трудно сказать, сколько атомных боеголовок имеет та и другая сторона на настоящий момент. Но потенциально, к примеру, Индия, по оценкам специалистов, по состоянию на 1998 год имела все необходимые ресурсы и компо-

ненты для производства как минимум 455 ядерных боеголовок (или уже их имела). Исламабад, в свою очередь, имел соответствующие возможности для производства, по крайней мере, 105 атомных боезарядов.

Таким образом, на региональном уровне суммарный ядерный боекомплект может находиться на достаточно высоком количественном уровне.

Однако страна фактически может считаться ядерной, если она обладает не только ядерным оружием, но и имеет адекватные технические возможности его доставки. Например, Индия, уже обладающая ракетоносителем средней дальности «Агни», который способен доставлять ядерные заряды на дальность до 2 тысяч километров, по имеющимся сведениям, ведет разработку межконтинентальной баллистической ракеты «Сурья», которая будет способна достигать цели на расстоянии от 8 до 12 тысяч километров. Кроме того, ведутся работы по дальнейшей модернизации ракет класса «Агни». В частности, разработанная индийскими военными инженерами оперативно-тактическая ракета «Агни-2» способна нести ядерное оружие массой 700–800 килограммов на расстояние до 2,5 тысячи километров.

Нет никакой неожиданности в том, что Пакистан ответил на эти индийские ракетные программы соответствующими собственными проектами развития средств доставки ядерных зарядов.

Исламабад уже достаточно давно реализует программу по разработке современных типов ракет. Например, имеющаяся в распоряжении Пакистана баллистическая ракета «Хайдер-1» способна нести атомное оружие с космической скоростью до 16,6 км в секунду.

«Хайдер» является первой ракетой, которая была разработана исключительно с использованием па-

кистанского научно-технического потенциала. Пре-
дыдущие ракеты «Шахин» были своего рода копия-
ми ракет иностранного производства. Тем не менее
модификация твердотопливных ракет «Шахин» про-
должается. В частности, если первая тактическая ра-
кета «Шахин-1» имела дальность до 800 километров
с полезной нагрузкой до одной тонны, то «Шахин-2»
может перенести такой же груз на расстояние до
2200 километров.

14 апреля 1999 года пакистанскими военными
также была испытана баллистическая ракета сред-
ней дальности «Гхаури-2», способная забросить ядер-
ный заряд весом до 600 килограммов на расстояние
до 2200 километров.

Итак, новый адрес новой ракетно-ядерной гон-
ки вооружений – Южная Азия...

* * *

В биологической науке есть один на первый
взгляд очень простой, но на самом деле очень важ-
ный закон. Так называемый закон Бэра. Если не
употреблять специальной терминологии, то его
смысл сводится к тому, что развитие зародыша в точ-
ности повторяет развитие вида в целом.

Возьмем развитие человека: пока он находится в
утробе матери, в нем постепенно появляются и исче-
зают подобию жабр, хвоста и другие признаки эво-
люционного развития животного мира.

Эволюция человеческого зародыша внутри орга-
низма в течение девяти месяцев, как следует из это-
го удивительного закона, повторяет эволюцию все-
го вида, всего животного мира в течение сотен мил-
лионов лет.

Интересно, но аналогия напрашивается сама со-
бой. Если попытаться применить закономерность
Бэра к современным реалиям ядерных отношений,

то получим очень простой, но далеко не тривиальный закон: динамика гонки вооружений на региональном уровне скорее всего может повторить эволюцию ядерной гонки в эпоху глобального противостояния.

В региональном соперничестве между Индией и Пакистаном дальнейшие события могут повторить самые худшие сценарии времен «холодной войны». Существует реальная опасность развязывания ядерной гонки вооружений на региональном уровне. Эскалация этой гонки может привести к тому, что в нее будут втянуты и другие страны азиатского региона. В то же время, учитывая абсолютную бессмысленность обладания ядерным оружием для разрешения региональных противоречий и локальных проблем, цель такой ядерной гонки не только не будет оправдывать затрачиваемые на нее средства, но может привести к непредсказуемым результатам. В этом плане недооценивать опасные последствия ядерного противостояния на региональном уровне нельзя.

* * *

После испытаний ядерного оружия в Индии и Пакистане я много думал о том, почему это произошло.

Почему эти две страны, наши соседи по региону, решились пойти против мнения мирового сообщества и нарушить такое хрупкое пока равновесие и спокойствие, которое установилось в мире после окончания ядерного блокового противостояния?

Беспокойство по поводу угрозы нуклеаризации Южной Азии представители самых различных евразийских государств начинали проявлять уже в начале 1990-х годов. Мне вспоминается, например, что еще в мае 1994 года на пресс-конференции в

Дакке, в Бангладеш, заместитель Премьера Госсовета, министр иностранных дел Китайской Народной Республики Цянь Цичень высказывал точку зрения о том, что «...гонка вооружений в Южной Азии не принесет ничего хорошего ни одной из наций. Она может обернуться лишь осложнением ситуации в этом регионе...». С точки зрения глобальной безопасности, опасения Цянь Циченя оказались не напрасны. Мгновенное рождение сразу двух ядерных держав в южноазиатском регионе самым серьезным образом осложнило ситуацию в Евразии и вызвало бурную, неоднозначную реакцию на других континентах.

После взрывов 1998 года Индию и Пакистан осудили практически все страны мира. Соединенные Штаты неоднократно пытались использовать свое политическое влияние на Пакистан и убедить Исламабад в одностороннем порядке присоединиться к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В отношении Индии фактически сразу после испытательных ядерных взрывов многими странами были введены экономические санкции.

Как Индия, так и Пакистан, наверняка могли это все предвидеть, и, уверен, предвидели еще до того, как кто-то из военных нажал на атомную кнопку.

Почему же тогда, несмотря ни на что, они все же приняли решение о «легализации» ядерного оружия? Ведь это решение тем более странно, если учесть, что как Индия, так и Пакистан, всегда были одними из самых радикальных поборников всеобщего и полного ядерного разоружения.

Конечно, было бы наивным полагать, что Индию, к примеру, от обладания ядерным оружием могла бы остановить угроза каких-то экономических санкций. В этом плане очень характерную точку зрения давно высказал председатель индийской торговой

палаты Иогендра Триведи: «...Нацию с населением более чем в восемьсот миллионов нельзя так просто отодвинуть в сторону».

В последние годы экономический потенциал Республики Индия, страны с миллиардным населением, неуклонно возрастал. Развитая индустрия и успешная экономическая политика позволяют Индии реализовать свои собственные национальные программы в области высоких технологий. Это касается фундаментальных и прикладных исследований, космических (спутниковых) программ, достижений в области разработки суперкомпьютеров, исследований атома.

Высокий уровень индийской науки признан по всему миру. Всем, например, известно, что множество индийских ученых трудятся сегодня во многих передовых научных учреждениях и лабораториях мира.

Экономика Индии вполне самодостаточна, чтобы не быть слишком чувствительной к возможному режиму экономической изоляции. Однако, испытав ядерное оружие, это государство пошатнуло основы всей глобальной системы обеспечения ядерной безопасности. И это, конечно, гораздо важнее, чем все остальное.

* * *

Чем больше я думаю, почему же Дели и Исламабад все-таки решились встать на опасный и довольно скользкий путь обладания ядерным оружием, тем больше склоняюсь к мнению о том, что реализации их ядерных амбиций способствовал сложившийся к тому времени общий режим глобальной безопасности. Точнее, все более заметно проявляющееся несовершенство этого режима.

С момента принятия ДНЯО количество ядерного

оружия на планете не только не уменьшилось, а, наоборот, многократно увеличилось. Оно было размещено во многих странах мира, особенно в евразийской части планеты. Ядерные испытания также не прекратились, при этом атомное оружие значительно усовершенствовалось, и его суммарная мощность превзошла все мыслимые и разумные пределы.

В этой связи уместно вспомнить, что еще в середине пятидесятих годов Индийская Республика решительно выступила за полный и безоговорочный запрет испытаний ядерного оружия во всем мире, независимо от того, военный или «мирный» характер имеют эти испытания. Именно Джавахарлал Неру, будучи Премьер-Министром Индии, огласил этот призыв с трибуны ООН в 1954 году. Именно Дели в шестидесятих годах принял самое активное участие в разработке и подготовке того самого Договора о нераспространении, в котором индийская сторона в настоящий момент не участвует. И в то время позиция Индии была более чем конкретной и радикальной: она настаивала на том, чтобы в пункты двух фундаментальных договоров – Договора о нераспространении и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний были внесены конкретные сроки прекращения испытаний и, самое главное, сроки полной ликвидации ядерного потенциала государств – обладателей атомного оружия.

Позиция Индии в этом вопросе долго оставалась неизменной. Достаточно вспомнить Делийскую декларацию 1986 года о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, написанную в лучших традициях «политики ненасилия» Махатмы Ганди. Но, к сожалению, позиция Индии в окончательном варианте главных ядерных Договоров не была учтена и Индия сочла невозможным свое юри-

дическое членство в них. По крайней мере, до тех пор, пока ее мнение не будет учтено.

Пакистан в те годы также был привержен концепции исключительно мирного урегулирования вопросов ядерной безопасности. После «Улыбки Будды» (кодовое название первого взрыва индийского ядерного устройства в 1974 году) Пакистан предлагал Индии создать на территории Южной Азии безъядерную зону. В подтверждение искренности своих намерений Пакистан предлагал Дели совместно подписать Договор о нераспространении ядерного оружия на правах безъядерных государств. Но в то время Индия была больше озабочена положением, связанным с режимом нераспространения и своими собственными взглядами на геополитический расклад мировых ядерных сил, и, к сожалению, не согласилась на предложения Исламабада.

Так что, учитывая пусть даже уже прошлые, но решительные и целеустремленные усилия Дели и Пакистана в процессе всеобщего ядерного разоружения, вряд ли будет справедливо подвергать их безоговорочному осуждению.

Более того, я все больше и больше убеждаюсь, что в создавшейся ситуации главным образом оказалась повинна огромная диспропорция, сложившаяся между реальной современной геополитической ситуацией и действующей системой глобальной и региональной безопасности.

Мы, страны мира, оказались недалековидны, когда решили, что с окончанием ядерного блокового противостояния человечество оказалось в безопасности. Наши коллективные устремления и действия были неэффективными, неразворотливыми и не позволили оперативно отреагировать на изменившуюся систему международных взаимоотношений на глобальном и региональном уровнях.

Осуждение Индии и Пакистана, введение против них экономических санкций – все это уже запоздалая и, надо сказать, практически ничего не решающая реакция на коренным образом изменившуюся ситуацию. Сегодня нам нужно новое видение, нужны новые коллективные усилия, которые будут направлены уже не на наложение косметических швов на вскрывшиеся ядерные «язвы», а станут лекарством, которое позволит излечить больной организм – крайне несовершенную и консервативную систему глобальной и региональной безопасности.

Ядерный статус Индии и Пакистана может и должен проявить свою парадоксальную положительную сторону – послужить существенным толчком к дальнейшим мерам по всеобщему и конкретному разоружению. И самое главное, придать новый импульс миротворческим усилиям и дальнейшей договорной интеграции ядерных и неядерных государств, что, несомненно, будет способствовать обеспечению глобальной и региональной безопасности.

* * *

Проблема «легализации» ядерного оружия Дели и Исламабадом – это не только проблема Индостанского полуострова или региона Южной Азии. Противостояние между Индией и Пакистаном, переходя в новое, ядерное качество, начинает уже представлять опасность не только для самих этих стран, но и для всего региона, и даже больше – для человечества в целом.

Во-первых, не может не беспокоить, что по мере повышения боевых характеристик ракетно-авиационных средств доставки ядерного оружия этих стран происходит реальное расширение потенциальной зоны поражения тех или иных территорий. «Регионализация» атомного оружия не выходит за свои гео-

графические рамки только на первом этапе. Однако затем, в результате развития ракетно-авиационных средств доставки ядерных зарядов, неизбежно происходит расширение зоны влияния «регионального» ядерного оружия.

Сегодня уже всем, наверное, стало ясно, что совершенствование ядерного оружия и средств доставки на региональном уровне неизбежно приводит к тому, что «региональное» ядерное противостояние постепенно трансформируется в глобальное.

Данное обстоятельство фатально нарушает уже сложившуюся систему безопасности и вынуждает многие страны так или иначе участвовать даже в географически удаленной от них «гонке вооружений».

Во-вторых, учитывая сохраняющиеся противоречия и давнюю историю противостояния между Индией и Пакистаном, сопровождавшуюся многочисленными военными конфликтами, существует большая опасность развязывания нового конфликта, который в современных условиях может перерасти в ядерный.

Значительной проблемой, которая многократно и всесторонне освещена в мировой печати, остаются территориальные споры между Индией и Пакистаном вокруг многострадального штата Джамму и Кашмир. Именно кашмирский вопрос составляет большую часть потока взаимных обвинений и претензий этих стран. Каждая сторона приводит свои аргументы в пользу той или иной «исконной принадлежности» этого штата. Исламабад ссылается на подавляющую часть мусульманского населения Кашмира.

Дели выражает крайнее недовольство вмешательством Пакистана в Кашмирские дела. Несмотря на многочисленные переговоры и консультации, начиная с Соглашения 1972 года в Симле, «статус-кво»

взаимного недоверия сохраняется и пока, к сожалению, не видно конструктивных шагов на пути разрешения этого давнего спора.

Естественно, государства региона не могут не беспокоиться по поводу развязывания этими странами гонки ядерных вооружений. Если между ними произойдет ядерный конфликт, он неизбежно повлечет за собой значительные человеческие жертвы (учитывая значительную плотность населения этих стран), а также приведет к катастрофическим экологическим последствиям для всего региона.

У человечества пока не было опыта масштабного применения современного ядерного оружия. Однако, если учесть даже печальный опыт, который связан с бомбардировкой японских городов Хиросима и Нагасаки «слабенькими», по современным меркам, ядерными зарядами, а также зная последствия ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне, можно уверенно сказать, что использование в таком конфликте даже тактического ядерного оружия будет катастрофой.

В-третьих, и это, пожалуй, главное, действия Индии и Пакистана создали реальную опасность торпедирования существующего международного режима нераспространения ядерного оружия.

С одной стороны, очевидно, что ядерные амбиции Индии и Пакистана идут вразрез с общими тенденциями ядерного разоружения, которые, наконец, начинают проявлять или уже проявляют цивилизованные высокотехнологические страны, и входят в прямое противоречие с международным правом, каковым, собственно, является Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный почти всеми странами мира.

Однако, с другой стороны, чисто формальные процедуры ДНЯО и ДВЗЯИ не нарушались, так как

и Индия, и Пакистан не являются их членами. В этом плане оба этих государства становятся как бы неформальными лидерами Движения неприсоединения, подавая многим странам своеобразный «дурной пример».

В частности, очевидно, что проведенные Индией и Пакистаном ядерные испытания заложили бомбу замедленного действия под всю систему обеспечения глобальной ядерной безопасности, так как теперь всем очевидно, что ДНЯО и ДВЗЯИ оказались неспособными предотвратить распространение ядерного оружия.

Таким образом, сегодня становится ясно – если не остановить процесс распространения ядерного оружия сейчас, завтра он может принять абсолютно неконтролируемый характер.

Не хочется быть в этом вопросе Кассандрой, но если в ближайшее время международная ситуация, связанная с межгосударственными политическими конфронтациями, не изменится, вероятность локального ядерного конфликта в той или иной географической точке земного шара может только возрасть.

Поэтому именно сейчас возникает необходимость совместного поиска путей решения проблем, связанных с существенно пошатнувшейся системой глобальной и региональной безопасности. Старые формы обеспечения безопасности во многом устарели. Как в своем концептуальном качестве, так и в механизмах своего воплощения.

«Баланс сил», силовая компонента, устрашающее сдерживание, «гарантированное уничтожение», многократное поражение, «дипломатия канонеров» – все эти аргументы должны остаться в прошлом веке.

Мы должны принять и прочувствовать их архаичность и превратить их в раритеты. Новый век и новое тысячелетие рождает новый язык дипломатии.

Должны быть созданы новые инструменты, которые не эфемерно, а действительно позволят создать стройную и устойчивую систему глобальной и региональной безопасности.

Они могут быть разные и нестандартные, эффективные и не очень. Но все они должны быть созданы и реализованы на одном условии – отсутствии «силовой» компоненты. Не с позиции силы загонять проблему в тупик и только обострять ее, а с позиции доброй воли и здравомыслия действительно способствовать ее разумному разрешению.

XXI век должен стать не торжеством теорий «столкновения цивилизаций» или монотонного «конца истории». Наступившая эра должна стать торжеством теории бесконфликтности, основанной на принципах разумной необходимости и достаточности.

Поэтому я воспринимаю границу между тысячелетиями не как некий оцифрованный символ, а как новый Рубикон: или дальше мы пойдем путем дальнейшей эскалации противостояния на уровне десятков и сотен региональных «ядерных паритетов» и неизбежно придем к логическому завершению сценария «гарантированного взаимного уничтожения», или, отбросив дипломатию силы, бескомпромиссно и безоговорочно осознаем необходимость локального и, следовательно, глобального разоружения.

Мы неизбежно должны прийти к мобилизации коллективных усилий в поисках новой конструкции системы глобальной и региональной безопасности. Которая, прежде всего, была бы основана на трех принципах: на всеобщей универсальности, безоговорочном и безусловном разоружении и взаимных мерах доверия.

Новый Рубикон: горячие точки планеты

События, предоставленные сами себе, объективно следуют по наихудшему сценарию. Если плотина дала в одном месте течь, то, в конце концов, она разваливается вся целиком. Такова сегодня и общая ситуация, связанная с проблемой глобальной и региональной ядерной безопасности.

Если вовремя и своевременно не предпринять определенных усилий, связанных с усовершенствованием современных механизмов безопасности и пустить это дело «на самотек», современная система глобальной безопасности может дать серьезные трещины. Если не проводить профилактические работы или не менять конструкцию, не предпринимать постоянных миротворческих усилий или не искать новые формы и пути, то существующая в настоящее время система глобальной безопасности может окончательно рухнуть под давлением внешних обстоятельств, которые обусловлены, в первую очередь, угрозой перехода региональных конфликтов на качественно новый, ядерный, уровень.

Прецедент создания и открытого испытания ядерного оружия в Южной Азии может, в конечном счете, повлечь за собой неконтролируемый процесс "легализации" его производства или научной разработки в других "пороговых" государствах. Причем независимо от членства в Договоре о нераспространении.

Так, к 1995 году в мире насчитывалось 39 стран, которые уже были способны произвести атомную бомбу или, в «худшем» случае, ядерное устройство. Уже начинают возникать или активизироваться все новые конфликтные точки или центры, стремящиеся возвести ядерное оружие в ранг государственной

политики. Многополярный мир приобретает все более четкие очертания, роль тех или иных государств на региональном уровне все более вырисовывается. Обозначаются новые «смежные» конфликтные связи, выстраивается и апробируется новая система взаимоотношений, основанных на дипломатии региональной «ядерной дубинки».

Все это говорит о том, что над миром нависла реальная опасность неконтролируемого мировым сообществом распространения ядерного оружия.

Эта опасность многократно усиливается взаимно дополняющими друг друга факторами.

Прежде всего, необходимо учитывать, что кроме Индии и Пакистана, которые уже открыто заявили о своих ядерных амбициях, в мире существует достаточно значительное количество так называемых «пороговых» государств, которые имеют возможности для производства ядерного оружия и, по поступающей время от времени в прессу информации, в режиме жесточайшей секретности могут заниматься его разработкой.

В качестве «пороговых» государств наиболее часто в последнее десятилетие в СМИ фигурируют Ирак, Северная Корея, Иран, Израиль, ЮАР. В то же время в мире насчитывается, по крайней мере, около 20 стран, которые обладают баллистическими ракетами, способными нести атомное оружие и другие виды оружия массового поражения. Причем многие из них имеют ракетные средства доставки с достаточно большим радиусом действия – свыше 1000 километров.

В разное время достаточно активно обсуждалась возможность создания ядерного оружия в Израиле. По мнению ряда экспертов исламских стран, Тель-Авив в настоящее время может располагать определенным ядерным арсеналом или, по крайней мере,

необходимыми компонентами для производства атомных бомб.

Также достаточно активно в последнее время обсуждалась возможность создания ядерного оружия в Северной Корее. По оценкам некоторых специалистов, Пхеньян обладает запасом высокообогащенного плутония для производства, по крайней мере, 6 ядерных боезарядов средней мощности. Источником этого оружейного плутония, по-видимому, мог послужить 25-мегаваттный тепловой реактор в Ионбьяне, к северу от Пхеньяна, который может вырабатывать почти 10 килограммов высокообогащенного плутония за одну загрузку. Кроме того, Северная Корея имеет залежи природной урановой руды в Сунчхоне, Пакчхоне и Синпхо и заводы по его рафинированию.

Программа разработки и производства ракетных комплексов была начата Северной Кореей, по-видимому, в 80-х годах. Однако более-менее заметных результатов в рамках данной программы Северной Корее удалось добиться только к концу девяностых. 29 мая 1998 года были проведены испытания «Нодон-1» – баллистической ракеты класса «земля–земля» среднего радиуса действия до 1000 км. Эта была первая северокорейская ракета, способная нести атомную бомбу.

Известно также, что в Северной Корее в рамках программы «Тепходон» шла разработка ракетных комплексов, способных переносить ядерный заряд на расстояние до 6 тысяч километров.

Потенциальной возможностью создания ядерной бомбы обладает, по оценкам некоторых специалистов, Исламская Республика Иран. Причем, по некоторым из таких оценок, уже к 2010 году Иран сможет создать межконтинентальную ракету, способную нести ядерное оружие. По крайней мере, Иран подтвердил эти

предположения, проведя 24 июля 1998 года испытания ракеты «Шахаб-3» с радиусом поражения до 1200 километров.

Еще одним «пороговым» государством – потенциальным обладателем ядерного оружия считается Ирак. В частности, в прессе высказывались опасения, что к 2004 году Багдад сможет получить все необходимые компоненты для производства атомной бомбы. По крайней мере, технические возможности у Ирака для этого имелись. В разное время Ирак приобрел установку «Изис» по экстрагированию плутония, исследовательский атомный реактор «Осирак» в пустыне Тувайтха, работающий на уране с обогащением 93 процента, и несколько тонн природного урана в Португалии, Бразилии и Нигерии.

Южно-Африканская Республика, которая в 1988 году официально признала наличие у нее собственной военной ядерной программы, на сегодняшний день, по мнению экспертов, располагает всей необходимой инфраструктурой для создания ядерного оружия. Государство обладает для этого всей необходимой научно-технической и промышленной базой, включая технологию производства обогащенного урана.

Так, в начале 70-х годов значительный прорыв в исследовании ядерных технологий позволил создать в г.Валиндаба установку, которая могла вырабатывать высокообогащенный уран. И к началу 80-х годов Южная Африка пришла к созданию первого на африканском континенте атомного взрывного устройства. В пустыне Калахари был даже построен испытательный ядерный полигон для проведения подземных взрывов.

В результате, к моменту вступления в ДНЯО в ЮАР скопилось значительное количество запасов высокообогащенного оружейного урана, пригодного

го для производства десятков ядерных боезарядов. Кроме того, промышленный ракетный потенциал южноафриканцев позволял им при необходимости развернуть производство баллистических ракет среднего радиуса действия.

Имеются сведения о соответствующих ядерных наработках других стран. Это касается таких стран, как Алжир, Сирия, Бразилия, Аргентина и многих других.

В целом, наличие «пороговых» государств, которые могут разрабатывать атомное оружие, если даже в настоящее время они приостановили свои военные ядерные программы, указывает на опасную тенденцию – угроза распространения ядерного оружия по регионам планеты имеет вполне реальные очертания. При этом существуют целый ряд обстоятельств, каждый из которых если не способствует, то, по крайней мере, значительно облегчает путь к обладанию ядерным оружием.

* * *

Несмотря на подавляющую боевую мощь ядерного оружия, процесс усовершенствования обычных видов вооружений также не стоит на месте. Если на первое место у ядерного оружия выступает фактор гарантированного поражения, то обычное оружие идет по пути модификации таких его боевых характеристик, как точность (прецизионность), кучность и универсальность. Операция «Буря в пустыне» показала, что боевые соединения, используя современные оружие и военную технику, могут успешно и практически без потерь осуществлять масштабные операции, связанные с подавлением военной мощи противника, уничтожением его стратегической инфраструктуры и его моральным подавлением до уровня, при котором противник теряет психологию

ческую способность к дальнейшему сопротивлению.

Я, например, хорошо помню, как в СМИ освещалась операция «Буря в пустыне». Наблюдая репортажи из региона Персидского залива, иной раз создавалось впечатление, что как таковых боевых действий не происходит, а мы видим только какой-то подробный репортаж об очередных маневрах США и НАТО: десантники и танковые подразделения отрабатывают программу высадки и ведения боевых действий в условиях пустыни, истребители и бомбардировщики проводят учебно-тренировочные полеты над территорией условного противника и т.д.

Несравненное превосходство боевой техники США и НАТО фактически проявилось в том, что куда более несовершенное оружие Ирака так и не смогло проявить себя в полную силу. Это была не «перестрелка», а планомерное и систематическое уничтожение вражеских объектов с заранее заданной точностью и гарантированностью.

Но на создание такого высокоточного обычного оружия затрачены огромные средства, фактически сотни миллиардов долларов. Само собой разумеется, что не все страны могут позволить себе дорогостоящие разработки современных видов вооружений.

Тем более, что эффективное использование высокоточного «прецизионного» оружия с использованием новых, в том числе лазерных технологий, невозможно без согласованного участия всех родов войск и подразделений. Вплоть до космических.

В результате в мире сложилась парадоксальная ситуация. Стоимость суперсовременных видов обычного оружия превзошла порог затрат, необходимых на создание ядерного оружия. Может сложиться такая ситуация, когда меньшая стоимость ядерного оружия будет вынуждать остальные невысокотех-

---

нологические страны строить свои военные программы не на совершенствовании обычных видов вооружения и военной техники, а на приобретении или создании ядерного оружия.

Явное осознание того, что в обычных видах вооружений развивающиеся и неприсоединившиеся страны не смогут угнаться за передовыми, может заставить их встать на ядерный путь.

В этом плане необходимо отметить, что в настоящее время приобретение ядерного оружия уже не представляет непреодолимых технологических трудностей, как это было каких-то 20–30 лет назад. Уровень развития технологий сегодня позволяет практически любому государству, обладающему сколько-нибудь существенным научным потенциалом, сконструировать и построить простейший ядерный заряд.

Кроме того, в современном мире существует такое явление, как «утечка мозгов», которое вызвано значительными экономическими трудностями в ряде стран, обладающих военными ядерными технологиями или ранее задействованных в их разработке.

В данной ситуации критическим элементом военных ядерных программ является всего лишь получение необходимого количества расщепляющихся материалов – высокообогащенного урана или плутония.

Однако даже это препятствие в современных условиях не может восприниматься как непреодолимое. Например, еще в 1995 году Генеральный секретарь ООН Б. Б. Гали в своем выступлении на Конференции государств-участников ДНЯО был вынужден признать, что «контрабанда ядерных материалов является уже не только опасностью, но и пугающей реальностью». Ведь только в 1996 году на официальном уровне в рамках гарантий МАГАТЭ было

зафиксировано около 53,7 тонны извлеченного плутония, из которых можно сделать почти 2 тысячи ядерных зарядов; 528,2 плутония в облученном топливе, 4,5 тонны переработанного плутония в топливных сборках; 20,8 тонны высокообогащенного урана, из которых можно изготовить почти 300 атомных бомб; 48 620 тонн малообогащенного урана; 105 431 тонн природного урана и тория. Есть ли другие твердые гарантии, что хотя бы самая малая часть из этих расщепляющихся материалов не может попасть в руки заинтересованных сторон?

В этих условиях возникает опасность приобретения заинтересованными странами необходимых компонентов для ядерного оружия.

В мире существует большое количество атомных реакторов, использующих обогащенный уран, которые невольно могут стать источником утечки компонентов для создания атомной бомбы. Этому может способствовать и существующая в настоящее время не слишком совершенная система контроля за экспортом ядерных материалов. Использование дипломатических механизмов и прочих инструментов воздействия, призванных ограничить распространение ядерного оружия, включая экономические санкции, также показало себя неэффективным, а иногда даже наоборот, могло поощрять «пороговые» государства.

Например, в целях предотвращения распространения ядерного оружия в свое время была выработана такая мера, как «ядерная сделка». Заключалась она в том, что великие ядерные державы обязуются предоставить значительную экономическую или финансовую компенсацию тем странам, которые встали на путь создания ядерного оружия и активно ведут разработки в этой области, готовясь к его демонстрационным или «секретным» испытаниям. Таким

образом, возникла процедура поощрения достижения ядерного статуса путем компенсации за работы в этом направлении.

Еще одним глобальным фактором, способствующим распространению ядерного оружия, является также почти повсеместно проявляющаяся нестабильность международных отношений.

С прекращением блокового противостояния мир, к сожалению, не стал полностью стабильным. Сегодня в ряде регионов планеты сохраняются достаточно острые политические, экономические, этнические, религиозные противоречия, являющиеся питательной средой для возникновения локальных вооруженных столкновений. Значительное количество таких конфликтных зон создает ареал для возможного использования тактического ядерного оружия.

И, в дополнение ко всему этому, в последние десятилетия значительно радикализовалась деятельность разного рода экстремистских террористических организаций, лидеры которых открыто заявляют о том, что они хотели бы получить в свое распоряжение ядерное оружие. Например, международный террорист Усама бен Ладен однажды уже распространил через СМИ заявление о том, что он готов затратить полтора миллиона долларов на приобретение необходимых компонентов для производства ядерной бомбы.

Возникла реальная опасность персонификации военного атома, которая усиливается тем обстоятельством, что мировая общественность не имеет реальных механизмов контроля за производством ядерного оружия и деятельностью ядерных объектов, могущих вырабатывать необходимые компоненты для его производства.

В то же время в последнее время вполне серьезно обсуждаются практически неограниченные фи-

нансовые возможности многих террористических групп и наркокартелей, которые могут выделить значительные суммы на приобретение необходимого количества расщепляющихся материалов, достаточного для производства атомной бомбы или ядерного устройства, например, фугаса.

Здесь я должен заметить, что для производства атомной бомбы не так уж и много нужно ядерного топлива. Например, для изготовления полноценного ядерного заряда достаточно 3–5 килограммов плутония или 15–20 килограммов высокообогащенного урана.

Одновременная относительная «легкость» персонификации атомного оружия и глобальная тенденция развития международного терроризма, на мой взгляд, представляет едва ли не самую главную угрозу для глобальной и региональной ядерной безопасности.

Выражаясь языком А. Тойнби, международный терроризм на высокотехнологичном (атомном) уровне является главным вызовом человечеству. Особенно в связи с резким увеличением масштабов «обычного» терроризма. Ведь за последние 10 лет по всему миру различными террористическими организациями было совершено около 935 терактов, в которых погибло более 260 тысяч человек.

Поэтому есть основания полагать, что вся первая половина XXI века будет проходить под знаком терроризма, владеющего обычным вооружением и стремящегося в полной мере овладеть оружием массового поражения. Тем более что отдельные рецидивы нового «высокотехнологичного» терроризма в мире уже наблюдались: вспомните бесчеловечную «химическую» атаку Аум Синрикэ в токийском метро.

К сожалению, переходу терроризма на более вы-

сокий «технологический» уровень в современном мире способствует очень большое количество факторов.

Например, резкое увеличение конфликтов интересов на региональном уровне; высокая «прибыльность» (если не сказать, рентабельность) терроризма; его широкое использование в качестве инструмента геополитических интриг; переход на более высокий, государственный, уровень как способ эффективной и радикальной политической борьбы; усиление террористических настроений из-за отчуждения привнесенных идеологических и культурных ценностей в результате глобализации.

Я уже не говорю о, скажем так, экзотических видах терроризма, которые приносят не меньший, а иногда и больший вред, чем стандартный терроризм. Например, информационный или виртуальный терроризм.

Здесь опасность видится в его абсолютной неконтролируемости. Скажем, к примеру, распространение в виртуальном пространстве рецептов «домашнего» или «лабораторного» изготовления химического, биологического и даже ядерного оружия. И прочих алгоритмов, принципиальных схем, технических решений, прямых инструкций по изготовлению как обычного, так и «необычного» оружия. Разве такая форма распространения информации не является одним из самых опасных «подвидов» терроризма или, по крайней мере, опасных форм деятельности, активно способствующей его распространению?

И сейчас мы все больше видим и знаем о тревожных событиях, связанных с эскалацией деятельности разных экстремистских и террористических группировок. Так, в частности, постоянно чувствуется напряжение в южных районах СНГ. Поэтому совершенно очевидно, что террористы в разных частях плане-

ты будут таким образом стремиться к обладанию все большим и большим количеством оружия. Пока это возрастающее стремление не перейдет в новое качество...

* * *

В общем, можно констатировать, что испытания ядерного оружия значительно снизили общий потенциал безопасности в Азии и, в частности, в Центральноазиатском регионе. И как мне представляется, ослабление режима безопасности связано в немалой степени со свершившимся фактом легализации третьего ядерного мира и возникновения, таким образом, мультиполярного полиядерного мира. Безопасность, особенно на региональном уровне, оказалась под угрозой, в немалой степени, из-за возникновения дополнительных функций или предназначений самого ядерного оружия в современной многополярной действительности.

В мультиполярную эпоху возникает опасная тенденция того, что ядерное оружие все больше перестает быть глобальным средством сдерживания и все больше приобретает зримые формы стандартного инструмента дипломатии на региональном уровне. Приобретает не только функцию сдерживания, но и усиливает аргументы убеждения и прямого или косвенного политического шантажа. Одна доминирующая функция атомного оружия распадается на множество отдельных составляющих, и оно постепенно может превратиться в полифункциональное оружие тактического назначения для реального разрешения конфликтов на региональном уровне.

Опасность универсализма ядерного оружия в том, что оно может быть потенциально, хотя и в ограниченных формах, рассматриваться как средство разрешения самых разных проблем: спорность де-

маркационных линий и территориальной принадлежности, усиление роли государства на международной арене, внутривнутриполитические конфликты, этнические проблемы, превентивные меры против реальной угрозы терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Поэтому можно констатировать, что ядерное оружие, не перестав быть инструментом глобальной политики, приобрело новое качество – оно стало инструментом локальной политики на региональном уровне.

Действительно, ни США, ни СССР не имели каких-либо глубоких и фатальных мотиваций к обладанию оружием массового поражения. Суммарная мощь их обычных вооружений и достаточно развитая военная инфраструктура была вполне достаточна для того, чтобы решать потенциальные проблемы и разрешать конфликты, как на региональном, так и на глобальном уровнях. На первом этапе концепция тотального уничтожения «условного идеологического противника» была настолько в зачаточном состоянии, что не могла рассматриваться всерьез.

В основном, стратегические планы, в том числе и военного характера, строились не на ликвидации и полном поражении враждебного государства, а проходили в другом русле, ориентируясь на способы переориентации системы социальных отношений под свои мерки.

Для Советского Союза эта идея-фикс выражалась в формуле «мировая революция», которая выражалась не в насильственном подавлении и уничтожении, а на установлении коммунистического режима на территории условного противника. Соединенные Штаты ориентировались на всеобщую и безусловную победу «американского образа жизни» и демократических ценностей также без каких-

либо серьезных планов полного уничтожения «условного противника».

И ядерное оружие в эпоху глобального противостояния возникло, в первую очередь, как средство борьбы с теми явлениями, которые представляли угрозу для всего человечества. В первую очередь, речь шла об угрозе фашизма и тотального милитаризма. Эта угроза была реальной и касалась всех, независимо от социальной или классовой принадлежности.

Это была главная причина или мотивация глобального характера, которая буквально заставила прийти к необходимости обладания ядерным оружием «во имя человечества».

Именно глобальной опасностью фашизма и установлением его мирового господства Альберт Эйнштейн и другие ученые мотивировали свои доводы, принуждая Франклина Рузвельта принять свое историческое решение о разворачивании программы по созданию ядерного оружия. После окончательной победы над идеями фашизма, милитаризма и национальной исключительности возникла ситуация, когда ядерное оружие, оправдав свое рождение, должно было оправдать свое дальнейшее существование. И как мне представляется, именно в этой исторической точке возникла неверная и роковая посылка о необходимости предоставить право оружию массового поражения на «жизнь», на дальнейшее существование.

Недаром ведь те же ученые, которые только недавно настаивали на создании грозного оружия, теперь уже решительно высказывались в пользу его безоговорочного уничтожения ввиду ликвидации причин, которые обусловили его появление. Но ядерное оружие слишком цепко ухватилось за жизнь, и загнать пресловутого джина в бутылку уже было прак-

тически невозможно. Оно приобрело совершенно самостоятельные формы, и к тому же были найдены оправдательные формулировки для ядерной индугенции. В основном, глобального характера.

В идеологическом плане все более четкие формы стала приобретать мысль о глобальных и даже общечеловеческих опасностях, которые обнаруживают те или иные способы существования общества. Западная политическая мысль пришла к идее о мировой опасности коммунизма. Советские идеологи ответили впечатляющими теориями об общечеловеческой опасности, которая виделась в так называемой империалистической угрозе. Таким образом, переориентация «образа врага» как угрозы для всего человечества стала той самой оправдательной индугенцией, которая не только спасла жизнь ядерному оружию, оправдав его дальнейшее существование, но и позволила ему фактически беспрепятственно эволюционизировать как в качественном, так и в количественном отношении.

И здесь, как мы видим, возникает интересная ситуация. В современном мире государствам, стремящимся к региональной державности, трудно оправдать свои реальные и потенциальные ядерные амбиции глобальными и общечеловеческими факторами. Трудно себе даже представить, чтобы, скажем, лидеры Ирака или Северной Кореи обвинили Кувейт или Сеул соответственно в том, что их образ жизни и особенности экономического развития представляют угрозу для всего человечества. И на этом основании получить чей-либо вотум «ядерного» доверия или на свой страх и риск развернуть строительство национальной ядерной программы.

Поэтому с неизбежностью «ядерные» мотивации «пороговых» или «предпороговых» стран приобретают новые формы и представляют из себя практичес-

ки целый спектр причин внутреннего и регионального характера.

И тут я должен сделать оговорку. Я недаром употребляю выражение ядерная «мотивация». Я склонен рассматривать его не как неизбежную необходимость, а только как «правдоподобное оправдание» стремления к обладанию чудовищным оружием.

Ведь каждый здравомыслящий человек, так или иначе, понимает, что реальные проблемы требуют реальных подходов. Подходов, основанных на здравомыслии и ответственности.

Разумное разрешение конфликтов в несиловой манере в том и состоит, что оно позволяет сторонам достичь взаимных интересов на основе какого-либо компромисса или оптимального решения. Ядерное же оружие не может, по определению, быть средством разрешения конфликтов, так как в силу своего тотального проявления оно уничтожает саму постановку проблемы, сам источник возникновения этих интересов. Не обладая даже какой-либо видимостью конструктивизма, ядерное оружие, оставляя без каких-либо интересов обе стороны, одновременно порождает целую лавину проблем, проявление которых заставит забыть вообще о причинах возникновения того или иного конфликта или столкновения интересов.

Опасность ядерного статуса мультиполярного мира как раз и состоит в реальности подмены понятий. Ядерное оружие в лучшем случае может служить только и только как средство сдерживания от глобальной или общечеловеческой угрозы. И не только угроз, связанных с деструктивным проявлением какой-либо человеконенавистнической идеологии или крайне агрессивного режима. Это касается и угроз человечеству, не связанных с самим человеком. Например, внешняя космическая угроза или

стихийное природное явление, которые можно обуздать применением атомного оружия. Повторяю, только и только для этих целей.

Но придание ядерному оружию дополнительных функций и свойств не только нелепо, но и алогично. Сама по себе такая попытка уже представляет непосредственную угрозу для всего человечества. Даже потенциальная возможность использования ядерного оружия для разрешения неглобальных или немировых проблем, скажем, этнических, пограничных или внутриполитических, настолько же опасна, насколько в своем доме опасно использовать пушку для уничтожения мух.

И самое главное, нуклеаризация на региональном уровне резко увеличивает вероятность его использования, может быть, даже с фатальной неизбежностью. Это связано с коренным отличием особенностей ядерного оружия в биполярную эпоху и в эпоху региональных ядерных держав.

В этой ситуации современная международная система ядерной безопасности, создаваемая в период блокового противостояния и ориентированная на обеспечение паритета между крупными ядерными державами, оказалась не способна ограничить процесс распространения ядерного оружия. В связи с этим, назрела острая необходимость ее модернизации с учетом новых геополитических реалий.

НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ И НЕРАЗМЕЩЕНИЕ: ПРИНЦИПЫ ЭПОХИ

ДНЯО: требование времени и государств

Нераспространение путем неразмещения...

Человечество, потрясенное ужасом Хиросимы и Нагасаки, неоднократно пыталось обуздать ядерного монстра. Не случайно еще на заре рождения ядер-

ного мира многие, в том числе и творцы атомной бомбы, предвидели опасность его расползания по странам и континентам. Но должен заметить, что исключительная живучесть ядерной бомбы принимала иной раз просто мистические формы. Несмотря на совместные шаги, направленные на принятие ряда международных актов и договоров, ограничивающих существование и распространение атомного оружия, иногда создавалось впечатление, что «ядерный джинн» уже давно живет своей собственной, самостоятельной жизнью и не слушается даже своих создателей и владельцев.

Но все же коллективные усилия мирового сообщества на пути обуздания процесса расползания ядерного оружия зачастую вознаграждались значительными успехами. К сожалению, человечеству не удалось уничтожить его полностью, но, по крайней мере, мы сумели существенно ограничить его расползание по миру.

И весьма примечательно, что последовательные вехи на пути ограничения распространения атомного оружия постепенно и неуклонно выстраивали и шлифовали идею о создании оптимального и конструктивного механизма, который бы отвечал интересам глобальной ядерной безопасности, обеспечивая и поддерживая режим нераспространения ядерного оружия.

В этом процессе главную роль в борьбе с «ядерной диффузией» играло то подавляющее большинство стран, которое не было втянуто в безумную гонку вооружений и не проявляло «лихорадочную» заинтересованность в приобретении атомного оружия. Постепенно, благодаря коллективным усилиям миролюбивого сообщества государств, «ядерный джинн» шаг за шагом был вынужден сдавать свои позиции и значительно ограничивать географичес-

кую сферу своих настоящих и возможных притязаний на то или иное место обитания.

Первым документом, удостоверяющим эти благородные коллективные устремления наций, стало Соглашение 1959 года, которое провозглашало международную Антарктику официальной континентальной зоной, свободной от ядерного оружия.

Соглашение предусматривало, что ни одна из ядерных держав никогда и ни при каких обстоятельствах не имеет права размещать ядерное оружие в любой точке южного континента Антарктиды.

Соглашение впервые продемонстрировало тот знаменательный факт, что ядерные державы вполне способны к диалогу, не основанному на языке силы и, главное, могут способствовать и содействовать интересам безъядерного человечества. Сам факт Соглашения дал определенную надежду странам, увидевшим в этом реальную возможность не только ограничить «всепроницаемость» ядерной опасности, но и, в конце концов, уничтожить сам первоисточник зла – атомное и термоядерное оружие.

Карибский кризис 1962 года привел некоторые латиноамериканские страны к идее создания безъядерной зоны в Южной Америке, включая Карибский бассейн. В 1962 году инициатором соглашения выступила Бразилия, всерьез опасаясь подобных прецедентов в будущем. Но прошло пять лет, прежде чем, после многократных переговоров и взаимных консультаций, Договор о создании безъядерной зоны в Южной Америке был, наконец, подписан в мексиканском городе Тлателолко.

Заклученный также в 1967 году Международный договор запретил размещение ядерного оружия в околоземном пространстве, на естественном спутнике Земли и других космических объектах Солнечной системы.

Международный договор 1971 года избавил от ядерного оружия морское и океанское дно.

По Договору Раротонга 1985 года южная часть Тихого океана также превратилась в безъядерную зону.

Зона, свободная от ядерного оружия, включала в себя Австралию, Новую Зеландию, Папуа–Новую Гвинею, Соломоновы острова, Науру, Вануату, Новую Каледонию и другие острова Океании.

В 1995 году в Таиланде был подписан Бангкокский договор о создании безъядерной зоны, в которую входят страны АСЕАН. Он, как известно, вступил в силу в марте 1997 года. Бангкокский Договор, однако, в отличие от других аналогичных соглашений, не запрещал морское захоронение радиоактивных отходов в акватории стран АСЕАН.

В апреле 1995 года был подписан Каирский Договор о создании безъядерной зоны в Африке. Кроме Марокко, не подписавшего договор из-за политических разногласий с Организацией африканского единства, к Договору присоединились все страны Африканского континента.

28 августа 1997 года в Алматы нашей страной, Узбекистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном была подписана Алматинская Декларация, которая фактически провозглашала Центральную Азию территорией, свободной от ядерного оружия.

Международное сообщество всегда считало идею о создании зон, свободных от ядерных бомб, одним из самых действенных и эффективных средств в борьбе с расползанием чудовищного оружия.

В резолюции № 3472В ООН от 11 декабря 1975 года так определяется такая территория: «Зона, свободной от ядерного оружия, считается любая, признаваемая таковой Генеральной Ассамблеей ООН,

зона, которую любые группы государств при свободном осуществлении ими своего суверенитета создали в силу Договора о конвенции, в которых: определяется статус о полном отсутствии ядерного оружия, действующий в отношении этой зоны, включая процедуру делимитации зоны; учреждена Международная система проверки и контроля обеспечения гарантий соблюдения обязательств, вытекающих из этого статута». Сам характер таких зон указывает, что в основу их концепции был заложен один из основных глобальных принципов: нераспространение путем неразмещения. Конечно, безъядерные зоны это более широкое понятие, нежели только неразмещение. Но, думается, что этот принцип является основным в этой идее. Это выразилось и в характере его действия и применения. Принятие и выполнение многочисленных договоров о создании и действии безъядерных зон продемонстрировали полезные свойства этого «рецепта» от «ядерной инфекции».

Несомненно, что действие коллективных соглашений о создании различных безъядерных зон сыграло неоценимую роль в деле торжества принципов нераспространения и неразмещения ядерного оружия.

Во многом, именно благодаря миротворческим усилиям государств на поприще создания и функционирования безъядерных зон на всем южном полушарии планеты в настоящее время отсутствует ядерное оружие.

Думаю, что сам факт того, что стало возможным превратить большую часть планеты в зону, свободную от ядерного оружия, со всей очевидностью свидетельствует о неограниченных потенциальных возможностях именно коллективных и согласованных усилий на трудном и долгом пути всеобщего разоружения. Это не может не вселять определенную

надежду. Надежду на то, что дальнейшее развитие совместных усилий рано или поздно позволит превратить планету Земля в территорию, полностью свободную от оружия массового поражения.

Но все же последующая динамика развития международных отношений показала, что рецепт «безъядерных географических зон» не может являться оптимальным средством в решении проблемы разоружения ядерного оружия.

Со временем выявились определенные недостатки и ограниченность этого подхода. Как выяснилось, создание безъядерных зон было возможно главным образом в тех регионах планеты, которые не входили в зону стратегических интересов и политического влияния, как ядерных государств, так и государств, потенциально заинтересованных в разворачивании собственных программ по созданию атомного оружия.

Поэтому несколько не ошибусь, если скажу, что к настоящему моменту понятие безъядерной зоны утратило свое глобальное значение как всеобщей панацеи от присутствия ядерного оружия. Стало очевидно, что невозможно расширить «безъядерное пространство» на регионы, в которых сосредоточена большая часть населения планеты и где доминируют державы, или уже ядерные, или же находящиеся на пороге создания ядерного оружия. То, что было возможным и применимым для Южного полушария, оказалось невозможным и неприменимым для Северного. Схема нераспространения строилась по принципу, выражаясь языком военных, «стрельбы по площадям». Но эта схема перестала работать, когда ее пытались использовать в тех регионах, в которых происходило столкновение интересов государств, имевших подчас совершенно различные подходы по вопросам разоружения и нераспростране-

ния ядерного оружия. Особенно это касалось тех конфликтных регионов планеты, где происходили бурные столкновения жизненных, стратегических интересов государств «ядерного клуба».

Образно выражаясь, мы проводили «превентивную» бактериологическую обработку той или иной местности на предмет возможного появления «ядерной» бациллы, в то время как в других отдаленных регионах планеты бушевали целые «ядерные» эпидемии.

Возьмем, к примеру, Антарктиду, которая, безусловно, обладает важнейшей ресурсной и энергетической базой для дальнейшего развития всего человечества. Несомненно, безъядерный статус целого материка является крупным вкладом в процесс всеобщего разоружения и неразмещения. Но в то же время, ввиду удаленного географического расположения и невысокой геополитической значимости, крупные ядерные державы не вводили южный материк в сферу своих геостратегических интересов. Поэтому на пути юридического оформления «территории пингвинов» как зоны, свободной от ядерного оружия, существенных препятствий со стороны крупных держав не предвиделось. Можно сказать, что в связи с этим превентивная денуклеаризация Южного полюса далась относительно легко. То же касается и многих других регионов планеты, объявленных территориями, свободными от ядерного оружия.

В то же время в тех регионах планеты, где ядерное оружие уже находилось или было близко к сроку своего рождения, концепция зон, свободных от ядерного оружия, натолкнулась на существенные препятствия и ограничения своего распространения.

Таким образом, как нам представляется первопричиной относительной неэффективности соглашений, основанных на принципе создания протяженных территорий на безъядерной основе, является то,

что они не обладают фундаментальным свойством универсальности.

То есть не могут быть по объективным причинам распространены на все географические точки планеты и поэтому носят достаточно ограниченный характер. Отсутствие свойства универсальности, как я полагаю, дает основание считать, что, совокупность соглашений о «свободных» зонах, особенно в современном мире, не может стать стержневой основой глобальной ядерной безопасности. Ведь как мы все понимаем, ни одна концепция глобальной или региональной безопасности не может быть эффективной и самодостаточной, если она не обладает полноценным свойством универсальности. Но универсальности не декларируемой и желаемой, а реальной и воплощенной на практике. Поэтому даже плохая, но универсальная система безопасности эффективнее и надежнее, чем самая хорошая, но не обладающая этим качеством.

Но, думается, что все же принцип безъядерных зон, пройдя, так сказать, латентный период, когда-нибудь, может довольно скоро, вновь заявить о себе. По-видимому, это произойдет, когда человечество путем проб и ошибок окончательно выработает единые принципы глобальной и региональной безопасности и установит их на практике.

Тогда мысль о Земле как безъядерной территории не будет казаться столь нереальной или отдаленной перспективой.

Нераспространение путем запрета на испытания...

Как-то мне пришлось прочесть размышления Иосифа Бродского о Великих Учителях Человечества Махатме Ганди и Льве Толстом. Он попытался по-

новому осмыслить их знаменитое «непротивление злу насилием». Идейная основа теории ненасилия опирается на библейскую истину: «Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую». Но, рассуждает И. Бродский, эта фраза вырвана из контекста и поэтому приобретает смысл естественного пацифизма, основанного на неприменении силы никогда и ни при каких обстоятельствах. Даже в целях самообороны. Но на самом деле полная фраза, взятая из Библии, выглядит примерно так: «Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую. Если кто-то заставил тебя пройти один путь, пройди с ним два пути. Если кто-то снимает с тебя рубашку, отдай ему и штаны». Это означает, поясняет И. Бродский, что теория ненасилия строится на неверной предпосылке потому, что смысл полного текста совершенно другой! И чтобы по-новому задать смысл этой выдержке, он приводит случай из жизни одного политзаключенного.

Точное содержание отчетливо не помню, но смысл, по-моему, передан верно: «Некий диссидент (И. Бродский, по-видимому, имел в виду себя) попал на один из островов обширного Архипелага Гулаг, в Дубровлаг.

Все вроде бы ничего, но здесь, как и во всем социалистическом лагере, существовала система старых добрых соцсоревнований. В барак, где находился этот диссидент, как-то пришли надзиратели и приказали всем идти на «соцсоревнование» по рубке дров. «А если не пойду?» – поинтересовался он. «Лишим тебя завтрака, обеда и ужина!». Пришлось идти.

Работали с самого утра. Наступило время завтрака. Все, недолго думая, пошли, бросив топоры и пилы. Но только этот диссидент продолжал работу. В полном одиночестве. Охранники и «зэки» продол-

жили работу и, когда подошло время, пошли на обед. Но политзаключенный, не обращая ни на кого внимания, продолжал неистово работать! Охранники уже начали посматривать на него с опаской: не рехнулся ли? После обеда все повторилось. Во время ужина никто не мог оторвать своих оторопелых взглядов от продолжающего работать диссидента. Охранники, опасаясь чего-то, не смели подойти к работающему и остановить его. Наконец дали отбой, и все пошли по своим баракам. Но еще долго, до глубокого вечера продолжали слышать одиночный звон пилы и стук топора!

Почти в полночь, взмыленный и еле передвигающий ноги политзаключенный доплелся до своих нар и, упав, проспал беспробудно трое суток! К чему это? Так вот, в этом лагере больше никогда не проводили социалистических соревнований»!

Приведя этот пример, И. Бродский высказал мысль: чтобы обезоружить противника, не надо подставлять ему правую щеку, надо ответить ему тем же в двойной степени! Пройди с ним два пути и противник сдастся сам. Неважно, какой это путь, мирный или вооруженный.

Я привел этот случай, чтобы продемонстрировать стержень, на котором держится концепция безумной гонки в области атомных вооружений: если тебя втягивают в ядерное соревнование, то не увиливай, а включись в него. Но пройди не один путь, а два. Ответь еще большим вооружением! Только таким путем ты сможешь заставить противника навсегда отказаться от своих первоначальных намерений. Не подставлять себя под удар, а ответить двойным ударом! Противник, изначально рассчитывающий пройти один путь, будет вынужден пройти два пути. И где-то на полпути выдохнется. И все это можно достигнуть только ценой невероятных, порой нече-

ловеческих усилий, ценой страданий и невероятно-го напряжения сил!

В этом и состояла апология ядерной гонки вооружений между двумя гигантами-антиподами прошлого века: заставляя друг друга пройти путь и, вынуждая друг друга, пройти еще больше, они ждали, кто выдохнется первым...

На этом пути по количеству произведенных взрывов мы, наверно, перенесли сотни ядерных войн, глобальных и региональных, ограниченных и тотальных.

Ведь с момента первого испытания американской бомбы в Долине Мертвых и до настоящего времени планета Земля терпеливо перенесла 2053 ядерных взрыва!

Здесь рекорд принадлежит американцам. На полигоне Невада, на атолле Бикини, на Аляске (3 взрыва), в Нью-Мексико (3 взрыва), на Миссисипи (2 взрыва) и в Колорадо (2 взрыва) за это время было взорвано 1030 атомных и водородных бомб. В Советском Союзе на Семипалатинском полигоне, на острове Новая Земля, на Украине (2 взрыва), в Узбекистане (2 взрыва) и Туркменистане (1 взрыв) – 716 взрывов. Во Французском Алжире, на атоллах Муруроа, Фангатауфа, острове Рождества (30 взрывов) и других островах Полинезии – 210 взрывов. На полигоне на озере Лобнор – 45 взрывов. И, наконец, Великобритания, по соглашению с Канберрой и Вашингтоном, произвела на территории Австралии 12 взрывов и в Неваде 44 ядерных и термоядерных взрыва.

И, наконец, третий ядерный мир: индийский Покхаран – 6 (с учетом 1974 года) взрывов, пакистанский Чагай-Хиллз – 7 ядерных взрывов.

Несмотря на бдения военных стратегов и тактиков, пытающихся добавить хотя бы еще одно тоталь-

ное уничтожение на алтарь уже гарантированного «многократного» уничтожения, они все же осознали, они уже давно перешли ту черту, за которой нет ни победителей, ни побежденных.

Дальнейшая модернизация ядерного оружия не только неоправдана с военной точки зрения, она просто не поддается логическому объяснению. «Не следует умножать число сущностей без необходимости», как говорил английский философ Уильям Оккам. Уже не было не только разумной необходимости, но и простой целесообразности гипотетически уничтожать друг друга в 1001 раз! Лезвие Оккама уже давно должно было быть приведено в действие.

Невероятно, но «безумцы», чуть не залетев на очередном витке в кювет, решили все же попридержать свои ядерные болиды. Не сразу. Все же инерция ядерной гонки слишком велика. Постепенно и осмоторительно затормозить процесс создания новых видов атомных бомб и, не дойдя до гигатонн, ограничиться мегатоннами.

* * *

Так ядерная карусель гонки вооружений стала постепенно замедляться. В этот процесс, наконец, включились политические селекционеры, и колония экспериментальных ядерных «грибов» стала понемногу уменьшаться. И в основу этого процесса был положен принцип нераспространения путем запрета на испытания.

Политическая воля пришла в движение, началась процедура изгнания «ядерного дьявола».

В 1963 году, спустя год после чуть не случившегося ядерного Армагеддона, в Москве лидеры США, СССР и Великобритании, осознав бесперспективность размахивания ядерной «дубинкой», постави-

ли подписи под Договором о запрещении всех видов ядерных испытаний в трех средах: в воздухе, на земле и в воде. Постепенно к договору присоединилось более чем 120 стран. Диалог, на это раз только между США и СССР, продолжился в 1974 году подписанием Договора об ограничении подземных испытаний. Мощность подземных взрывов ограничивалась до уровня 150 килотонн с соответствующим уменьшением числа испытаний.

Спустя два года был подписан Договор, который я считаю в какой-то степени иезуитским. Ведь он напрямую касался нашей страны как «мирного» ядерного полигона Советского Союза.

Речь в двухстороннем американо-советском соглашении шла о получении возможности использовать атомные заряды для задач гражданского назначения в так называемых мирных целях. Что это за мирные цели? Давайте перечислим: сооружение плотин, создание подземных хранилищ для газоконденсата, раздробление скальных пород или их дальнейшее измельчение. Основной иезуитский смысл договора: они могут проводиться теперь не только на полигоне, а где угодно, хоть на пригородном озере. Хищник вырвался на свободу и натворил больше бед, чем принес «народнохозяйственной» пользы.

А во что бы вылилась попытка приручить атомного зверя, даже трудно себе представить. Но «мирные» взрывы все-таки состоялись. Всего на территории Советского Союза в самых разных местах прогремело около 120 «мирных» взрывов. И могло так случиться, что и знаменитая противоселевая плотина в урочище Медео также могла быть «сотворена» направленным ядерным взрывом!

Но наконец пришло понимание неэффективности этих Договоров. Несмотря на декларацию запрета, подписанные и ратифицированные со-

глашения не предусматривали процедуру контроля за ядерными испытаниями. Отсутствие контроля означало, что если государство сможет «обогнуть» технические препятствия и сделать так, чтобы эти испытания не были достоверно обнаружены, то они могли продолжать ядерные испытания во всех средах.

По крайней мере, до тех пор, пока эти испытания не обнаружат системы слежения и наблюдения. Существовали, конечно, спутниковые системы наблюдения и чувствительные приборы для регистрации характерных подземных колебаний или атмосферных проявлений. Но все же специальной службы контроля за испытаниями в рамках этих Договоров не существовало. Встал вопрос о создании такого Договора, который был бы максимально универсальным в плане учета всех нюансов, связанных с особенностями атомных испытаний.

Для этого в январе 1994 года в рамках Женевской конференции по разоружению был создан комитет по запрещению ядерных испытаний, который взял на себя разработку текста будущего универсального соглашения.

Через два года, 24 сентября 1996 года был открыт для подписания Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). За несколько дней до этого эпохального события Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций окончательно утвердила текст ДВЗЯИ. Основная цель соглашения выражена статьей 1: «Каждое государство-участник обязуется не производить любой испытательный взрыв ядерного оружия и любой другой ядерный взрыв, а также запретить и предотвращать любой такой ядерный взрыв в любом месте, находящемся под его юрисдикцией или контролем...

Каждое государство-участник обязуется далее

воздерживаться от побуждения, поощрения или какого-либо участия в проведении любого испытательного взрыва ядерного оружия и любого другого ядерного взрыва».

Первым государством, подписавшим Договор, стали США. Первыми ядерными державами, ратифицировавшими Договор, стали Франция и Великобритания, которые в 1998 году представили ратификационные грамоты Совету Безопасности ООН.

С момента принятия Договор о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия подписали уже 149 государств. В это число входит и «Большая пятерка»: США, Россия, Китай, Франция и Великобритания. Однако сегодня успешная реализация Договора натолкнулась на проблемы, связанные с его ратификацией всеми государствами, его подписавшими.

Тем не менее Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний является одним из тех немногих документов, которые отражают интересы не той или иной державы, а интересы всего человечества. Режим нераспространения путем запрета на испытания значительно оздоровил международную обстановку и внес огромный вклад в систему обеспечения глобальной и региональной безопасности.

Особенно этот Договор важен для нас, казахстанцев. Ведь на нашей территории находился второй по величине испытательный полигон мира, а непосредственно вблизи наших границ находится один из достаточно крупных ядерных полигонов.

Но все же мне представляется, что запрет на испытания в современном варианте не снимает проблему дальнейшего совершенствования ядерного оружия и загрязнения окружающей среды. В первую очередь, запрет на испытания в том виде, в ко-

тором он осуществляется даже в более совершенном соглашении, каким является ДВЗЯИ, не предусматривает уничтожения самого корня зла – полигонов для испытаний атомного оружия.

Несмотря на всеобщий запрет, полигоны продолжают работать в «холостом» режиме. И есть вероятность, что страна вполне может в самостоятельном порядке выйти из режима неиспытания, исходя из своих определенных интересов или потребностей. Так, например, случилось в 1996 году, когда Франция в одностороннем порядке возобновила испытания, несмотря на то, что остальные ядерные державы прекратили атомное тестирование. Чем и вызвали некоторый общественный переполох во всем мире. На атолле Муруроа прогремели взрывы: французские военные проверяли ядерные боеголовки для новой баллистической ракеты, которую предполагалось размещать на подводной лодке «Триумфан», и собирали данные для реализации программы компьютерных испытаний.

Таким образом, французский пример наглядно показал определенную неэффективность действующих Договоров о запрещении ядерного оружия. Следовало бы больше уделить внимание не только самому запрету ядерных испытаний, но и в меньшей степени закрытию атомных испытательных полигонов.

Такой прецедент был уже, как известно, создан нами, когда Казахстан, закрыв Семипалатинский ядерный полигон, исключил саму возможность испытаний. Официальное закрытие всех полигонов на уровне взаимного соглашения свидетельствовало бы об искренности и реальности намерений ядерных держав прекратить всякие испытания ядерных бомб без каких-либо «пороговых» допущений.

Нераспространение путем необлагания...

Человеческое сообщество продолжает искать новые пути и методы, которые позволили бы существенно ослабить «центробежную» силу ядерного оружия. Нужны новые политические инструменты, которые бы в большей степени учитывали необходимость именно универсального подхода к делу нераспространения и разоружения. Причем не только учитывали, но и основывали универсальность в действии.

Это означает, что должен появиться такой механизм обеспечения режима нераспространения как основного гаранта международной безопасности, который касался бы всех без исключения государств. Нужна не «стрельба по площадям», а индивидуальный подход к каждому государству. Сегодня нереально пытаться сделать безъядерным сразу какой-либо континент или регион, где соседствуют ядерные и неядерные государства. Решить эту задачу можно только постепенно, вовлекая в этот процесс государство за государством, учитывая в то же время существование ядерных государств, которые по тем или иным причинам считают невозможным лишиться ядерного статуса.

Необходимо попытаться установить принцип компромиссной универсальности: ядерное оружие уже распространилось и мы все принимаем это обстоятельство как данность, как свершившийся факт, не подлежащий сомнению или пересмотру, но мы единогласно и безусловно соглашаемся с тем, что ядерное оружие не должно распространяться дальше. И мы, единодушно основываясь исключительно на доброй воле, согласны очертить уже имеющиеся ядерные границы и предпринять коллективные усилия к тому, чтобы они не нарушались. В перспекти-

ве... Границы не должны нарушаться, но они должны неуклонно сужаться, вплоть до исчезновения самой первопричины – ядерного оружия.

В этом отношении такой договор опирается на принцип нераспространения путем необладания. Получается своего рода надстройка, которая концептуально включает в себя сразу три принципа: нераспространение путем необладания, нераспространение путем неразмещения и нераспространение путем запрета на испытания.

Пусть читателю это не покажется сплошной казуистикой, но идея объединения, или универсализации всех принципов нераспространения – основная задача современности. Только эффективно решив эту задачу, человечество сможет вздохнуть свободно и снять предупреждающий знак на своем дальнейшем историческом пути: «Опасно! Ядерное оружие!».

Думаю, не ошибусь, если скажу, что в эпоху глобального биполярного противостояния, самым совершенным воплощением принципа компромиссной универсальности стал Договор о нераспространении ядерного оружия, международный правовой документ, призванный установить барьер на пути ядерного разползания и тем самым стать международным механизмом обеспечения глобальной и региональной ядерной безопасности.

1 июля 1968 года в Женеве лидеры трех крупнейших ядерных держав и ряда неядерных стран подписали Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

К 1970 году Договор подписали и ратифицировали около 40 стран мира. Он вступил в силу 5 марта 1970 года. К 1995 году число участников Договора о нераспространении составило 175 государств. Включая ядерные государства, «которые произве-

ли и взорвали ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 года», согласно тексту Договора. Как известно, кроме США и СССР, к этому сроку «успели» взорвать свои первые атомные бомбы еще три державы: Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Китайская Народная Республика и Французская Республика.

Франция первое свое испытание провела 13 февраля 1960 года. Таким образом, успешно завершилась национальная ядерная программа, начатая из-за кризиса Франции на международной арене – Суэцкий кризис, прохладное отношение США и угрозы СССР.

В 1964 году окрестности озера Лобнор потряс мощный взрыв. Так Китайская Народная Республика возвестила всему миру о своем ядерном потенциале. Надо сказать, что в ядерной программе Китая проявился весь ее практически неограниченный интеллектуальный и технический ресурс. Во-первых, Советский Союз перестал помогать Пекину в разработке атомной бомбы после того, как Сталин осознал всю реальную значимость ядерного оружия в руках «великого кормчего». Во-вторых, большое количество китайских физиков-ядерщиков в разное время эмигрировало в США.

Впоследствии такие имена, как Ву, Ли Цзюндао, Янг, Самуэль Тинг и многие другие, составили гордость фундаментальной и прикладной ядерной физики Соединенных Штатов. Несмотря на это, Китай, можно сказать, оставшись один на один со своей ядерной задачей, успешно с ней справился.

Интересно, что сегодня мы, имея в виду Совет Безопасности ООН, состоящий из ядерных стран, могли бы говорить не «Большая пятерка», а «Большая семерка».

Еще до 1967 года, по крайней мере, Индия и Израиль имели полный (или почти полный) объем технических средств для взрыва ядерного устройства. Но по разным причинам эти испытания не состоялись.

В конце концов, США, СССР, Китай, Великобритания и Франция и составили так называемую «Большую пятерку» ДНЯО. В свою очередь, Великобритания, СССР и США, в соответствии с текстом Договора, стали странами-депозитариями. Каждая страна, которая вошла в состав Договора и подписала его, должна была сдать ратификационные грамоты на хранение правительствам-депозитариям. Казахстан, имевший в начале 90-х годов четвертый по мощности ядерный арсенал в мире, присоединился к Договору на правах государства, не обладающего ядерным оружием, после принятия Меморандума о гарантиях безопасности, провозглашенных крупнейшими ядерными державами.

В связи с вхождением в ДНЯО, наша республика, согласно процедуре, заключила также соответствующее Соглашение с Агентством по атомной энергии о применении гарантий.

Были установлены процедуры вхождения и участия в ДНЯО, в соответствии с которыми страны-участники должны были заключить дополнительное соглашение с Международным агентством по атомной энергии и поставить свои промышленные или исследовательские объекты, работающие на использовании энергии атома, под гарантии МАГАТЭ. Что, разумеется, не запрещало участникам Договора использовать ядерные реакции исключительно в мирных целях и развивать дальнейший прогресс в области ядерной энергетики и фундаментальных исследованиях.

Таким образом, был выдержан принцип нерас-

пространения ядерного оружия, на основе которого удалось совместить интересы ядерных и неядерных держав на момент начала действия Договора: ядерные страны не распространяют, неядерные страны не принимают ядерное оружие. Это было компромиссное решение, выраженное в духе универсальности. Однако целый ряд стран по тем или иным причинам не вошел в режим нераспространения, что фактически поставило под удар абсолютную универсальность действия ДНЯО.

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что принятие Договора внесло неоценимый вклад в процесс всеобщего разоружения и сдерживания «ядерной» гонки вооружений. Последняя четверть двадцатого века фактически прошла под знаком формулы «необладания посредством нераспространения».

Принятие Договора о нераспространении в конце 60-х годов значительно затормозило наметившийся процесс всеобщей нуклеаризации многих развитых и развивающихся стран. По многочисленным оценкам специалистов, в течение 20–30 лет после первого испытания атомной бомбы в Аламогордо, ядерным оружием должны были обладать, по крайней мере, не менее двадцати стран мира из всех населенных континентов. Но прогнозы не сбылись.

Во многом благодаря авторитету ДНЯО, многие страны или свернули свои ядерные программы, или даже избавились от него. Во всяком случае, атмосфера нераспространения приобрела настолько влиятельный характер, что ядерные амбиции стали чем-то вроде, образно выражаясь, «признаком дурного тона» в международных отношениях и часть стран вынуждена была не так явно демонстрировать свои потенциальные возможности к обладанию атомным оружием.

Глобальный режим нераспространения значи-

тельно улучшил «погоду» практически во всех регионах планеты. Бывшие республики Советского Союза, получив независимость и суверенитет, приступили к программам полного разоружения своих ядерных потенциалов. В частности, Казахстан еще до распада СССР в одностороннем порядке закрыл один из крупнейших атомных испытательных полигонов мира – Семипалатинский, а после обретения независимости принял решение избавиться и от ядерного арсенала.

Южно-Африканская Республика, имевшая ядерный боезапас, в конце концов, провозгласила о своем безъядерном статусе и вступлении в ДНЯО. Многие «пороговые» страны были вынуждены прекратить дальнейшее развитие своих наработок в области ядерного оружия.

Всеобщий режим нераспространения привел к тому, что те или иные ядерные «очаги» или прекратили свое существование, или не получили возможность разгореться. Основные идеи и наработанный опыт ДНЯО легли в основу другого эпохального документа – Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Таков далеко не полный перечень «мирных» заслуг Договора о нераспространении.

Вечный договор: ретроспективная оценка

17 апреля 1995 года в здании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке состоялась очередная Конференция государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия, в которой участвовала 171 правительственная делегация из 179 государств-участников ДНЯО, в том числе и делегация Республики Казахстан.

Перед началом конференции ДНЯО Совет Без-

опасности ООН принял резолюцию №984. В ней правительства крупных ядерных держав – США, России, Китая, Франции и Великобритании – выступили с заявлением о предоставлении так называемых негативных и позитивных гарантий государствам, не обладающим ядерным оружием.

Согласно «негативным» гарантиям, ядерные державы приняли на себя обязательство не применять ни при каких обстоятельствах ядерное оружие против неядерных стран. Гарантия защиты неядерных государств в случае угрозы применения или самого применения против них ядерного оружия составили «позитивные» гарантии резолюции ООН. Кроме того, **«Большая пятерка» обязалась не проводить агрессивную политику и никому не позволять проявлять агрессивные намерения**, стремиться к изоляции ядерного оружия и способствовать дальнейшему процессу ядерного саморазоружения и разоружения.

Таким образом, в преддверии конференции по Договору о нераспространении был снят вопрос о гарантиях ядерных держав, отсутствующих в тексте Договора, что являлось довольно слабым звеном в установившемся до начала Конференции режиме нераспространения.

Основным и «жизненно» важным вопросом Конференции по Договору о нераспространении являлся девятнадцатый пункт повестки: вопрос о продлении сроков действия ДНЯО. Как мне рассказывали позже члены казахстанской делегации, именно вокруг этого вопроса и разгорелись основные кулуарные дебаты и дискуссии на фоне остальных проблем, рассматриваемых в текущем порядке. Так или иначе, окончательное рассмотрение вопроса о продлении Договора было оставлено на самые последние дни конференции.

Но, конечно же, по ходу конференции обсуждались также и действительно важные вопросы разоружения и нераспространения.

В первую очередь, это касается важнейшей проблемы современности – проблемы всеобщего ядерного разоружения. Ряд развитых и неприсоединившихся стран поставил вопрос о принятии резолюции по поводу необходимости скорейшего установления режима всеобщего разоружения и оговаривания точных сроков реального и радикального сокращения суммарного количества ядерного оружия во всем мире.

Требовалось провести необходимую работу по составлению поэтапного графика полного прекращения производства атомных и водородных бомб и уничтожения всего арсенала ядерного оружия и ядерных материалов, в том числе оружейного высокообогащенного урана.

Такая «революционная» инициатива группы стран, естественно, встретила возражения со стороны ядерных держав. В качестве контраргумента приводился довольно убедительный довод о том, что при всем желании избавиться от уже накопленного ядерного боезапаса невозможно по чисто техническим и финансовым причинам. Во-первых, уничтожение ядерного оружия в таком количестве сразу приведет к огромным финансовым издержкам и опасно по экологическим соображениям.

Ядерные державы, таким образом, дали понять, что они в совершенстве овладели способами создания и модификации средств массового поражения, но еще далеки от совершенства технологии их уничтожения и утилизации высокорadioактивных компонентов.

По этому поводу, кстати, прозвучало высказывание одного из делегатов Конференции: «...разви-

тые государства, в том числе и ядерные государства, в некотором смысле вели себя куда честнее, чем радикалы из движения неприсоединения. Понятно, что куда легче требовать от кого-либо ликвидировать ядерное оружие – все целиком и сразу. Для ряда неприсоединившихся стран этот тезис стал не больше, чем приемом политической риторики. Действительно, для Малайзии нет непосредственных или даже потенциальных ядерных угроз; нет у Малайзии ни финансовых, либо технических, либо интеллектуальных возможностей создать такое оружие». Таким выпадом был поставлен «на место» ряд безъядерных стран.

Должен заметить, что в общем-то высказывание в основном верное: по себе знаю, как нелегко отказаться от ядерного оружия. Но должен все же заметить, что в этом высказывании есть определенная доля некоторого логического противоречия и неправильной интерпретации самой постановки вопроса.

Во-первых, в этом высказывании звучит нотка, содержащая недвусмысленное одергивание «зарвавшихся» неядерных стран: мол, решать проблему ядерного оружия будут только и только его обладатели. Но возникает вопрос: зачем тогда вообще необходимо присутствие неядерных стран на всех форумах и конференциях, а также их непосредственное участие в Договорах и Соглашениях? Тем более, что при окончательном голосовании существует демократическая процедура подсчета голосов по признаку большинства.

Ведь, насколько понимаю, страны, не обладающие ядерным оружием, участвуют в процессе разоружения вовсе не только для того, чтобы его не иметь, но также и для того, чтобы его не имели и другие. Кроме того, совершенно нелепо обвинять в «нечестности» неядерную страну на том основании, что она

решительно требует от ядерной державы конкретных шагов по разоружению.

Ядерный статус требует более терпеливого и лояльного отношения даже к чрезвычайно радикальным проявлениям «атомофобии». Ведь ядерное оружие представляет наибольшую опасность именно для неядерных стран, так как в других случаях его применение «регламентируется» фактором взаимного сдерживания, а неядерные страны в этом отношении почти беззащитны.

Кроме того, можно сказать, постулируется некая формула «фатальной неизбежности». Мол, ядерное оружие не имеют только потому, что не могут его себе позволить. Если же уровень технологии и финансовой сферы достаточно высок, то страна автоматически стремится к его обладанию. Есть ли смысл говорить об абсурдности такого «довода»?

Уверен, что у ядерного оружия нет и не может быть «алиби» и его преступные намерения прозрачны.

Поэтому вряд ли могут считаться корректными аргументы и доводы в таком виде, как они приведены в упомянутой выдержке.

1–2 мая, спустя две недели после начала, Конференция по Договору о нераспространении подошла к своей финальной части, на которой происходит голосование по принятым решениям. Подошла к тому моменту, когда нужно было решать «эпохальный» вопрос: «вечное» или временное продление ДНЯО.

Ход бурных дискуссий и пленарные заседания по вопросам, связанным с продлением срока, показали, что то или иное решение в финальной части Конференции имеет степень некоторой неопределенности, несмотря на «общую установку» на решение о «безусловном и бессрочном» продлении ДНЯО.

Оглядываясь на прошлое и оценивая развитие

ядерных отношений в мире, приходишь к выводу, что, несомненно, Договор о нераспространении на тот момент являлся самой совершенной «конструкцией», лежащей в основе глобальной и региональной ядерной безопасности.

И две недели Конференции ДНЯО в Нью-Йорке стали своего рода «словесной» квинтэссенцией всех достоинств и недостатков не только принятого 25 лет назад Договора, но и всей сложившейся под ее влиянием системы безопасности и режима нераспространения и неразмещения.

Две недели делегаты от ста с лишним «ядерных» и «неядерных» стран, обозревая историю ДНЯО и ее деятельность, оценивали и примеривались к тому или иному решению.

И становилось очевидным, что отношение делегаций к вопросу о бессрочности Договора прямо зависело от того, как они определяют итоги деятельности ДНЯО в свете сложившейся ситуации, связанной с проблемами разоружения, неразмещения, необладания и нераспространения.

* * *

Конференция и принятые на ней решения произвели на меня двойное впечатление.

С одной стороны, положительная роль Договора о нераспространении ядерного оружия с момента его принятия несомненна и очевидна.

Во многом благодаря ДНЯО, число членов клуба ядерных держав существенно не изменилось и не привело к использованию атомного оружия в военных конфликтах. Во многих случаях ДНЯО служил мощным сдерживающим фактором, препятствующим открытым испытаниям ядерного оружия стра-

нами, находящимися на пороге «ядерного потенциала». Даже несмотря на то, что эти страны не подписали данный Договор и не являются государствами-участниками ДНЯО.

И отказ Казахстана от ядерного оружия в определенной степени был продиктован существованием Договора о нераспространении. Эти обстоятельства говорят об исключительном авторитете Договора о нераспространении ядерного оружия.

Итак, на заключительном этапе конференции по инициативе четырех ядерных держав – США, России, Франции и Великобритании – был рассмотрен вопрос о «бессрочном и безусловном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия». Замечу еще раз, что речь шла не о пролонгации сроков действия Договора, а именно о его «бессрочном и безусловном продлении». Эта инициатива вызвала неоднозначную реакцию.

Те, кто ратовал за бессрочное продление, считали, что его принятие значительно укрепит последующий режим всеобщей безопасности. США и Россия были твердо убеждены в необходимости «безусловного и бессрочного продления» действия Договора о нераспространении.

В дополнение к этому, они брали на себя обязательство более строго придерживаться основополагающих принципов ДНЯО и повысить эффективность взаимных переговоров по ядерному разоружению. Делегация КНР также поддержала идею «бессрочного и безоговорочного продления», не отвергая и другие разумные варианты. Это не означает, что за «вечное» продление Договора открыто выступили только ядерные державы и крупные государства.

* * *

Сторонники ограниченного по срокам продления указывали на то, что «бессрочное и безусловное продление» Договора о нераспространении поставит в привилегированное положение ядерные государства. Вечный Договор позволит им не проявлять слишком большой активности в процессе всеобщего разоружения и значительно затормозит переговорные процессы по всеобщему и глобальному разоружению крупнейших ядерных держав. Ядерный статус, таким образом, будет вечным дипломатическим оружием в международных процессах, что значительно ослабит миротворческие усилия неядерных стран.

Некоторые аргументы сводились к обвинениям, что ядерные державы, вопреки режиму нераспространения в течение последних 25 лет, предшествующих Конференции 1995 года, продолжали обмениваться ядерными технологиями между собой и передавать эти технологии своим стратегическим союзникам. В частности, из соображений региональной безопасности делегации Сирии, Египта и Иордании отказались поддержать идею бессрочности Договора до тех пор, пока Израиль официально не вступит в членство ДНЯО и не войдет в систему гарантий МАГАТЭ.

Некоторые делегаты предупреждали, что «бессрочность» ДНЯО вызовет всеобщий и вечный раскол планеты на два лагеря: ядерный мир и неядерный мир. Сторонники ограниченного продления, справедливо указывая на эти грозящие опасности, предлагали привязать сроки продления к реально происходящим процессам ядерного разоружения. По формуле: очередное разоружение – очередное продление. Такое предложение высказала в своем проекте делегация Мексики. Угроза дискредитации идеи ДНЯО из-за прекращения его действия посто-

янно вынуждала бы ядерные державы проводить конструктивные миротворческие усилия по сокращению ядерного вооружения.

Так, подавляющее большинство делегаций государств Движения неприсоединения и часть делегаций развивающихся стран в качестве необходимого условия «бессрочного и безоговорочного продления» Договора выдвигали завершение переговоров о Всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний в 1996 году, необходимость начала переговоров о ядерном разоружении с участием всех пяти ядерных держав и начала переговоров о заключении Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов и жестком международном контроле уже имеющихся запасов таких материалов.

Группа Бандунгских стран, в том числе Иран, Ирак, Индонезия, Малайзия и другие, предложила вариант продления Договора на 25 лет с последующими автоматическими 25-летними сроками продления. Более радикально настроенные делегаты из ряда развивающихся стран полагали, что этот процесс не протекает должным образом и фактически «Большая пятерка» совершенно не продвинулась на пути полного уничтожения чудовищного оружия.

* * *

Согласно регламенту, председатель Конференции ДНЯО Джаянта Данапала, посол Республики Шри-Ланка в США, получил на руки три проекта резолюции по продлению: предложение Канады «по бессрочному и безусловному продлению», предложение Индонезии по «многократному продлению на 25-летние сроки» и Мексики – по «условно-бессрочному продлению».

В конце концов, 6 мая на пленарном заседании 108 государств-участников ДНЯО без голосования подписали проект решения о пролонгации Договора о нераспространении на неопределенное время, выраженный в краткой форме делегацией Канады: «ДНЯО должен оставаться в силе бессрочно».

Таким образом, из детального рассмотрения Конференции ДНЯО в апреле-мае 1995 года мы можем констатировать один немаловажный факт: решение о «безусловном и бессрочном продлении действия» ДНЯО увековечило действующую на тот момент систему ядерной глобальной и региональной безопасности. Это обусловлено тем, что Договор о нераспространении ядерного оружия является, если можно так выразиться, хребтом современного механизма обеспечения режима ядерной безопасности практически во всем мире.

Но это решение звучало как неоспоримое признание того, что эта система безопасности является удовлетворительной и самодостаточной, вполне отвечает реалиям времени и не требует какого-либо конструктивного пересмотра. Как будто с момента возникновения ДНЯО в 1968 году ситуация в мире мало в чем изменилась.

Но так ли это? Отвечает ли концепция ядерной глобальной и региональной безопасности 25-летней давности современным реалиям и изменившейся схеме международных противоречий и конфронтаций? Адекватно ли она отражает те глобальные геополитические трансформации, происшедшие в последнем десятилетии XX века? Так ли уж важна была идея бессрочности и вечности на фоне стремительно меняющейся геостратегической карты мира? Нужно ли было навечно «узаконивать» ядерной «фактор силы», вступая в новое тысячелетие?

Категорический императив бессрочности: ошибка или реалии?

Каждое коллективное действие, так или иначе, приводит к своеобразному изменению возможного или прогнозируемого будущего. Поэтому в результате каждого нашего коллективного и совместного решения возникает новая реальность.

Поэтому в моем представлении «безусловное и бессрочное продление» Договора о нераспространении, принятое на конференции 1995 года, послужило фактором, который дал толчок последующей легализации ядерного «третьего» мира. И тем самым способствовало формированию новой реальности – мультиполярного полиядерного мира.

Но каким образом решение 1995 года о «бессрочном и безусловном продлении» ДНЯО изменило реальность?

* * *

История не терпит сослагательных наклонений, поэтому каждое решение должно отвечать не только за настоящее, но и за будущее. Хотя бы ближайшее.

Последовательно и упорно продвигаемое решение о бессрочности ДНЯО повлияло на весь дальнейший ход развития «ядерных» отношений в мире. Но в чем проявилось это влияние? Насколько оно было велико и к чему привело?

Но, прежде всего, обратим внимание на сам текст Договора о нераспространении и критически попытаемся осмыслить, что же мы продлили навечно. Что заслуживало именно «безусловного и бессрочного продления»?

Вспомним, что основная цель и необходимость Договора о нераспространении ядерного оружия

была выражена фундаментальными статьями 1 и 2 принятого текста.

Согласно статье 1, устанавливающей договорные обязательства ядерных держав, сообразуясь с благородными устремлениями к миру и всеобщему разоружению, «каждое из государств – участников настоящего Договора, обладающих ядерным оружием, обязуется не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, а также контроль над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно: равно как никоим образом не помогать, не поощрять и не побуждать какое-либо государство, не обладающее ядерным оружием, к производству или к приобретению каким-либо иным способом ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами».

В свою очередь, страны, не обладающие ядерным оружием, подписавшие и ратифицировавшие Договор, согласно статье 2, обязались «не принимать передачи от кого бы то ни было ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств, а также контроля над таким оружием или взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно: не производить и не приобретать каким-либо иным способом ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства, равно как не добиваться и не принимать какой-либо помощи в производстве ядерного оружия или других ядерных взрывных устройств».

Смысл статей вроде понятен и прозрачен. Одни согласны не иметь, другие обязуются не передавать. Но на самом деле в этих статьях гораздо больше нюансов, чем кажется на первый взгляд.

Если государство имеет определенное количество ядерного оружия и желает его разместить в третьем

В почетном строю – Республиканская гвардия.

В пути.

С Президентом Индии Ш.Д. Шарма.
Нью-Дели, декабрь 1996 года.

С Цзян Цзэминем. Пекин, ноябрь 1999 года.

Президент Ирана С.М. Хатами прибыл в Казахстан
на саммит ОЭС. Алматы, май 1998 года.

Выступление на саммите ОБСЕ в Стамбуле.
Ноябрь 1999 года.

С Генеральным секретарем НАТО Дж. Робертсоном.
Брюссель, июнь 2000 года.

На заседании Постоянного Совета ОБСЕ.
Февраль 2000 года.

Актюбинское летное училище: первый выпуск.
Август 1998 года.

С Президентом России. 2000 год.

Выступление в Норвежском институте
международных отношений. 3 апреля 2001 года.

Вручение Ее Величеством Королевой Великобритании Елизаветой II Большого креста ордена Святого Михаила и Святого Георгия. Лондон, 15 ноября 2000 года.

С М.Тэтчер. Лондон, ноябрь 2000 года.

В рабочем кабинете. 2001 год.

С космонавтом Талгатом Мусабаевым.
Жезказган, август 1998 года.

Новая столица Казахстана – Астана. 2001 год.

государстве, то оно, согласно международным процедурам, должно выработать соответствующее соглашение с правительством страны, на территории которой размещается ядерное оружие. Так как речь идет о принимающей стороне как независимом государстве, то, во избежание нарушения норм о суверенитете, стороны обязаны оговорить условия размещения. В чем состоят эти условия?

Конечно, во-первых, в том, что одна сторона передает, а другая сторона принимает данное ядерное оружие. Потому что любое размещение требует санкции на данное действие и это разрешение может быть оформлено только в виде принятия данного оружия. Поэтому в случае ядерного оружия, «размещение» совершенно аналогично «передаче» ядерного оружия. Кроме того, так как стороны осознают, что размещение ядерного оружия влечет за собой соответствующую опасность, стороны оговаривают, что применение размещенного ядерного оружия невозможно без согласия размещающей стороны.

То есть в этом случае разрешение на использование атомного оружия совершенно равнозначно косвенному управлению этим оружием размещающей стороной.

Что равнозначно принципу коллективного управления или контроля над этим оружием, как размещающей, так и размещаемой стороной одновременно. Поэтому, в любом случае, независимо от обстоятельств, формальное размещение ядерного оружия на третьей территории совершенно равнозначно либо его передаче с последующим принятием, либо передаче частичного (косвенного) контроля над размещенным ядерным оружием на уровне принятия решения.

Нет смысла доказывать фактами, что в течение

последних тридцати лет две основополагающие статьи ДНЯО систематически и постоянно нарушались, как размещающими ядерное оружие сторонами, так и сторонами, его принимающими.

В течение этого периода ядерное оружие неоднократно было передано (размещено), а контроль над ядерным оружием был передан косвенно, т.е. посредством соглашения сторон о коллективном управлении, согласии или консультации. Все эти формы совершенно идентичны понятию косвенного управления.

Вновь обратимся к тексту и зададим вопрос: является ли наличие ядерного оружия у одного государства «косвенным» побуждением его приобретения для других стран? Безусловно, да! Обладание ядерным оружием ведет к неизбежному процессу увеличения числа его обладателей.

Срабатывает меркантильный принцип: если у соседа есть, то и у меня должно быть. А может даже лучше и больше...

Принцип транспарентного обладания срабатывает с неумолимой логикой и неизбежностью, независимо от предмета обладания, будь то машина, ожерелье или атомная бомба.

* * *

Обратимся к статье 6 Договора: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о Договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем».

Это та самая формулировка, против которой еще до окончательного принятия Договора о нераспрос-

транении возражали некоторые неприсоединившиеся страны. С 1970 года до Конференции ДНЯО 1995 года прошло четверть века. Какие же «успехи» на этом пути можно было продемонстрировать? Очень большие! Количество стратегических ядерных боеголовок СССР и США увеличилось в два раза и составило почти 17000 против около 7500 в 1970-м году.

Примерно в два-три раза увеличились стратегические ядерные боезапасы и других ядерных стран. Количество испытаний ядерного оружия, как показатель модернизации гонки вооружений, во всем мире также увеличилось. Средства доставки значительно совершенствовались.

При всем желании и возможной интерпретации квалифицировать эту ситуацию как «проявление доброй воли к полному и всеобщему разоружению» можно только с точки зрения логического абсурда – многократное увеличение мощи атомного оружия приводит к большему взаимному миролюбию крупных ядерных держав и подталкивает их к еще большему желанию вести переговоры о мире и дружбе! Но страдает и сам смысл статьи. Ведь речь идет не о собственно процессе разоружения, а всего лишь о переговорах по разоружению. Лидеры ядерных держав могут с огромным удовольствием вести за чашкой кофе переговоры о разоружении, мол, «а ведь неплохая мысль! Почему бы и нет?». Но при этом разоружаться вовсе не обязаны!

* * *

В контексте несовершенства самого Договора решение о его бессрочном и безусловном продлении указывало на то, что ядерные страны обязаны «вечно» вести переговоры о разоружении и поэтому никогда не смогут разоружиться; ядерные страны обязаны «вечно» не побуждать кого-либо к ядерному об-

ладанию и поэтому только из-за наличия ядерного оружия всегда будут побуждать весь мир к ядерному вооружению; ядерные страны «вечно» не будут передавать атомное оружие и поэтому постоянно будут размещать его, где только возможно.

Казалось бы сплошная софистика, но в этой софистике – полный тупик на пути человечества к реальному и безусловному тотальному разоружению.

Но вызывает возражение и сама формулировка о юридическом, в рамках ДНЯО, признании ядерными тех стран, которые произвели и испытали атомную бомбу до 1967 года. Компромиссная универсальность Договора, заложенная в этой дате, является дискриминационной не только хронологически, но и по сути.

Возникает поистине сюрреалистическая картина: тот, кто к определенному этапу проявил склонность к ядерному безумию получает индульгенцию (вотум доверия) за свои отнюдь не миролюбивые устремления и в рамках международного права принимает юридические полномочия на вечное «безоговорочное и безусловное» обладание ядерным оружием. Те же страны, которые проявляли миролюбивую политику, в том числе имели возможность разработки атомной бомбы в свое время и не ввязывались в безумство гонки вооружений на вполне законных основаниях, в рамках ДНЯО, **подпадают под «ядерный колпак» уже состоявшихся ядерных держав.**

Если придерживаться общепринятости таких терминов, как «ядерное безумство» или «безумная гонка вооружений», то получается, что Договор основан на логическом противоречии образа: не доктор лечит пациента, а пациент лечит доктора. Не «красота спасет мир», а оружие.

Я хочу высказать в связи с этим мысль, которая, несмотря на свою умозрительность, должна полу-

читать реальное воплощение: **проблема всеобщего и глобального разоружения решится тогда и только тогда, когда ее будут решать не обладатели ядерного оружия, а международное сообщество всех – как ядерных, так и неядерных государств.** То есть, если оно основано на принципах демократии и коллегиальности. Сейчас же стало нормой, что страны, не обладающие оружием, выступают простыми статистами в процессах разоружения и нераспространения без права решающего голоса (как показала Конференция ДНЯО в Нью-Йорке). Но это неверно. Ведь если ядерные государства вовлекают весь остальной неядерный мир в рамки всевозможных договоров и соглашений, инициаторами которых они же являются, то они **должны также сделать и второй шаг – создать равноправие и установить принцип равенства голосов в этих процессах.**

Пока правила игры в нераспространение, нерасширение и разоружение будут устанавливать страны, которые обладают ядерным оружием, вряд ли стоит ожидать позитивного окончания процесса полного ядерного разоружения. Опасность в том, что любое государство, получив ядерное оружие, полагает, что его голос отныне должен приравняться к голосу всех неядерных стран.

Неядерные же государства не могут возражать против такой вопиющей недемократичности, так как ядерное оружие является достаточно веским «доказательством» этого ложного тезиса. Поэтому ядерное оружие вносит изначальный дисбаланс в отношения между всеми государствами. Оно обесценивает демократические принципы в международных отношениях. Потому что ядерное оружие по «своему политическому устройству» недемократично и тоталитарно. Поэтому все ныне существующие договоры, основанные и действующие на ядерных аргу-

ментах, даже направленные на миротворческие усилия, неизбежно выявляют свою дискриминационность.

* * *

Компромиссная универсальность Договора, в конечном счете, сама по себе приводит к тому, что ядерные державы, прилагая все усилия к запрету на горизонтальное распространение (возникновение нового ядерного обладания), в то же время ничем не ограничивают себя в области вертикального распространения (увеличение собственного ядерного потенциала) ядерного оружия.

Эта проблема особенно усугубляется тем, что в Договоре специально не оговорены понятия горизонтального и вертикального распространения.

Стесненность в географических рамках, не позволяющая перераспределять ядерное оружие по своим потенциальным и фактическим союзникам, приводит к эффекту коллапса ядерного оружия. Постепенное накопление ядерного оружия приводит к его сверхконцентрации. В результате держава, в которой уже произошел коллапс ядерного оружия и возникла ситуация сверхвооруженности, неизбежно расширяет рамки первоначальной степени опасности. Если на начальном этапе обычный уровень ядерного оружия служил для внушения чувства опасности только для одного отдельно взятого государства, так называемого вероятного противника, то вход в состояние ядерного коллапса или сверхвооруженности приводит к распространению чувства опасности на все человечество.

Чтобы было понятно, в чем проявилось это несовершенство Договора в определении самого понятия нераспространения, которое должно было устано-

вить и регламентировать понятия горизонтального и вертикального расширения, приведу пример.

На старте некоего гротескного забега находится 100 бегунов-любителей и 5 профессионалов. В какой-то момент времени дается сигнал к старту. Профессионалы срываются с места, а любители остаются на своих исходных позициях. Почему? Потому что таковы правила!

Пять бегунов удаляются все дальше и дальше, не переговариваясь друг с другом и не сбавляя темпа. А 100 любителей так и остаются на месте, тихо ругая про себя правила невиданного забега. Но самое интересное, что эти правила устанавливали сами профессионалы и установили навечно!

Долго ли будут мириться с таким положением страны, которые почему-то не имеют права обладать ядерным оружием, а страны, которые его имели, теперь получают полное право иметь его сколько угодно? Рано или поздно ощущение дискриминации должно было дать о себе знать.

* * *

Таким образом, с точки зрения явного несовершенства самого Договора, с точки зрения дальнейшего разворачивания событий и изменения ядерного баланса на мировой арене решение о «бессрочном и безусловном продлении» ДНЯО не отвечал интересам глобальной и международной безопасности и новым геополитическим реалиям.

Что фактически означало решение о «вечности» ДНЯО в условиях фактически сложившегося мультиполярного мира и что не смогла сделать Конференция 1995 года, уделив все свое внимание не укреплению режима распространения, а его закреплению?

Выводы напрашиваются сами собой:

– ядерные государства и в дальнейшем не собираются отказываться от обладания ядерным оружием и двигаться к его реальному уничтожению;

– ядерные государства и впредь собираются использовать атомное оружие в качестве убедительного аргумента в международных вопросах и проблемах;

– ядерные государства не собираются и впредь давать каких-либо четких и ясных гарантий национальной безопасности неядерных государств;

– ядерные государства не инициировали каких-либо конкретных мер по выработке политики по отношению к «послепороговым» странам Движения неприсоединения, не поставившим свою подпись под ДНЯО;

– ядерные государства тем самым продемонстрировали явную дискриминационную политику по отношению к государствам – добросовестным участникам Договора, которые не являясь ядерными государствами и являясь участниками Договора, остались предоставленными самим себе перед лицом возможной ядерной угрозы со стороны какой-нибудь вновь возникшей региональной ядерной державы. Ведь ДНЯО дает неядерным странам гарантии неприменения против них ядерного оружия только со стороны ядерных государств-участников Договора;

– ядерные страны намерены тем самым вообще исключить неядерные страны из переговорного процесса, окончательно закрепив за ними роль статистов, наблюдающих за формированием новых паритетов и «бесконечного» процесса разоружения без каких-либо гарантий конструктивного и успешного завершения переговорных процессов.

– неядерным странам предложено «не мешать» в наметившемся новом переделе мира на основе ядер-

ной аргументации и в процессе ядерного перевооружения на более высоком качественном уровне.

Фактически решение Нью-Йоркской Конференции по Договору о нераспространении ядерного оружия эффективно решило только одну задачу: вновь вдохнуло жизнь в устаревшую схему ядерной безопасности тридцатилетней давности. Новому столетию было рекомендовано обеспечивать свою безопасность по рецептам прошлого века.

Что же касается действительно важных категорий механизма обеспечения ядерной безопасности, то, как показало время, прошедшее после Конференции 1995 года, их «забвение» на Конференции привело к далеко не впечатляющим результатам.

С учетом общей картины можно подвести некоторые итоги. Но при этом необходимо оговорить, что в нашем представлении хроника и итоги деятельности Договора о нераспространении являются концентрированным выражением или, скажем так, барометром, современной системы обеспечения глобальной и региональной ядерной безопасности.

* * *

Универсальность ДНЯО не достигнута и поныне. Более того, бессрочность ДНЯО привела к тому, что процесс разоружения и нераспространения в этом контексте отныне никогда не сможет принять универсальный характер.

С одной стороны, подвижки в сторону достижения универсальности произошли: после 1995 года к Договору присоединились Ангола, Бразилия, Вануату, Джибути, Оман и Объединенные Арабские Эмираты. На сегодняшний день только четыре страны не подписали Договор о нераспространении: Израиль, Индия, Куба и Пакистан.

После неудачной попытки Никиты Хрущева раз-

местить на Кубе 42 баллистические ракеты средней дальности с ядерными боеголовками, вопрос о ядерности или безъядерности Кубы отпал. Но ДНЯО, как мы знаем, касается только и только отношений (или точнее, в большей степени), строящихся на основе ядерного обладания как источника распространения атомного оружия.

Еще до 1995 года все страны больше знали, чем не знали, что Тель-Авив, Дели и Исламабад обладают ядерным оружием или, по крайней мере, всеми необходимыми компонентами для его производства. Поэтому разговоры о так необходимой универсальности режима нераспространения касаются только и только их. Что имеется в виду? С одной точки зрения можно сказать, что универсальность почти достигнута, так как количество стран-участников Договора о нераспространении составляет на данный момент 189 и только 4 страны не являются членами ДНЯО. «Всеобщность» и «универсальность» могут торжествовать.

Но давайте, совершенно не отдаваясь от истины, скажем по-другому: **пять ядерных стран являются членами Договора о нераспространении и три ядерные страны не являются таковыми.**

Есть ли смысл в таком прочтении вообще говорить о всеобщности и универсальности? Налицо явный ядерный паритет. Разумеется не количественный, а только качественный. И этот паритет означает, что сложившийся режим нераспространения полностью провалился, так как одна половина, состоящая из пяти ядерных стран, не может распространять атомное оружие, а другая половина, три ядерные страны, может свободно распространять атомное оружие.

Все ядерные державы не ограничены только в вертикальном распространении, но все ограничены

в горизонтальном распространении. Ядерные державы ДНЯО не могут распространять ядерное оружие по условиям Договора, ядерные страны Движения неприсоединения не могут участвовать в этом процессе из-за того, что все другие неядерные страны не могут принять атомное оружие, являясь членами ДНЯО. Таким образом, на протяжении последних тридцати лет так и не была решена основная задача Договора о нераспространении – всеобщая универсальность. Наоборот, можно сказать, что вместо универсальности сложился паритет: одна половина ядерных держав участвует в режиме распространения, вторая половина ядерных стран не участвует в регулируемом процессе нераспространения.

* * *

Нераспространение также не является темой для разговоров о больших успехах в этой очень важной сфере всеобщего разоружения. Достигнуты ли за последние тридцать лет существенные подвижки в этом направлении? По-видимому, нет.

Наоборот, можно констатировать, что косвенным образом ядерное оружие распространилось и продолжает распространяться по всему миру.

Следы ядерного оружия обнаруживаются во всех точках земного шара и его распространение, выраженное в форме дополнительного обладания и стремления к обладанию, достигло угрожающих размеров. Почти сорок государств мира имеют потенциальную возможность к обладанию ядерным оружием. За последние четверть века, кроме официальных ядерных держав, почти десять стран или создавали ядерную бомбу, или же проводили активные разработки по созданию атомного оружия. На сегодня вместо пяти стран, обладающих ядерным оружием, имеется, по крайней мере, восемь стран, имею-

щих определенный ядерный арсенал. Кроме того, есть еще четыре страны, относительно которых имеются основания настороженно относиться к их безъядерному статусу.

Конечно, всеобщей ядерной эпидемии не произошло, но все же отрицательный эффект нераспространения все же есть: количество ядерных государств увеличилось, количество безъядерных стран уменьшилось.

* * *

Разоружение является, пожалуй, самой большой темой для обсуждения итогов тридцатилетнего режима Договора о нераспространении ядерного оружия. Первоначальный случайный или намеренный просчет относительно уточнения формулировки распространения ядерного оружия привел к тому, что процесс разоружения не состоялся. Состоялось только ограничение процесса ядерного вооружения.

Сказанное мною не является игрой слов: нет оснований сомневаться, что по духу и по сути процесс разоружения и процесс ограничения вооружения – это совершенно разные, хотя и связанные, понятия. Само же количество ядерных боеголовок существенно увеличилось и только сейчас после двусторонних договоренностей выходит на исходный уровень 1970-го года.

Одним словом, за отчетный период деятельности Договора о нераспространении мир не разоружился.

В образном выражении, картина, описывающая эволюцию ядерного оружия, возникновение и деятельность Договора о нераспространении ядерного оружия, вырисовывается в следующем виде:

В двух географических точках земного шара се-

лекционером был выведен новый штамм – «ядерные» бациллы.

Являясь сильным антибиотиком, ядерный штамм был первоначально предназначен для эффективной борьбы с «коричневой чумой». Но чума исчезла, а ядерные бациллы остались. Произошло их взаимное перенацеливание на «коммунистическую заразу» и «гидру империализма». Постепенно количество бацилл множилось, а размеры их колоний увеличивались. Искусственная селекция привела к возникновению новых мутированных форм, гораздо более опасных и приспособленных «ядерных» бактерий. Отсутствие искусственных преград к дальнейшей диффузии ядерных бацилл привело к осознанию опасности всеобщей атомной пандемии.

Напуганные и возмущенные окрестные жители потребовали прекратить это «безобразие» и, в конце концов, уничтожить «ядерные бактерии». Консенсус был найден. Пионеры ядерных бацилл обязались не выносить их за пределы лаборатории, не продавать и не дарить их любителям острых ощущений. Затем постепенно уничтожить. Мирные жители с удовольствием согласились их не покупать, и не принимать таких подарков. Но размеры полок и шкафчиков отнюдь не беспредельны, лабораторные полки уже не вмещали чашки Петри с ядерными бациллами. В тесном помещении уже нельзя было развернуться, того и гляди чашки рухнут и разобьются.

Выход из положения был найден. Первооткрыватели ядерных бацилл стали просить соседей и друзей принять склянки с бациллами на временное хранение. Мол, боясь заразы, в ваш дом больше никто уже не полезет, да и Вам будет спокойнее. Придет время, и мы их заберем.

Время пришло. Чашки все также полны «ядерными» бактериями, «ядерные» колонии все так же частично находятся у соседей, окружающие все так же волнуются по поводу возможной опасности.

Снова собрание и неизменный вопрос: «Все-таки когда? Мы же договаривались, что вы уничтожите ядерную заразу. Давно могли бы уже решить, как от него избавиться. Ведь прошло уже двадцать лет, как Вы здесь находитесь. А выхода мы до сих пор не видим. Когда?». И следует прямой и твердый ответ: «Никогда». Немая сцена...

Признание несовершенства – это шаг к дальнейшему совершенствованию. Но дальнейшего совершенствования всеобщего режима глобальной и региональной безопасности невозможно достичь, если его настоящее несовершенство будет только предметом констатации, а не конструктивных мер по его устранению. Опасно видеть только то, что сделал Договор как механизм ядерной безопасности, и при этом не уделять внимания или просто упоминать о том, что Договор о нераспространении не сделал.

Для дела всеобщего и безусловного мира то, что не сделал или не смог сделать Договор о нераспространении, представляется гораздо более важным, чем то, что он сделал или смог сделать. Ибо опасности, которые могут возникнуть или уже возникли из-за упущений ДНЯО, превышают потенциальные опасности, им предотвращенные.

НОВЫЙ ЯРУС КОНФРОНТАЦИИ

Ядерный транзитивизм: логика развития

Никто не знает, почему и зачем в природе человека заложен механизм осмысленного или интуитивного стремления к созданию оружия для более эффективного уничтожения себе подобных. Но кажется все-таки, что долгая эпоха создания и совершенствования оружия так или иначе закончится. И очень может быть, достаточно скоро, может быть, даже в наступившем новом веке, который станет в этом отношении знаковым и поворотным моментом в истории человечества. Эволюция оружия может уподобиться специфике работы японских ремесленников: создавая какие-либо искусные и уникальные вещи, японские мастера придумывают для их изготовления специальные инструменты. После того, как эти инструменты выполнят свою функцию по изготовлению уникального творения, ремесленники уничтожают или выкидывают их. Так, может быть, оружие индивидуального и массового убийства и есть те самые одноразовые инструменты, которые временно необходимы только для того, чтобы, в конце концов, создать уникальные творения, необходимые для мирной жизни человека и удовлетворения его эстетических потребностей?

Может быть, иногда, чтобы создать хороший и острый серп, необходимо пройти стадию трехгранного штыка из вороненой стали? Может быть, и была необходима стадия ядерного оружия, чтобы человечество вживую ощутило и прочувствовало, что оно требует перерождения в более человеческие и продуктивные формы – для блага человека? И наступит время, когда мы, по примеру японских мастеров, выкинем ядерное оружие, приняв его только как про-

межуточный этап для изготовления куда более мирных предметов?

Я давно отметил для себя, что оценка многочисленных работ, теоретически определяющих сам статус ядерного оружия, дает вывод о том, что оно фактически и концептуально уже не рассматривается как собственно оружие, пригодное для использования и разрешения конфликтов. Ему систематически и довольно последовательно придают значение некоего символа, который несет в себе единственную функциональную нагрузку: фактор принудительного пацифизма путем устрашающего или предупреждающего сдерживания. Должен заметить, что отказ атомному оружию в признании его собственно оружием не лишен оснований. Если не считать трагической «демонстрации» ядерного оружия в 1945 году в Хиросиме и Нагасаки, после этого в течение последнего полувека оно ни разу не было использовано в процессе военных конфликтов или политического противостояния.

Но тем не менее я считаю чрезвычайно опасным этот довольно модный и оригинальный тезис возводить в ранг «категорического императива». Ничто так не опасно, как вера в истину, которая со временем перестает быть таковой. Да, несомненно, несмотря на то, что мир неоднократно стоял на пороге ядерной войны, в эпоху биполярного мира атомное оружие действительно не служило оружием в собственном смысле этого слова. И вполне оправдало свое функциональное определение как «холодное» оружие «холодной» войны. Но не надо забывать, что от символа до настоящего оружия боевого применения все эти годы атомное оружие отделял всего один шаг и всего несколько минут. И ряд счастливых для человечества обстоятельств. И эти многочисленные и драматические случаи на протяжении последних де-

сятилетий должны всегда напоминать, что, несмотря на определенный символизм, ядерное оружие было и остается опаснейшим и самым смертоносным оружием за всю историю человечества. И принципиальная «неприменимость» и сдерживающая функция оружия массового поражения вовсе не должны нас успокаивать и считать наличие ядерного оружия чуть ли не благом для человечества. Наоборот, атомное оружие есть безусловное зло, и пока оно не будет уничтожено, оно еще может найти случай показать свое истинное «сатанинское» лицо...

Более того, после осмысления динамики развития ядерного оружия и гонки вооружений в период двухстороннего противостояния, мне кажется, есть вполне определенные основания пересмотреть некоторые, казалось бы, бесспорные истины касательно предыдущей роли ядерного оружия и сдерживающей роли, которая ей ранее отводилась.

И только миг...

Чем в течение полувекового глобального двухполярного противостояния между НАТО и Варшавским договором могло обернуться сие сдерживающе-устрашающее «благо», я хотел бы привести на нескольких примерах. Которые должны напомнить, что, казалось, подчас чистая случайность и абсолютное везение отделяло нас всю вторую половину двадцатого века от ядерного Армагеддона и ошибочности всевозможных теорий «сдерживания». Итак.

1974 год. Система раннего оповещения Пентагона в результате компьютерного сбоя выдала на центральный пункт сообщение о ядерном нападении со стороны Советского Союза. Немедленно, после чрезвычайной и оперативной подготовки, стратегические бомбардировщики В-52 с ядерными боезарядами на

борту вылетели бомбить объекты на территории СССР.

Они летели по маршруту с минимальным расстоянием между Северной Америкой и намеченными стратегическими целями: через Северный полюс. Со стороны СССР, после обнаружения летевших бомбардировщиков, с целью перехвата мгновенно были подняты в воздух 78 дальних перехватчиков ТУ-128, которые должны были в считанные минуты выйти на боевые позиции. В то же время началось оперативное развертывание мер по нанесению ответного удара по территории Соединенных Штатов. Еще несколько часов, и раскрутившуюся ядерную карусель уже невозможно было бы остановить. На территории Казахстана такими стратегическими объектами, подлежащими ядерной атаке, служили, в первую очередь, Алматы – столица Казахстана, космодром Байконур и ракетно-авиационные базы в районе Сары-Шагана и Жангизтобе. Мир, не ведая обо всем происходящем, стоял на пороге самой великой и ужасной трагедии в истории человечества. А военные замерли в ожидании вселенской катастрофы. Но всех нас спас случай. Военные операторы наконец-то заметили внутреннюю ошибку системы оповещения и дали отбой. Уже почти перелетавшие Северный полюс эскадрильи Б-52 получили приказ о немедленном возвращении на исходные пункты базирования...

26 сентября 1983 года. На этот раз произошла ошибка уже советской системы раннего оповещения. Были зафиксированы сначала один, а потом целая серия запусков межконтинентальных твердотопливных баллистических ракет «Минитмен» из ракетных шахт с территории США. В течение полетного времени «Минитменов», равного 40 минутам, предполагалось принять все оперативные меры по нанесению ответного удара по стратегическим целям на тер-

ритории Соединенных Штатов. Тут следует отметить, что если бы советские межконтинентальные ракеты (в том числе 104 СС-18 с территории Казахстана) стартовали, то, в отличие от американских стратегических бомбардировщиков, их остановить уже не было никакой возможности. К счастью, Центральный командный пункт, находящийся в районе Серпухова, не получив подтверждения ядерной атаки от наземных средств оповещения и с военных спутников, сделал заключение о ложной тревоге из-за отказа электронного оборудования системы раннего предупреждения... И вновь мир спасла вовремя замеченная ошибка...

Январь 1995 года. Норвегия в рабочем порядке осуществила запуск научно-исследовательской ракеты. Ракета была зафиксирована службами раннего оповещения и, по роковой случайности, была интерпретирована как баллистическая ракета с ядерной боеголовкой, движущаяся в сторону Российской Федерации. Внезапный ядерный удар!

Вновь был запущен механизм развертывания и подготовки к ответному удару. Вплоть до задействования «ядерного чемоданчика»! Однако, после чрезвычайного анализа параметров запущенной ракеты, военные пришли к выводу о том, что это не боевая ракета. Тут же был дан отбой. Буквально за несколько минут до того, как цепная реакция ракетного взаимодействия получила бы необратимый характер!

А сколько таких ошибок и внештатных ситуаций происходило еще! Вряд ли все эти тревожные случаи из-за амбициозности политиков и военных, из-за электронных, технических и просто человеческих ошибок получили всеобщую огласку. Скорее всего, достаточно много таких случаев навсегда похоронены под грифом «совершенно секретно» в недрах Пентагона и Министерства обороны СССР. Так что, я

думаю, нет никакого смысла заниматься перечислением всех фактов. Достаточно отметить, опираясь на фактическую сторону дела, очень немаловажное и принципиальное обстоятельство: на самом деле, фактором сдерживания в атомную эпоху двухстороннего противостояния все-таки служило не само наличие ядерного оружия и его пресловутая гипотетическая функциональность, а в какой-то степени глубокая ответственность, здравомыслие и, главное, хладнокровие отдельных людей...

Именно отдельных людей, которые в самые драматические и ответственные моменты не впадали в панику и психологический надлом, предоставляя дальнейший ход событий самому себе.

Эти факты (и, конечно, многие неупомянутые) о том, что мир «стоял на пороге» ядерной войны, требуют, мне кажется, некоторого разнообразия в интерпретации. Давайте попробуем по-новому осмыслить эти факты и, может быть, их анализ и выводы могут заставить нас кардинально изменить собственные и устоявшиеся взгляды на некоторые вещи.

Не оружие, но средство сдерживания...

В первую очередь, попытаемся понять, действительно ли ядерное оружие служило и являлось только «фактором сдерживания» в биполярном мире. Насколько это верно и, действительно ли правильно мы интерпретировали отсутствие полномасштабных ядерных войн, так сказать, «от начала до конца», как проявление сдерживающего начала самого атомного оружия. В определенной степени, разумеется, ядерное оружие обладало элементами сдерживания и в каких-то случаях действительно таковым являлось. Но эта, на первый взгляд, истина не абсолютна

и, более того, отнюдь не она доминировала в том ушедшем от нас, мире. Почему?

В первую очередь, несколько забегая вперед, выдвинем тезис, на первый взгляд, не бесспорный, но тем не менее имеющий право на существование: в период биполярного противостояния конфликтующие стороны не только иногда находились «на грани ядерной войны», но и, заметьте, в нескольких случаях были в «состоянии ядерной войны».

Этот парадоксальный тезис означает, что мир стоял не только на «пороге» или «границе» всеобщей катастрофы, но и неоднократно уже принимал участие в ядерном глобальном конфликте, то есть формально «ядерные войны» уже происходили. Вспомните тот же случай, когда стратегические ядерные бомбардировщики США уже находились на полпути к своим целям на территории Советского Союза. Но тем не менее эти «ядерные войны» заканчивались до своей завершающей стадии или финальной фазы, то есть достижения бомбардировщиками или межконтинентальными ракетами своей цели и не успевали использоваться по прямому назначению для окончательного поражения намеченной цели.

Почему же во всех этих случаях не наступала финальная стадия уже состоявшейся ядерной войны. Ответ на этот вопрос прост: потому, что ядерная война обладала одним уникальным свойством, благодаря которому человечество не испытало всех ужасов и последствий глобальной ядерной катастрофы.

И это уникальное свойство можно сформулировать достаточно прозрачно: на начальной стадии ядерная война в эпоху глобального биполярного противостояния имела обратимый характер.

Представьте себе войну с участием, как принято говорить, обычных видов вооружений. Пуля, выпущенная из винтовки, снаряд, выпущенный из дула

пушки, необратимо достигает своей цели. После начала войны и военных действий пулю и снаряд невозможно остановить или хоть как-то, каким-то образом воздействовать на него с целью изменения первоначально поставленной задачи. В этом смысле обычные войны имели необратимый характер. Само собой разумеется, в обычной войне определяющим и доминирующим фактором победы или поражения являются не столь осязаемые вещи, как винтовки и пушки, и с окончанием полета пули или снаряда война не заканчивается.

Но особенность ядерной войны, преимущественно глобального характера, в том и состоит, что основная стадия войны, как это ни тривиально звучит, протекает молниеносно и без разворачивания основных сил и сводится, по существу, к взаимному обмену ядерными ударами (я намеренно не учитываю сценарии затяжной ядерной войны из-за их излишней натянутости и применимости только в региональных ядерных конфликтах).

В то же время средства поражения (доставки) в ядерной войне, каковыми являются бомбардировщики и баллистические ракеты, могут переопределить свои первоначальные функции. Именно это обстоятельство и определяет такую важную характеристику атомной войны, как ее обратимость, и обратимость именно на начальной стадии уже начавшейся войны. Именно поэтому ядерные войны, начавшись по мере своего дальнейшего развития, не переходили в свою окончательную или финальную фазу. Только и только из-за присущего ей свойства обратимости.

В этом отношении можно еще раз констатировать, что ядерные войны не являлись какой-то гипотетической или потенциальной возможностью, а уже являлись, по существу, свершимся фактом. И в этом

отношении тезис об атомном оружии как об исключительно сдерживающем факторе, препятствующем собственно началу ядерной войны, теряет подавляющую часть своей самоценности. Есть все основания констатировать, что основополагающим фактором в ту эпоху служила другая, более реальная особенность ядерного оружия.

Таким образом, полномасштабной ядерной войны с завершенным циклом не произошло не потому, что доминирующую роль в предотвращении глобальной катастрофы играло свойство или способность ядерного оружия к «сдерживанию». Это полностью определялось совершенно другим, исключительным важным и уникальным свойством самой ядерной войны: ее обратимостью.

Но эта особенность ядерной войны не является универсальной. Я, собственно, оговаривался, что ядерная война была обратимой именно в эпоху глобального биполярного противостояния. И ее обратимости содействовали некоторые, скажем так, пространственно-временные характеристики и особенности глобального противостояния. В чем они состоят?

Во-первых, конфликтующие стороны были разведены на довольно значительные расстояния в несколько тысяч и десятков тысяч километров. Основные места базирования стратегических средств ядерного поражения находились, соответственно, в Западном и Восточном полушариях. Для того, чтобы ракетно-авиационный комплекс выполнил свою боевую задачу, ему требовалось по современным меркам достаточно протяженное время, в среднем 30–40 минут. Например, известной нам «Сатане» для того, чтобы покрыть «межконтинентальное» расстояние в 11 000 километров, требовалось 28–32 минуты. То есть, начиная со взлета и кончая

временем падения, проходило несколько десятков минут.

Кроме того, в эпоху глобального противостояния функционировала достаточно сложная и развитая система раннего оповещения и, главное, перекрестного подтверждения ядерного нападения.

Предварительный сигнал о ядерном нападении должен был получить многократное подтверждение, как с наземных систем предупреждения, так и с космических (спутниковых).

В результате в течение подлетного времени межконтинентальных баллистических ракет и стратегических бомбардировщиков перекрестные системы оповещения могли многократно и достоверно определить реальную степень опасности ядерного нападения. Даже в случае технической, электронной или человеческой ошибок, которые ввергали мир в ядерную войну, была возможность их исправления для предотвращения финальной стадии конфликта. Именно благодаря отмеченному свойству обратимости.

Это, несомненно, означает, что обратимость ядерной войны была исключительно прерогативой и свойством только и только глобального биполярного противостояния. В случае же непосредственной географической близости вероятного противника или даже общих границах, тезис о функции ядерного оружия как средства сдерживания теряет всякий смысл. В первую очередь, ввиду стандартной необратимости локальной ядерной войны из-за полного отсутствия специфики глобального противостояния.

Как можно заметить, ядерное оружие выполняло свою функцию сдерживания тогда и только тогда, когда его применение прямо зависело от политической воли руководства ядерной державой. Это

касается «пороговых» ядерных конфликтов. Самые известные случаи: Карибский кризис и Берлинская стена.

В этих случаях стратегическое и тактическое ядерное оружие было приведено в полную боевую готовность. Образно говоря, бомбардировщики уже находились в воздухе, люки ракетных шахт были открыты. Мир повисал на грани ядерной войны. Все зависело только от политической воли руководства. Но шифрованного приказа от ядерных чемоданчиков не последовало. Концепции «устрашающего» сдерживания и гарантированного взаимного уничтожения проявили себя с практической стороны. Здесь налицо только одна альтернатива: проявлять благоразумие или нет.

Но система обслуживания ядерного комплекса непрерывно и неуклонно усложнялась. Высокие электронные технологии пришли на смену автоматическим и полуавтоматическим системам контроля. Всякая система дает право на ошибку, ее усложнение к ошибке обязывает. Усложнение конструкции ядерной инфраструктуры неизбежно привело к тому, что ядерное оружие вкупе с электронной частью оборудования получило известную долю самостоятельности.

Система оповещения настолько усовершенствовалась и, соответственно, усложнилась, что в некотором смысле уже перестала зависеть только от политической воли держателей «чемоданчика».

Стремление максимально сократить время между внешним ядерным ударом и ответными мерами для нанесения ответного удара за счет интегрированной электронной схемы взаимодействия между системами оповещения и ракетными комплексами привело к тому, что возможность запуска ракет зависела не от поступления приказа, а от ошибок в

системе оповещения. В результате, отсутствие в этом звене политического решения командования вызывало то, что я называю, в отличие от «порога», «состоянием ядерной войны».

Во всех случаях ядерной войны недопущение финальной ее фазы было обусловлено своевременным задействованием человека, его способности к аналитической оценке ситуации, критическому восприятию и глубокому чувству ответственности.

Условно говоря, причинами ядерного конфликта могут служить или политическое решение, или неизбежные ошибки электронно-технической части ядерного комплекса. В первом случае, мир стоял «на пороге» ядерной войны. Во втором случае, мир стоял или «на пороге» ядерной войны, или «в состоянии» ядерной войны.

От глобального к региональному...

В чем специфика возможного ядерного противостояния на региональном уровне? В том, что концепция такого конфликта и сам его характер носят совершенно иной характер, чем во время глобального противостояния. В первую очередь, основная специфика стратегического локального противостояния двух смежных государств состоит в том, что возможный ядерный конфликт будет носить необратимый характер.

Стратегическим оружием в смежном конфликте, в отличие от глобальных стратегических МБР, являются ракеты малой и средней дальности с ядерными боеголовками. Их радиус поражения, 500–3000 километров, вполне достаточен для решения всех стратегических и тактических задач, связанных с применением оружия массового поражения. В то же

время подлетное время ракет малой и средней дальности существенно меньше подлетного времени межконтинентальных баллистических ракет. Оно составляет примерно от 2 до 5 минут, что почти на порядок меньше аналогичного показателя МБР.

В течение этого столь короткого времени совершенно невозможно исполнить весь тот сложнейший цикл действий, которые позволяли сделать возможный конфликт при глобальном противостоянии обратимым. Невозможна проверка исходного сигнала о начале ядерной агрессии со стороны «вероятного» противника.

Невозможно задействовать весь комплекс мер по перекрестной проверке и уточнению произошедшей ядерной атаки. Кроме того, в данном случае полностью исключается человеческий фактор в анализе ситуации и на уровне принятия окончательного решения. То есть именно все то, что представляло из себя специфику глобального противостояния.

Таким образом, региональный ядерный конфликт теряет, или просто не имеет, один важнейший параметр, позволявший до этого не допустить окончательную финальную фазу состоявшихся ранее «ядерных» войн – обратимость. Возможный ядерный конфликт на региональном уровне необратим и поэтому гораздо более вероятен его полномасштабный сценарий: от начала до конца.

Кроме того, в осознании сторон – участников регионального конфликта возможно возникновение иллюзорного и опасного чувства возможной победы на том основании, что кратковременность ядерного массированного удара не позволит противнику своевременно реализовать адекватный «акт возмездия». Малое подлетное время средств доставки, действительно, существенно снижает возможность нанесения ответного удара.

В большей степени, это связано с тем, что за столь ограниченное время в несколько минут трудно, а подчас и невозможно, осуществить весь комплекс мер для нанесения «мгновенного» ответного удара, то есть до окончания подлетного времени атакующих ракет. В меньшей степени это обусловлено тем обстоятельством, что здесь реализуется еще одна особенность регионального ядерного конфликта – комбинированность силового противостояния. Смежные границы не только позволяют, но и заставляют обе стороны одновременно действовать в процессе эскалации ядерного конфликта все виды вооружений – от атомного оружия до обычных видов вооружений. Малое расстояние между боевыми стратегическими целями, стационарными и мобильными комплексами для запуска ракет позволяет использовать для их уничтожения не только ракеты с ядерными боеголовками, но и достаточно большой парк баллистических ракет с обычными боеголовками. Если в стратегический план агрессивной стороны входит нанесение внезапного ядерного удара, то одновременно, в случае смежных границ, будет неизменно планироваться массированный удар обычными ракетами малой и средней дальности по ракетно-авиационному комплексу противника с целью его обезвреживания.

Массированная и комбинированная ядерная атака с малыми шансами противоположной стороны на адекватный ядерный удар делает концепцию превентивного удара приоритетной. Ввиду незначительных шансов на ответный удар обе стороны неизбежно приходят к необходимости именно превентивного удара для избежания тотального поражения своей территории оружием массового поражения со стороны «вероятного противника». Иллюзия победы

за счет именно превентивного, упреждающего нападения в процессе эскалации ядерного противостояния на региональном, локальном уровне также значительно повышает вероятность развязывания вооруженного конфликта с применением атомного оружия.

Трудно оценить, насколько больше вероятность ядерного апокалипсиса – при региональном или локальном противостоянии вероятности ядерного конфликта на глобальном уровне конфронтации. Ясно одно: различие на порядок.

Сдерживание: региональное вето

Многие страны, которые в настоящее время достаточно сильно влияют на мировую ситуацию и во многом определяют геополитические реалии на региональном уровне, оказались исключенными из важного процесса контроля и регулирования мировой арены.

Мир постепенно приходил к необходимости строить свои взаимоотношения не на «ядерной» или силовой основе, а на создании атмосферы доверия и уведомления. Но нежелание избавляться от «силовой» компоненты резко затормозило этот процесс.

Совершенно очевидно, что такое развитие ситуации в области мировой политики, строящейся без учета глобальных изменений, произошедших в течение (или в начале) последнего десятилетия двадцатого века, не могло устраивать многие как развитые, так и развивающиеся страны. Эта и ряд других мотиваций привели к созданию новой реальности – многополярному полиядерному миру.

Открытая демонстрация полиядерности стала объектом многочисленной и справедливой критики со стороны мирового сообщества. Устоявшаяся сис-

тема ценностей «взаимного устойчивого паритета» и полновесного сдерживания не смогла впитать новый качественный уровень ядерных отношений.

В то же время ряд обвинений критического характера, прозвучавший в адрес новых ядерных держав третьего мира, содержит в себе, на мой взгляд, «эффект бумеранга». Так уж получилось, что крупные ядерные державы подвергли критическому разбору новые «центры силы» на предмет тех опасностей, которые некогда они сами генерировали на международной арене.

В частности, как мне представляется, совершенно неуместны и неоправданны обвинения новых ядерных стран в отсутствии какой-либо культуры стратегии сдерживания, которая ведет к неумелому обращению с ядерным огнем. Отсутствие сдержанности, и тем более ядерной, само собой разумеется, ведет к тому, что политика размахивания ядерной дубинкой неизменно ведет к печальным результатам.

Но возможное отсутствие культуры сдерживания вовсе не носит фатального характера, как мы смогли убедиться на протяжении последнего полувека. Собственно ядерные «пионеры», ныне входящие в состав «Большой пятерки» ДНЯО, также не имели достаточно проработанной школы или культуры стратегии сдерживания на первоначальном этапе эволюции ядерного вооружения. Она формировалась постепенно и формируется до сих пор, пройдя через многочисленные этапы несдержанности.

Более того, многие из официальных ядерных держав до появления атомного оружия и постановке его на вооружение руководствовались совершенно другими военными концептуальными воззрениями и категориями и имели весьма смутные представления о «тонкостях» неприменения и вынужденного пацифизма ввиду ее отсутствия как таковой.

Наглядным свидетельством этому – «тротиловая» история крупных ядерных держав. Вплоть до второй мировой войны и создания бомбы западная военная мысль исповедовала «стратегию сокрушения», идейным выразителем которой стал Карл фон Клаузевиц. Идеальное воплощение стратегия получила в лице танкового генерал-полковника Х. Гудериана, полагающего, что расстояние между двумя географическими точками можно проложить кратчайшим путем с помощью прямого и сокрушающего железного клина.

Клин вышибли клином. Теоретики XX века поняли, что теория Клаузевица – это не только теория прошлого века, это сам прошлый век.

В период обладания этим оружием основной компонентой западных военных доктрин являлась возможность неотвратимого удара и нанесение неприемлемого ущерба. В этом смысл прагматической политики ведущих западных держав, направленной на невероятное увеличение боевой мощи ядерного оружия. Концепция устрашающего сдерживания, основанного на понятии «взаимного гарантированного уничтожения», держится на довольно простой предпосылке: чувство самосохранения гораздо более приоритетно, чем желание уничтожить врага. Эта предпосылка лежит в основе вынужденного пацифизма, как нападающего, так и обороняющего: напасть нельзя (внезапный удар), предотвратить нападение (превентивный удар) также опасно.

Но с дальнейшим развитием концептуальной теории ядерного оружия и осмыслением современной роли оружия массового поражения произошло смещение идейного содержания стратегического мышления с Запада на Восток.

В сферу ядерных отношений вошла концепция непрямого действия или «победы замыслом или намерением», идейным отцом которой выступил Сунь

Цзы, китайский военачальник и мыслитель, живший еще до нашей эры.

В основе восточной концепции сдерживания лежит предпосылка, что, независимо от количества и качества, ядерное оружие уже одним своим существованием служит необходимым и достаточным условием сдерживания...

Кроме того, необходимо учитывать что аргументы и доводы «Должны присоединиться к ДНЯО» или «Обязаны подчиниться ДВЗЯИ» совершенно неприемлемы и просто опасны. Долг мировых ядерных держав перед безопасностью человечества куда выше, чем долг нового ядерного мира. Крупные ядерные державы уже тридцать лет в рамках созданного ДНЯО как должны были избавить мир от ядерного оружия. Но этого не произошло. Произошло другое: ядерное оружие перестало быть предметом, который нужно давно уничтожить, но пока, мол, просто руки не доходят.

Ядерное оружие стало инструментом международной политики и аргументов в международных отношениях. Система международных отношений в какой-то момент перевернулась: не ядерное оружие — для мира, а мир для ядерного оружия. Оно стало просто вне политики и независимо от него. Атомное оружие уже давно не служит крупным державам, они служат ему. Мерой веса в международных отношениях стали бушели и баррели, а килотонны и мегатонны.

*От баланса сил
к ядерной самодостаточности...*

Действительно, логика развития международных отношений на ядерном уровне фактически привела к тому, что изменилась сама суть гонки ядерных вооружений. Точнее сказать, механизм гонки

вооружений до распада СССР действовал вне всякой логики и здравого смысла. Каждая из сверхдержав стремилась превзойти другую сверхдержаву в количественном и качественном отношении. И та, и другая сверхдержавы стремились не отстать от противника и на каждый прогресс в области военных ядерных технологий тут же отвечали своими собственными разработками.

В результате сложилась нелепая ситуация, ставшая, так сказать, притчей во языцех: США и СССР могли подвергнуть друг друга тотальному уничтожению несколько десятков раз! Само собой разумеется, что гонку вооружений подстегивало и наличие многочисленных союзников сверхдержав, образующих два антагонистических лагеря: НАТО и Варшавский Договор. Их также необходимо было учитывать в своих стратегических планах и держать на ядерном контроле. Но тем не менее ситуация сложилась абсурдная. Концепция «баланса сил» привела к откровенному анахронизму: огромное количество средств и человеческих ресурсов двух великих держав было затрачено на то, чтобы иметь возможность многократно ликвидировать не только военную силу противника, но и многократно уничтожить само государство. И фактически целые континенты. Безумная гонка ядерных вооружений порой напоминала идеальное воплощение известной апории Зенона. Парадоксальный философ и софист Зенон доказывал, что бегун никогда не догонит черепаху только потому, что, несмотря на то, что бегун пробегает относительно большое расстояние, за это время черепаха все равно покрывает хоть какой-то путь. Пусть даже очень маленький. И так до бесконечности. В результате, бегун в принципе не сможет догнать или перегнать черепаху. Кто черепаха, а кто бегун, собственно, не так уж важно. Важно, что США и СССР

играли бы в эту гонку до бесконечности, так и не догнав и не перегнав друг друга.

В общем, военная стратегическая мысль, так или иначе, пришла к выводу о том, что сдерживающим или умиротворяющим фактором является не пресловутый баланс сил, а само наличие ядерного оружия с соответствующим комплексом оповещения и средств доставки.

Концепция сдерживания, основанная на «победе замыслом» Сунь Цзы, нашла свое идеальное воплощение в виде «минимального достаточного сдерживания» в ядерных стратегиях КНР и Франции. Само собой разумеется, что, несмотря на то, что мысль о ядерном оружии как самодостаточном потенциале сдерживания культивировалась достаточно давно, только сейчас, в мультиполярном мире, концепция сдерживания, основанная не на балансе сил, а на ядерной самодостаточности, нашла свое практическое воплощение.

И как мне не без оснований кажется, именно эта простая мысль должна лежать в основе самой концепции ядерного разоружения в современном мире. Именно **побудительным мотивом разоружения должно стать не стремление к «минимизации» уровня ядерного паритета или баланса, а простое осознание и восприятие того факта, что само наличие атомного оружия, независимо от его количества и качества, является необходимым и достаточным условием, принуждающим потенциального противника к вынужденному пацифизму.**

Из этого можно сделать достаточно простой вывод о том, что таким образом значительно снижается проблема ядерной взаимозависимости. Несомненно, что вынужденная взаимная ядерная привязка играла роль сдерживающего фактора во всеобщем и полном разоружении.

От сдерживания к универсализации...

Если не считать того, что ядерное нападение является своеобразной формой распространения атомного оружия, то можно констатировать самый главный недостаток Договора о нераспространении ядерного оружия как системы обеспечения глобальной и региональной ядерной безопасности. Так, Договор не предусматривает каких-либо гарантий предоставления ядерной безопасности неядерным странам со стороны стран-депозитариев. Более того, понятие гарантии (кроме гарантий МАГАТЭ) вообще не входит в саму структуру Договора о нераспространении, несмотря на то, что условие компромиссной универсальности учитывает такие гарантии в неявной, но определенной форме.

Поэтому существенный недостаток Договора проявляется в том, что система гарантий ядерной безопасности не является составной частью международной глобальной и региональной безопасности.

Ядерные гарантии присутствуют только или в виде соответствующих резолюций ООН, или же в виде специальных соглашений и договоренностей. Как это было в случае с Казахстаном, который получил гарантии безопасности от ведущих ядерных держав на основе специального Соглашения.

Отсутствие гарантий особенно опасно в контексте новой роли ядерного оружия и его технической трансформации. Атомное оружие современности – это не просто «архаичное» устройство образца 1945 года, это целый ансамбль атомного и термоядерного оружия самых разных модификаций и видов для широкого круга задач. Оно постоянно эволюционирует и мутирует, приобретая самые разные формы и свойства, подчас совершенно неожиданные и чрезвычайно специализированные. Может быть, и не

собственно страны, а само ядерное оружие готовится к тому, чтобы суметь проявить себя с «лучшей» стороны во всех ситуациях и при всех обстоятельствах. Скажем, при очередном глобальном переделе мира на региональном уровне.

Тем более довольно легко заметить, что эволюция ядерного оружия вполне естественно вписывается в характер сложившихся на данный момент международных отношений.

Давайте попробуем представить себе чрезвычайно утрированную и во многом не совсем хронологически выдержанную, но весьма характерную аналогию самой эволюции ядерного оружия и ее взаимосвязи с системой международных ценностей: спасение человечества – первая атомная бомба малой мощности; возникновение противостояния – вторая атомная бомба; соревнование – водородная бомба; обострение отношений – сверхмощная термоядерная бомба; мирное сосуществование – уменьшение мощности водородных зарядов; пик холодной войны – нейтронная бомба; переговорный процесс – ослабление качества; спад биполярности – частичная ликвидация; мультиполярный мир – селективные ядерные бомбы, мининьюки, пучковое оружие с ядерной накачкой, атомные пенетраторы, сверхзвуковая ядерная шрапнель, чистая термоядерная бомба. И так далее...

Селективность, избирательность, значительное ослабление мощности ядерного оружия и его увод в сторону «экзотичности» и «специфичности» создают ложное впечатление о ядерном оружии как обычном оружии для решения обычных стратегических и тактических задач на любом уровне конфронтации. Самое опасное, что видится в этом, — снятие психологического барьера на его применение.

Когда одного общественного деятеля после пер-

вой мировой войны спросили, когда будет вторая, он ответил: через двадцать лет, когда вырастет новое поколение, не знающее ужасов первой мировой войны. После второй мировой войны выросло уже два поколения, которые не знают, что такое война. С момента трагедии Хиросимы и Нагасаки прошло столько же. Угроза тотального уничтожения постепенно вытесняется из сознания угрозой от неприменения ядерного оружия и формированием эффекта привыкания к нему.

В чем проявляется опасность унификации и универсализации ядерного оружия? В том, что стратегия целенаправленного ядерного сдерживания постепенно трансформируется в стратегию расширенного сдерживания и в том, что стратегия сдерживания постепенно размывается на более низкие составляющие.

Во всех многочисленных конфликтах, в которых участвовали крупные ядерные державы после окончания второй мировой войны, как правило, не рассматривалась даже гипотетическая возможность применения ядерного оружия. В локальных конфликтах государства, совершавшие агрессию против союзника какой-либо ядерной сверхдержавы, не опасались с ее стороны неадекватного удара.

По умолчанию было принято, что даже если в локальном конфликте опосредованно или неопосредованно задействована ядерная держава, то, независимо от ситуации в зоне конфликта, не было даже речи о применении атомного оружия. Мы, конечно, не рассматриваем гипотетические варианты возможного использования. Северная Корея, выйдя за 44-ю параллель и зная о союзнических обязательствах США перед Сеулом, явно не опасалась ответного удара с применением ядерного оружия. Таковы были правила игры: действие должно быть

равно противодействию. Тем более что ядерный тыл был обеспечен.

Но эволюция ядерного оружия не остановилась. Стратегическое оружие стало более эффективным по совокупной мощности и системам доставки. Тактическое же ядерное оружие постепенно не только существенно модернизировалось, но и значительно расширило сферу своей компетенции.

Наступил качественный переворот: оно стало предметом, активной компонентой обычных средств вооружений. Средствами доставки ядерного оружия стали не только межконтинентальные баллистические и крылатые ракеты, подводные лодки и шахтные комплексы, но и обычные истребители и даже пушки. Сфера размещения тактического атомного оружия стала универсальной.

Рекогносцировка ядерных боезарядов, связанная с их перемещением с межконтинентальных баллистических ракет на снаряды пехотных дальнобойных орудий, в корне меняет представление о характере локальных войн, которые, возможно, будут проводить крупные ядерные державы. И здесь, как мне представляется, возникает новая категория атомного оружия как средства сдерживания.

Стратегической и тактической задачей ядерного оружия становится не сдерживание возможного «взаимного гарантированного уничтожения», а «тотальное» или «окончательное предупреждение» противника, независимо от его ядерного или неядерного статуса.

Тотальное предупреждение понимается просто – это ситуация, когда неизбежен гарантированный ядерный контрудар баллистической ракетой, пушечным снарядом или сброшенной бомбой, независимо от того, пользуется вероятный агрессор обычным видом вооружений или ядерным оружием.

Это означает, что на неадекватное нападение всегда и при всех обстоятельствах следует адекватный ответ: атомный специализированный или экзотический боезаряд высокой или малой мощности.

Особенно наглядно эта тенденция подтверждается намерениями разбить одну большую «красную кнопку» на десятки и даже, может быть, сотни маленьких «красных кнопок». И передать их на более низовой уровень командования, в части тактического назначения. Где, в зависимости от оперативной обстановки и поставленной боевой задачи, командирский состав будет в самостоятельном порядке решать вопрос о применении тактического ядерного оружия малой мощности.

Из этого следует, что оснащение ядерными боеголовками малой мощности обычных средств вооружений автоматически означает, что если по каким-то причинам ядерная держава будет вовлечена в конфликт даже на самом малом уровне и против какой угодно страны, рано или поздно использования ядерного оружия избежать не удастся. Война не приемлет каких-то правил и, думаю, многие военачальники не устоят перед соблазном нанести в решающий момент ядерный удар по противнику, обеспечив себе тем самым победу.

Это касается всех форм возможного применения: от тотального поражения территории враждебного государства до «хирургических» ударов по скоплению противника на обычном поле боя. От большого к малому, от недозволенного к вседозволенности – такая эволюция атомного оружия, следствие его универсализации.

Сфера применения ядерного оружия может расширяться. Давайте вспомним, в биполярном мире стратегические концепции предусматривали использование ядерного оружия только против основного

вероятного противника. В наше время сфера применения ядерного оружия расширилась, по крайней мере, в несколько раз. Таких сфер применения можно выделить, по крайней мере, три.

Первая, основная сфера – применение «военного» атома против основного «вероятного противника», естественно, остается.

Вторая – ряд стран «третьего мира», которые или проявляют ядерные амбиции, или уже стали ядерными державами, или же могут при изменении внешних обстоятельств достаточно легко реанимировать свои предыдущие атомные проекты.

В первом случае предусматривается использование ядерного оружия как предупредительной или превентивной меры по схеме: или нанести мощный предупредительный удар, или уничтожить ядерные объекты ядерным оружием.

Во втором случае рассматривается возможность локального одиночного или серийного применения тактического ядерного оружия при конфликтной ситуации с ядерной державой «третьего мира».

И, наконец, третья – появляется опасная возможность использования ядерного оружия против негосударственных субъектов. Независимо от того, на чьей территории они находятся. Скажем, экстремистская группировка совершила очень крупный террористический акт. Если пострадавшая страна посчитает, что ей нанесен «неприемлемый ущерб», то она, используя одну из разновидностей тактического ядерного оружия, может нанести ответный удар с расчетом гарантированного тотального поражения источника индивидуальной или групповой угрозы. Может быть, даже без уведомления правительства той территории, на которой находится источник террористической угрозы.

Таким образом, возникает огромная опасность,

которая проявляется в том, что исчезает фактор неопределенности потенциального агрессора по поводу парадигмы: будет применено ядерное оружие или нет. Система атомизации обычного вооружения, в конце концов, приведет к тому, что неядерные государства не будут иметь даже потенциальных намерений производить разведку боем на предмет его применения. В этом отношении агрессию С. Хусейна образца 1990 года можно рассматривать именно как разведку боем относительно адекватных шагов «условного противника» Ирака. Сам Хусейн, разумеется, не исключал возможность применения против него атомной бомбы в случае дальнейшей эскалации конфликта в Персидском заливе. Но фактор неопределенности оставался и в этом случае.

Атомизация же обычного вооружения полностью устраняет фактор неопределенности, как его можно понимать в этом смысле. А при наличии локального права выбора оружия, «атомный» ответ или упреждающий удар последует незамедлительно и безоговорочно.

Сейчас нет смысла рассуждать о том, хорошо или плохо реальное воплощение концепции ядерного сдерживания на «индивидуальном» уровне. Но, несомненно, вероятность задействования универсального тактического атомного оружия в качестве меры «наказания», «предупреждения» или «обезвреживания» многократно возрастает.

Стратегия сдерживания постепенно смещает свой центр тяжести к варианту «стратегии сдерживания с частичной занятостью» ядерного оружия на региональном, групповом и индивидуальном уровнях.

Таким образом, некогда фактор сдерживания обеспечивался стратегическим ядерным вооружением. «Частичная занятость», в свою очередь, будет

обеспечиваться единовременным или предсказуемым использованием высокоточного ядерного оружия: маломощные заряды типа прецизионной ядерной боеголовки с мощностью несколько тонн тротилового эквивалента с лазерным наведением, диаметральные бомбы, радиочастотные бомбы, скальпельные боезаряды и многие другие представители все еще не исчезнувшей ядерной флоры и фауны.

Это означает только одно: опасность не только там, где ее ищут, не меньшая опасность там, откуда ищут ее.

От биполярности к биполярности

Я далек от мысли и намерений основательно и подробно разбирать современные многочисленные теории будущего глобального устройства или переустройства мирового порядка и динамики геополитических процессов.

Отдавая должное глубине затрагиваемых вопросов и научным знаниям авторов известных геостратегических концепций, должен отметить, что, к сожалению, все они ограничиваются или прогнозами гибели мира, или опровержением этих прогнозов.

Из этих прогнозов часто следует, что какая-то сверхдержава останется сверхдержавой, если будет слушаться такого-то политолога-аналитика, или перестанет быть таковой, если какая-нибудь другая держава вздумает посмотреть налево, а не направо или воспользоваться услугами другого политолога-аналитика. И речь идет зачастую даже не о самом уровне аналитики наподобие: «Если страны А и Б подружатся друг с другом, то стране С в регионе делать нечего. А если они поссорятся друг с другом,

то в регионе можно сформировать равносторонний треугольник АБС». Не только.

Углубление в теоретические недра создает впечатление, что некоторые аналитики-футурологи основывают свои прогнозы не на логике, а на кофейной гуще. И прав, и велик будет тот «теоретик», чье мнение случайно совпадет с будущей суровой действительностью.

Особенно максимальный уровень абсурдизма «достигнут» в некоторых концептуальных теориях ядерной стратегии и тактики. Несмотря на толстые борозды околонучных теоретических построений, здесь еще огромный слой невспаханной почвы для логичного и алогичного распутывания ядерного клубка.

Возьмем, к примеру, понятие «приемлемого ущерба». Если избавиться от словесной мишуры, то смысл концепции «приемлемого ущерба» означает, что стратегическая победа в ядерном конфликте с предварительной оценкой степени «приемлемости» или «неприемлемости» гражданских и военных потерь абсолютно обеспечена, так как мы победим в большей степени, нежели противник. Скажем, из 100 миллионов при «приемлемом ущербе» останется около 40 миллионов, в то время как мы нанесем противнику «неприемлемый ущерб», при котором из 100 миллионов населения условного противника останется 10 миллионов. Можно начинать ядерную войну?

Допустим, в результате конфликта с государством, имеющим крайне слабое ядерное вооружение, допущено нанесение ответного, единственного успешного ядерного удара по столице. Можно ли считать «приемлемым ущербом» уничтожение столицы и гибель ее многомиллионного населения? Не позаиводовал бы я тому стратегу, который бы стал успо-

каивать жителей этой столицы в случае возможности малой ядерной войны тем, что это, мол, вполне приемлемый ущерб.

Конечно, существует много геостратегических и геополитических факторов, их можно привести сколько угодно и какие угодно, но тем не менее доказательств не требует только одно утверждение: все так называемые ядерные стратегические и тактические концепции – это издевательство над здравым смыслом и сплошная казуистика. Но от этой казуистики зависят судьбы Человечества. Не слишком ли разные весовые категории между «приемлемым ущербом» и миллионами мирных людей?

К счастью, главы государств в своей политике руководствуются не отвлеченными теоретическими, а, прежде всего, практическими соображениями. Они обязаны понимать, что мир гораздо сложнее любой самой толстой и признанной монографии, и после (не дай Бог, ядерного) сигнала «Game over» политическую игру невозможно будет начать сначала, с нулевой отметки времени.

Но все это, конечно, условность. Однако сделать некоторые замечания по поводу тенденций в области обеспечения режима глобальной и региональной безопасности необходимо.

* * *

Теоретические пожелания часто рушатся под напором однобокой реальности. Проявление же этой действительности состоит в возникновении новой реальности – мультиполярного ядерного мира с образованием двух систем из официальных ядерных держав и ядерных стран Движения неприсоединения.

Однополярность довольно скоро придет в упадок, так как возросшее число региональных держав и их

четкая независимая и весьма своеобразная внешняя политика вряд ли способствует возникновению культа абсолютного авторитета только одной, пусть даже глобальной, сверхдержавы. Возрастающий военный и экономический потенциал какой-либо региональной сверхдержавы автоматически ослабляет позиции других крупных ядерных держав в данном регионе. Цепная реакция образования целого ансамбля региональных ядерных держав неизбежно приведет к тому, что их доминирующее влияние и абсолютный авторитет рано или поздно сузятся до пределов границ их непосредственного влияния.

Даже при том, что совокупный силовой потенциал «Большой пятерки» будет неизмеримо выше соответствующего потенциала отдельной региональной державы или сравним с совокупным военным потенциалом отдельного регионального блока.

Но, как показывает динамика развития отдельных стран, это временное явление, особенно если перед обществом-нацией ставится задача сверхнормативного усиления военной составляющей. В результате, понимая невозможность тотального распространения своего влияния, отдельные региональные «центры силы» могут вообразить, что, по крайней мере, достижение хотя бы отдаленного военного паритета – вещь достижимая и будут прилагать для достижения этой гипотетической цели соответствующие усилия.

Таким образом, с точки зрения международного права, мировой баланс достигается за счет существования двух категорий стран, обладающих ядерным потенциалом. С одной стороны, это страны, имеющие ядерное оружие и соответствующий ракетно-авиационный комплекс де-юре и де-факто. И, с другой стороны, целый ряд стран, обладающих ядерным потенциалом де-факто.

К первой категории относят ядерные державы – участницы и инициаторы Договора о нераспространении, а именно: США, Российская Федерация, Китай, Франция и Великобритания. То есть страны, имеющие ядерное оружие де-юре и де-факто (в рамках Договора).

Ко второй категории относятся страны, имеющие ядерное оружие, но не являющиеся участниками Договора о нераспространении, а именно: Индия, Пакистан, Израиль. То есть неприсоединившиеся страны, которые, обладая ядерным оружием, входят в противоречие с Договором о нераспространении. В перспективе к этому ядерному блоку может примкнуть ряд «пороговых» стран, например, Бразилия, Северная Корея, Ирак, Иран и т.д.

Сейчас нет особого смысла подробно говорить об условности такой классификации и тем более попытке противопоставить эти две категории друг другу. Конечно, с одной стороны, очевидна несоразмерность ядерных потенциалов этих двух блоков: «договорного» и «неприсоединившегося». Вряд ли в ближайшем будущем ядерный потенциал неприсоединившегося блока достигнет хоть приближенного паритета с соответствующим потенциалом договорного блока. Это касается и обычных видов вооружений.

* * *

Но все это, повторяю, в ближайшем будущем. В перспективе же неизбежно возникнет ситуация, когда, если так можно выразиться, разность «ядерных» потенциалов двух перечисленных блоков, ДНАО и ДН, существенно сократится. В достижении ядерного паритета существенными факторами будут следующие:

1. Продолжающиеся процессы по ограничению

ядерного оружия между основными носителями ядерного оружия – США и России – в рамках взаимных Договоров СНВ-3;

2. Одностороннее ядерное разоружение одной из ядерных членов ДНЯО из-за причин социально-экономического характера и приводящего к уменьшению ядерного потенциала ДНЯО;

3. Невозможность дальнейшего расширения и ядерной экспансии среди стран-участников Договора о нераспространении в случае их твердой приверженности основным принципам Договора;

4. Раскол участников ДНЯО в силу вновь возникшей геополитической ситуации, в результате которой отдельные достаточно развитые страны могут прийти к необходимости обладания тактическим ядерным оружием, что повлечет их автоматический выход из ДНЯО;

5. Продолжение локальной гонки ядерных вооружений между Индией и Пакистаном, основными носителями ядерного оружия Движения неприсоединения;

6. Возникновение новых ядерных держав, в настоящий момент являющихся «пороговыми» и «предпороговыми» странами и не связанными Договором о нераспространении или потенциально не связывающими свое будущее с дальнейшим членством в ДНЯО;

7. Приближение ряда стран ДНЯО к пороговому уровню.

В этом свете Договор о нераспространении вряд ли доживет до своей следующей «бессрочности» и будет выглядеть своего рода анахронизмом современной ситуации и реликтом прошлого века.

Таким образом, можно констатировать, что объективно ранее сложившееся биполярное ядерное противостояние «НАТО–Варшавский договор» сме-

нится биполярным ядерным противостоянием ДНЯО – ДН с кратковременным «мультиполярным» периодом урегулирования внутренних противоречий, численного дисбаланса и постепенного достижения однопорядкового атомного паритета.

В этом случае процесс всеобщего разоружения затормозится надолго, если не навсегда. Психология блокового противостояния всегда будет довлеть над разоружением, так как реальное сокращение атомного потенциала и коллективная ядерная безопасность невозможны при существовании крупных военно-политических союзов и блоков или потенциальной возможности таковых.

* * *

Смещение акцентов с достижения полной универсальности ДНЯО на его «бессрочное и безусловное» продление коренным образом изменило режим глобальной и региональной безопасности.

«Вечность» ДНЯО наглядно продемонстрировала, что в обозримом будущем ядерное оружие не перестанет быть мощным и действенным инструментом в международной политике. Наглядно было показано, что процесс совершенствования ядерного оружия в ближайшем будущем остановить не удастся.

Подвижки в сторону универсальности, продекларированные на Конференции 1995 года, так и не приобрели зримые и конструктивные формы. Более того, был совершенно проигнорирован фактический ядерный статус некоторых стран Движения неприсоединения. «Вечное» решение наглядно показало, что динамичные процессы развития и установление новых экономических пропорций на мировой арене явно не вписываются в консервативную структуру ДНЯО образца 1968 года.

Но обеспечение действующего механизма региональной безопасности невозможно без его универсальности. Именно универсальная система безопасности способна решить двуетапную задачу: задачу обеспечения глобальной и региональной безопасности.

С учетом данных обстоятельств можно констатировать, что для обеспечения более эффективного режима глобальной и региональной ядерной безопасности **необходимо создание нового универсального Договора о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении ядерного оружия.**

Договора, который бы полностью отвечал принципу универсальности, учитывал возникновение новой реальности и эволюцию ядерного оружия.

Концептуально такой Договор строился бы на всеобщей и безусловной универсальности. То есть должна быть реализована такая форма разумного компромисса, чтобы абсолютно все страны были бы включены в переговорные процессы.

Сокращение ядерных вооружений в рамках нового Договора должно проводиться не на паритетных, а на пропорциональных началах. Сила и мощь современного ядерного оружия таковы, что глобальную угрозу представляет не его количество, а само наличие ядерного оружия. В пропорциональной схеме сокращению подвергается атомное оружие всех стран с соответствующим «ядерным потенциалом».

В случае паритетного сокращения часть уничтожаемого оружия одинакова и не зависит от его количества у соответствующих сторон. В пропорциональной схеме вводится понижающий коэффициент, в соответствии с которым происходит сокращение ядерного оружия. Скажем, у государства А на вооружении состоит 1000 единиц ядерного оружия. У государства Б – 500 единиц.

При понижающем коэффициенте, равном 2, у государства А станет 500, а у государства Б – 250 единиц ядерного оружия. То есть обе страны сохранили ядерное оружие, но та, у которой больше ядерного оружия, также сокращает его намного больше. Подобная схема касается также средств доставки атомного оружия в зависимости от его класса.

При этом, с финансовой точки зрения, при такой схеме соблюдается справедливая пропорция расходов по уничтожению ядерного оружия.

Договор должен содержать развернутое и однозначное понятие горизонтального и вертикального расширения и, безусловно, включать их в качестве приоритетных статей по аналогии со статьями 1 и 2 ДНЯО.

Понятие горизонтального нераспространения недвусмысленно и, безусловно, должно накладывать запрет на все возможные формы ядерного распространения, как-то: передача ядерного оружия и расщепляющихся материалов оружейного значения, продажа ядерного оружия третьим странам, передача ядерного оружия на договорной основе, размещение ядерного оружия на чужой территории, прочие формы распространения.

Вертикальное распространение должно подразумевать, что страны – обладатели ядерного оружия обязаны не проводить усовершенствование (качественное распространение) и увеличение совокупной мощности (количественное распространение) ядерного оружия.

Ведь любое, даже самое мотивированное, вертикальное распространение ядерного оружия неизбежно приводит к его горизонтальному распространению. Дерево растет вверх, но одновременно его крона и листва все больше и больше заслоняют окружающую землю.

В качестве предпосылок для принятия нового универсального Договора о вертикальном и горизонтальном нераспространении ядерного оружия необходимо найти разумные компромиссы для привлечения всех стран мира (как официальных и неофициальных ядерных стран, а также неядерных государств) к процессу его подготовки.

Конструкция безъядерного мира

Мир XXI века стал многополярным. Стал полиядерным. Система глобальной и региональной безопасности осталась прежней. Мы вошли в новый век, захватив с собой мышление старого.

«Страусиная» политика и нежелание сдавать наработанные «атомные» позиции может привести нас к новому, глобальному, уровню ядерной конфронтации. Но самая большая опасность в том, что мы прикладываем свои силы не к тому, чтобы пойти по безъядерному пути, а к подготовке к новому витку противостояния.

Гипотетические сценарии ядерных конфликтов перешли в разряд стандартных схем разрешения региональных и локальных конфликтов. Если человечеству нужен суровый урок, то назревает реальная опасность, что он будет преподан. Но необходимо ли это? Только ли печальный опыт есть руководство к действию? Надеюсь, нет!

Выбор, в общем-то, невелик. Или, наконец, реальное и конкретное всеобщее ядерное разоружение или, рано или поздно, ядерный Апокалипсис на региональном и затем на глобальном уровне!

Потенциал коллективных усилий не исчерпан. Наоборот, самый рациональный путь в процессе построения всеобщего режима глобальной и региональной безопасности лежит не только в пре-

одолении «силового» мышления. В его основе тривиальная, но самая действенная схема – ценность и самооценность жизни Человека и Человечества. Не многократно поражать, а многократно умножать атмосферу доверия, взаимопонимания и мирного урегулирования.

Каждый решает эту задачу по-своему: или да, или нет. Или искусственная конфронтация, или естественный пацифизм.

Наша суверенная республика, Казахстан, также решает эту задачу, сообразуясь со своими представлениями и истинностью намерений.

У нас свой путь конструкции безъядерного мира: реальные шаги на пути к мирному будущему и концепция взаимного доверия и «бессрочного и безусловного» мирного урегулирования. Казахстан, уникальная страна мира в системе международных ядерных отношений в рамках ДНЯО и в режиме международной безопасности, одновременно имеет право обладать ядерным оружием и в то же время не имеет прав на его обладание! В этом парадокс нашей эпохи и осознанного выбора в пользу мира и ненасилия.

Начало нового тысячелетия – десять лет нашей независимости. Десять лет, которые сконцентрировали в себя классический многовековой и даже тысячелетний путь становления многих государств мира. Десять лет временного коллапса, в течение которого мы прошли путь от полностью тоталитарной системы хозяйствования до многоукладной экономики, от абсолютно идеологизированного к открытому и свободному общественному сознанию, прошли путь от страны с огромным ядерным потенциалом до государства, полностью свободного от ядерного оружия.

Люди перестали мыслить шаблонами, отброси-

ли иждивенческие настроения и почувствовали себя полноправными членами открытого общества, идущего по пути становления и развития демократических ценностей и институтов.

Только одно осталось неизменным – гражданский мир и общественное согласие. В основе нашего миропонимания – принципиальная невозможность эскалации конфликтов на территории Казахстана. Императив мира и бесконфликтности нашей страны возведен в ранг государственной политики.

Образно говоря, я искренне рад, что ни одна из классических и современных теорий глобальных и локальных конфликтов уважаемых мною стратегов и ученых-политологов не нашла своего практического воплощения на казахстанской земле. В этом особенность нашего казахстанского мировосприятия, в этом наша народная мудрость.

Пресловутый ядерный вариант Казахстана полностью уничтожал самосознание казахстанской нации как миролюбивого и здравомыслящего народа. Наша древняя культура устного мифотворчества «страдает» только одним недостатком – полным отсутствием даже возможности апокалипсического сценария будущего мироустройства...

Наша внешняя политика – это политика срединного государства евразийского суперконтинента. Это политика «трех колец» территориальной безопасности и упреждения внешней угрозы.

Первое кольцо безопасности – многовекторная политика, в силу которой Республика Казахстан не имеет каких-либо претензий ни к одной стране мира и постоянно проводит политику мирного урегулирования существующих и возможных претензий со стороны внешних государств.

Второе кольцо – участие в Договоре о нераспространении ядерного оружия, в силу которого мы, как

безъядерное государство, имеем конкретные гарантии безопасности со стороны внешней ядерной угрозы.

Третье кольцо – собственный достаточный военный потенциал и участие в целом комплексе оборонных блоков и соглашений с приграничными государствами.

Мы оставили ядерные доспехи в прошлом веке. Настоящая сила и мощь государства и этноса не во всеобщей демонстрации таковых, а в их «неприменении». Это стержень нашей государственности, народной мудрости и, наконец, национальной идеи:

«ПЕРМАНЕНТНЫЙ МИР – основа социально-экономического прогресса, следствие межэтнической лояльности, фактор глобальной и региональной интеграции»

Нет и не может быть счастливого будущего у страны без крепкого и основополагающего мира, как необходимого элемента становления национальной экономики, традиционного межнационального согласия и добрососедских и взаимовыгодных отношений с другими странами.

ЭПИЛОГ

За свою жизнь мне посчастливилось повидать мир, побывать во многих частях и уголках света. Человек может знать историю всех семи легендарных чудес света, но не знать самое главное и настоящее чудо: мир во всем его многообразии. Современный Токио, удивительным образом сотканный из чудного переплетения древних традиций и «техно-тронного» ландшафта. Шумный и пестрый Нью-Йорк, в котором, словно в аквариуме, можно увидеть жизнь всех стран и народов. Блистательная панорама Вены, словно материальное воплощение музыкальной гармонии Моцарта. Утопающий в жарком мареве тропического солнца, многоликий и многолюдный Дели. Вовсе не чопорный и степенный, а красочный и жизнерадостный Лондон... Словом, весь мир на ладони...

И вот что я заметил: среди всего этого разнообразия достопримечательностей и памятников культуры, дворцов и хижин, дорог и площадей, фасадов и дворов жилых и служебных зданий, башен храмов, телецентров и строительных кранов, одно одинаково везде: шумливо играющие, беззаботные и озорные дети. Дети, еще не создавшие себе проблем и наивно полагающие, что мир, так же, как и атом, неделим.

Кроме обязательных ежегодных встреч, я много езжу по стране и почти ежедневно общаюсь с соотечественниками, а в дни каникул лучших учеников школ приводят на экскурсию во Дворец Президента. Иногда мне удается незаметно издалека понаблюдать за естественным поведением мальчишек.

Вот и сейчас, из своего кабинета мне видно, как одна такая ватага держит совет невдалеке от ажурной металлической изгороди моей резиденции.

Один невысокий мальчишка, по-видимому, душа компании, что-то доказывает остальным ребятам, которые смотрят на него чуть ли не раскрыв рот. Наконец, заводила, так и не убедив остальных, отделился от компании и, сунув руку за пазуху рубашки, побрел в сторону изгороди. Проводив его взглядом, остальные вдруг вскочили и, не дожидаясь товарища, с криками побежали куда-то. По лицу смельчака было видно его волнение. Достав что-то белое и округлое, мальчик с размаху запустил его поверх решеток изгороди и тоже бросился наутек.

Но по замедленному, словно в рапидной съемке, и короткому полету предмета было видно, что это не камень и даже не теннисный мяч. «Сходи-ка посмотри, что там», — отправил я одного из сотрудников, и вскоре тот принес скомканный лист бумаги с записью на внутренней части, начинавшейся словами «Президенту!...». Письмо было с подписью, и оставалось лишь догадываться о столь оригинальном способе его доставки...

Мир живет и познает себя по закону утрачивания иллюзий. У каждого из нас свои счета с этими призраками реальности, своя биографически окрашенная драматургия высвобождения из-под власти обманчивых впечатлений. Но прозрение неотвратимо, какие бы шутки не затевало с нами наше восприятие, ситуативно изменчивое и субъективно избирательное. И чем раньше оно наступает, тем больше шансов на спасение через исповедальное «жили не так, думали не так...» Но до того, как на чаше судебных весов все золото мира померкнет в свете непреходящих истин о счастье: жить в здравии, сознании, труде, любви и мире с Создателем, самим собой и себе подобными, наши оплошности — как серп, позабытый в траве на горе чьим-то босым ногам, — могут навредить не одному человеку, а то и

вынудить хромать все человечество. Тем более что, как горько пошутил «отец» американской водородной бомбы Эдвард Теллер, «люди настолько изобретательны в своих ошибках, что предусмотреть все эти ошибки просто невозможно».

«Если эпоха исхитрилась лисицей, обернись борзым псом и подсеки ее бег», – задолго до великих гуманитарных «открытий» Мишеля Фуко и Мартина Хайдеггера сформулировано казахским фольклором, в котором для земного бытия регулярны такие нелестные определения, как «ошибка творения», «имущество без гарантий» и «лукавейший из миров».

В этом смысле «умерший» в своих календарных границах XX век обнаруживает большее сходство не столько с историей, размеренно протекающей в берегах времени и пространства, сколько со стохастическим гейзером человеческого сознания, разрывающим, изрезающим и вновь лепящим пространство и время, сообщая границы и термины, объемы и сечения их хаотическому разбросу. Но вот загадка: вопреки целенаправленности «активированной» разумом Истории, «пассивное» Время-Пространство все норовит, и небезуспешно, выскользнуть, вывернуться, переломиться в, казалось, схвативших его руках, чтобы продолжить свое бессмысленное и совершенно не прагматичное, разгульное блуждание.

В силу этого фокуса на рубеже XX–XXI веков глобальное сообщество вновь оказалось в ловушке между двумя породами своего отношения к действительности: представлениями, отражающими реальность, и представлениями, конструирующими реальность.

Как предвосхитивший, так и обманувший многие ожидания, XX век вообрал в себя первооткрытие ядерной эры в истории планеты, что только усугу-

было его преисполненность интригами, шоками, исключительными происшествиями и неслыханными событиями.

События эти разнятся своей локальной, региональной или глобальной значимостью, но сводка результатов вполне позволяет обобщить главное содержательное свойство первого ядерного века: его лейтмотивом и пружиной стал конфликт между вещью и ее упаковкой, между сущностью политической реальности и ее внешними проявлениями.

Пространственно-временной хаос и в XX веке не преминул посмеяться над самонадеянными, самозванными «творцами» и «авторами» Истории: к исходу столетия ее песочные часы посмели перевернуться неимоверным, никем не ожидавшимся раскладом «песчинок». В этой перевернутой конфигурации явление изначально вело себя ложно и псевдологично и металось из одной крайности в другую. Но до финального занавеса должен был произойти тот самый перелом, который обнажил бы сущность происходящего, раскрыл подлинную суть действующих лиц и обстоятельств, объяснил качество произошедших изменений и предложил подобие нормализации процесса.

Если нынешнюю земную цивилизацию мы характеризуем как антропную и техногенную, а ее «программный код», «непременную миссию» и «модус выживания» усматриваем в энергетических исканиях человечества, то главной сюжетной сцепкой XX века, по всем признакам, оказывается открытие ядерных материалов и технологий, обстоятельства и последствия борьбы за обладание ими.

В условиях межгрупповых, а тем более межцивилизационных конфликтов миф «Мы – хорошие...» подогревает внутри каждого из общества тягу к героизации, имеющей, впрочем, странное свойство

быть незаметной в апогее экстремальной ситуации и пышно расцветать в периоды до наступления и, особенно, по миновании той самой «пограничной», «судьбоносной» ситуации.

Схватка биполярного мира тоже наделялась героико-романтическими идеалами и мотивами. Но ни героического эпоса, ни рыцарского романа из этого не получилось. Ближе к концу спектакля витязи куда-то подевались: не то они договорились полюбовно, не то они распродали доспехи и затерялись в толпе в поисках хлеба и зрелищ. И, быть может, застигнутые врасплох историки погорячились с объявлением «конца Истории», но смешение жанров вместо их повременной мены – здесь налицо.

«Два дела особенно трудны: писать лексикон и грамматику», – когда-то мудро заметил Готфрид Германн, и это его завещание действительно не только для лингвистики. Убоявшиеся этой ноши просто обречены на деградацию, косноязычие и непонимание. В наши дни анахронические образчики фразеологии «холодной войны», а то и более древних и варварских состояний встречаются в изобилии.

И среди жителей XXI столетия есть такие, слух которых вовсе не коробит высказывание вроде «Мир – наше главное завоевание». И дело здесь не в пороках образования, а в сознательности допущения и безотчетной убежденности, что мир, видите ли, достигается посредством войны, а война, ни много ни мало, есть инструмент утверждения мира. Дело в малодушном нежелании, поднявшись из согретой постели вчерашних снов, шагнуть в отрезвляющий холодок наступившего утра.

Феномен «стадиальных» контрастов и «дыр во времени» проявляется и в том, что если в «пороговых» и странах – юниорах «ядерного клуба» своих новонародившихся ракетно-бомбовых отцов чувству-

ют как национальных героев, то в старших ядерных странах и, особенно, в странах, так или иначе пострадавших от атомных катастроф, уже осознали неприемлемость положения Клаузевица о войне как продолжении политики.

Но даже во вставших на путь сокращения угрозы государствах есть гнушающиеся ловить «мух» «орлы», которых народная молва с большой охотой уподобляет котам, не ловящим мышей.

«Уходя, закрывайте эпоху!» – впору напомнить тем, кто, не стесняясь выглядеть беглым музейным чучелом, пытается навязать современности свои не подлежащие реставрации взгляды.

Достойная Прокруста манера мыслить консервативными категориями и видеть мир черно-белым не изжита в большой политике и поныне. Странно наблюдать, как целые армии политиков, дипломатов, экспертов, журналистов, как убежденных седидами, так и совсем юных, новейшие явления, события, факты и тенденции рассматривают сквозь помутневшие призмы, давно выработавшие свой ресурс. Это сгущает тьму и в морально-психологическом климате, когда спорящие стороны смотрят, но не видят, проносят, но не говорят, слушают, но не слышат, соприкасаются, но не ощущают, и их аргументы обращены мимо друг друга...

Своей безъядерной практикой Казахстан не только создал искомое эффективное средство политического общения, но успешно демонстрирует его функциональность, хотя сейчас мы можем освидетельствовать только начало этого пути.

При этом концептуальная и модельная привлекательность Казахстана в том, что, отрицая отрицание (в обиходе называемое разрушением, потерями и смертью), мы говорим не о том, **каким не должен быть современный мир** (для этого есть

трактирные политологи и словоохотливые таксисты), а о том, **каким он должен быть**, и подкрепляем это сводкой опробованных на себе схем, ориентиров, эталонов и метрик.

Размышляя в одной из своих книг об исторических судьбах моего народа, я уже писал о том, что казахская нация имеет право не стыдиться ни одной из страниц своей прошлой истории. По прошествии 10 лет независимого развития я могу сказать, что и у многонационального народа Республики Казахстан нет причин, чтобы стыдиться, смущаться и оправдываться перед миром.

Мы вытеснили свои ядерные страхи и избавили от таковых всех, кому они внушались с нашей стороны.

Мы разогнали иллюзии, расчистив на своей земле, в своих сердцах и умах место для реализма.

Мы выстроили новую безъядерную историю страны – заложили новую повествовательную традицию о том, как можно подняться над мировой угрозой.

Но эта история полнокровна лишь тогда, когда у нее есть круг слушания и обсуждения – когда слово продолжает свою жизнь в коллективном сознании и деятельности.

Безъядерная геополитическая риторика щедро обещает стать той кузницей, в которой ковались бы и накапливались те материалы и инструменты, которые бы скрепили безопасность обновляющегося мира на все III-е тысячелетие.

Если вы вздумали заглянуть в лицо прошлому, не спешите к местам археологических раскопок и к тиши библиотек. Наше прошлое пребывает в нас борьбой старого и нового, конкуренцией непреходящего и конъюнктурного.

Если вы захотите заглянуть в лицо будущему, не

обращайтесь к футурологам. Оно бежит под вашими окнами галдящей и щебечущей толпой. Иногда оно напоминает о себе, посылая вам записки и знаки, и нужно немного выдержки и интуиции, чтобы, прикинув к звукам и буквам грядущего, начать осваивать его легкий и свежий язык.

...Миг свидания с этим будущим я пережил, прочитав письмо, сочиненное и доставленное к моей резиденции храбрым мальчишкой. Я не вправе разглашать тайну его переписки, но могу вам сказать, что это было послание юного гражданина с перечнем трудных жизненных проблем и с надеждой исправить взрослый мир, не защищенный от заблуждений и черствости...

Стоит жить и трудиться, преодолевая проблемы и непонимание, ибо иное было бы предательством и против своего собственного детства.

Наше будущее живет рядом с нами в мечтах и печалах о нас. И кроме нас самих его некому защитить.

Оглавление

ПРОЛОГ. МЕЧИ И ОРАЛА	6
Глава 1. КАЗАХСТАН: К БЕЗЪЯДЕРНОМУ БУДУЩЕМУ	13
Деление сверхдержавы: четвертый ядерный потенциал	14
Ядерное искушение	27
Региональная Сверхдержава или Территория Мира?	27
Отказ от ядерного оружия – воля народа независимого Казахстана	38
Геополитический фактор исторического решения	74
Новое понимание безопасности – доктрина доверия	80
К безъядерному будущему	92
Глава 2. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	125
Третий «ядерный» мир	126
Южная Азия: две региональные сверхдержавы	130
Новый Рубикон: горячие точки планеты	144
Нераспространение и неразмещение: принципы эпохи	160
ДНЯО: требование времени и государств	160
Вечный договор: ретроспективная оценка	181
Категорический императив бессрочности: ошибка или реалии?	191
Новый ярус конфронтации	207
Ядерный транзитивизм: логика развития	207
Сдерживание: региональное вето	221
От биполярности к биполярности	234
Конструкция безъядерного мира	243
ЭПИЛОГ	247

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич

ЭПИЦЕНТР МИРА

(на русском языке)

Редактор *Г. Жарылгасимова*
Художественный редактор *Э. Жаксылыкова*
Технический редактор *О. Рысалиева*
Компьютерная верстка *Д. Тойкина*
Корректор *Е. Кузнецова*

ИБ №083

Сдано в набор 15.05.2003. Подписано в печать 12.06.2003.
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 16+2,75 вклейка. Уч.-изд. л. 11,85+2,46 вклейка. Тираж 30000.
Заказ №478.

Издательство «Атамұра», 480091, г. Алматы, пр. Абылай хана, 75.

Полиграфкомбинат корпорации «Атамұра» Республики Казахстан,
480002, г. Алматы, ул. М.Макаева, 41.